

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Слово въ день тысячелѣтія со дня (6 апрѣля) кончины св. просвѣтителя славянъ архіепископа Меѳодія. Настоятеля Харьковскаго Успенскаго Кафедральнаго собора, Протоіерей Т. Павлова	471—482
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	483—509
Свв. Кирилль и Меѳодій въ своихъ трудахъ по переводу Св. Писанія на славянскій языкъ. (Рѣчь, читанная 6 апрѣля въ торжественномъ собраніи Харьковской духовной семинаріи). Преподавателя Харьковской духовной семинаріи Ѳ. Смирнова	510—530
Рѣчь, произнесенная 21 апрѣля въ Харьковскомъ дворянскомъ собраніи. Преосвященнаго Амвросія	531—538

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію (продолженіе). М. Остроумова	347—377
Цицеронъ и его „Тускуланскія бесѣды“. Ѳ. Садова	378—392
Письма философа Сенеки (продолженіе). * * *	393—394

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Списокъ лицъ, кои Всемилостивѣйше удостоены въ 24 день марта 1885 года наградъ, Высочайше жалуемыхъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Предписаніе епархіальнаго начальства.—Извѣстія и замѣтки.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространныя переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчпой лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферлантова.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьв. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Впр. XI, 3.

Доволено цензурою. Харьковъ. Мая 1 дня 1885 года

Цензоръ, Протоіерей *Т. Пяловъ.*

СЛОВО

въ день тысящелѣтія со дня (6 апрѣля) кончины св. просвѣтителя славянъ Архіепископа Меѳодія.

— —
*Помыслихъ дни первыя и лета вѣчныя
помянухъ и поучахся. Пс. 76, 6.*

Нынѣшнее всенародное торжество, въ которомъ принимаютъ участіе и всѣ славянскія православныя племена и весь православный русскій народъ, невольно переноситъ мысль каждаго изъ насъ къ тому далекому, за 1000 лѣтъ, времени, когда св. братья, Кирилль и Меѳодій, внимая голосу Божію, призывавшему ихъ къ великому апостольскому служенію, принимаютъ на себя великій подвигъ—просвѣтитъ вѣрою Христовою славянскіе народы. *сидѣвшіе до того во тмѣ и стнхъ смертнхъ*. Просвѣщенные наукою и знаніями, они приносятъ это духовное богатство въ жертву Богу, для славы Божіей и для спасенія цѣлыхъ народовъ. Безъ азбуки и книгъ, безъ этихъ орудій просвѣщенія человѣческаго и божественнаго, не могла имѣть прочныхъ успѣховъ ихъ апостольская проповѣдь. Въ тиши уединенія они неустанно работаютъ надъ изобрѣтеніемъ славянской азбуки и переводомъ священныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ на родной для славянъ языкъ. Славяне слышали родное для слуха слово св. проповѣдниковъ, родное для сердца человѣка слово любви Бога, общаго

всѣхъ Отца, къ человѣку, слово любви къ человѣку, какъ къ брату,—и они пошли на этотъ голосъ. Въ-сто жалкихъ языческихъ кумирень, съ безобразнымъ служеніемъ безобразнымъ идоламъ, земля славянъ покрылась благолѣпными храмами Божиими, народъ узрѣлъ торжественное служеніе Богу истинному, услышалъ слово Христа Спасителя и священныя пѣснопѣнія на своемъ родномъ языкѣ. Для болѣе прочнаго усвоенія истинъ вѣры народомъ и болѣе разумнаго пониманія ихъ—они основывали христіанскія училища.

Тысячу лѣтъ слышится слово Божіе среди славянъ и тысячу лѣтъ среди ихъ раздаются на родномъ языкѣ хвалебныя пѣсни въ честь и славу Божію. Народы, поставленные Господомъ на путь спасенія, просвѣщенные апостольскою проповѣдью св. братьевъ, прошли уже этотъ долгій путь и будутъ идти по нему, пока будутъ жить на землѣ, или пока будетъ стоять земля.

Велика заслуга предъ Богомъ и велика слава во всей Церкви Христовой св. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтившихъ нашихъ братьевъ славянъ и выполнившихъ заповѣдь Христа — *шедше научите все языки, шедше проповѣдите Евангеліе всей твари*, ибо по слову Спасителя тотъ, кто *сотворитъ и научитъ*—*великій наречется въ царствіи небеснѣхъ*.

Но не менѣе велики ихъ заслуги въ нашей русской православной Церкви и благоплодны труды для всего нашего русскаго народа. Ихъ апостольскими трудами пользовались наши предки въ продолженіи уже многихъ вѣковъ, пользуемся и мы въ дѣлѣ вѣчнаго спасенія нашей души и наши потомки будутъ пользоваться, пока будетъ стоять наша земля, пока будетъ храниться въ ней св. вѣра Христова,—а ей никогда не измѣнить русскій народъ, — пока она будетъ украшаться своимъ лучшимъ украшеніемъ—св. храмами Божиими и

пока будетъ въ нихъ раздаваться слово живаго Бога и будутъ слышатся молитвы и торжественныя св. пѣснопѣнія, — а они не умолкнутъ, пока у насъ будетъ слухъ и языкъ.

Св. равноапостольный князь Владиміръ, при содѣйствіи пастырей Церкви, просвѣтилъ св. вѣрою всю землю русскую; но ему много помогли въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ труды св. братьевъ Кирилла и Меѳодія. Неимовѣрно быстро распространилась по русской землѣ вѣра Христова; множились св. храмы и въ нихъ совершалось богослуженіе благодаря тому, что къ намъ пришли учителя вѣры изъ славянскихъ странъ, наученные вѣрѣ по св. книгамъ, писаннымъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, приносили къ намъ эти книги. по нимъ совершали богослуженіе, по нимъ учили народъ въ храмѣ и школахъ, которыя основывалъ св. князь Владиміръ и другіе князья въ разныхъ городахъ земли русской. чтобы онѣ приводили народъ къ храму, къ разумѣнію вѣры и могли дать народу своихъ учителей вѣры. Быстро падаютъ кумиры; великая русская земля украшается св. храмами, иногда воздвигаемыми въ одинъ день (обыденные), слышится въ нихъ слово Божіе и слухъ и духъ народа услаждается, внимая святымъ богодухновеннымъ пѣснопѣніямъ.

Съ этого великаго и славнаго времени св. вѣра во Христа, св. храмы Божіи и христіанскіе школы—училища слова Божія — полагаются въ основу народной жизни, народной силы, единства, крѣпости и могущества народнаго и государственнаго.

Съ этого-же времени ставятся для насъ поучительными историческія судьбы нашего народа. Онъ слабѣетъ и крѣпнетъ, сокрушается среди невгодъ и бурь историческихъ, или — выдерживаетъ эти бури и выходитъ съ побѣдою, торжествомъ и большею крѣпостію, смотря

потому, въ какой мѣрѣ онъ хранить св. вѣру, живетъ по уставамъ Церкви, по добрымъ завѣтамъ своихъ отцевъ, учится въ христіанской школѣ и идетъ по пути того просвѣщенія, которое оставили намъ, какъ св. наслѣдіе, наши первоучители св. Кирилль и Меѳодій.

Въ народѣ русскомъ было много силъ и они проявлялись въ грубой, животной формѣ, и народъ языческій чтить эти силы и прославлялъ ихъ проявленіе въ лицѣ своихъ богатырей. Просвѣщенный вѣрою, онъ понялъ значеніе и величіе другихъ силъ и началъ прославлять ихъ въ подвигахъ любви, смиренія и самоотверженія, въ лицѣ великихъ и святыхъ подвижниковъ Кіево-Печерской и другихъ обителей. Но въ немъ остались жить грубыя, животныя силы; ибо пересоздающая сила вѣры иногда дѣйствуетъ медленно и въ отдѣльномъ человѣкѣ и спасительное дѣло перерожденія его грѣховной природы иногда совершается въ продолженіи всей его жизни. Гораздо продолжительнѣе это должно совершаться въ жизни цѣлаго народа. Свѣтъ вѣры Христовой, пришедши на русскую землю, освѣтилъ и согрѣлъ лучшихъ людей земли, которые были ближе къ духовному солнцу и теплу. Низшіе духовно не скоро могли проникнуться свѣтомъ и тепломъ; а потому, оставаясь темными и холодными, надолго не могли воспринять въ свою жизнь высокаго евангельскаго ученія о любви и единеніи, о смиреніи и безкорыстіи. Послѣ принятія народомъ св. вѣры, въ первыхъ его поколѣніяхъ, долго еще преобладало себялюбіе и царило насиліе. Это разъединяло и ослабляло Русь и сдѣлало ее легкой добычей дикихъ азіатскихъ народовъ. Всеобщее бѣдствіе, тяжелый, унижительный и оскорбительный для народной чести, гнетъ азіатской орды заставилъ народъ искать утѣшенія и вразумленія въ вѣрѣ. Онъ находилъ это утѣшеніе въ св. храмахъ, вразумлялся евангельскимъ

словомъ, о любви, которая полагаетъ *душу свою за други своя*, о безкорыстїи, готовомъ отдать послѣднюю одежду и послѣднюю лепту, для блага народа, и славы Божїей. Изъ свято-отеческихъ писанїй, изъ этого наслѣдія отъ св. братьевъ-апостоловъ, челоувѣкъ научался скорбѣть не о своемъ только личномъ горѣ, но страдать и скорбѣть общимъ горемъ и всенародною скорбію. Народъ выросталъ духовною жизнію, укрѣплялся духовными силами. Онъ сосредоточился вокругъ одного церковно-народнаго центра — Москвы, въ лицѣ своего народнаго главы — в. князя Димитрія, внялъ голосу великаго подвижника и печальника о народномъ горѣ — преподобнаго Сергія, въ которомъ сосредоточилось то, что было лучшаго въ христіанской жизни народа, вступилъ въ борьбу со врагомъ и изъ кровавой битвы вынесъ, если не свободу, то убѣжденіе въ своихъ силахъ, а еще болѣе — въ силѣ молитвы и вѣры въ помощь Божїю. Онъ жилъ уже надеждою свергнуть иго и стать въ независимое положеніе, когда силою единой вѣры и братской любви соберется весь во-едино.

Ростъ народной жизни, питаемой не мудростію челоувѣческою, а ученіемъ слова Божїя, примѣромъ и наставленїями народныхъ подвижниковъ благочестїя, — продолжался и народъ настолько окрѣпъ единствомъ, что внимая голосу Церкви, въ лицѣ доблестнаго архипастыря (Вассїана), уже въ силахъ не только свергнуть съ себя тяжелое иго, но и покорить себѣ дикія азіатскія орды, и заставить ихъ служить общему народному дѣлу.

Настала новая, тяжелая пора; надъ русской землей разразилась страшная буря. Не стало на Руси царя, и началось царство крамолы и междоусобїя; нашли враги и настало великое народное рушенье. Но жива была въ народѣ св. вѣра, жилъ въ духѣ народа Господь и

Онъ возглагодалъ къ народу устами патріарховъ Іова и Гермогена, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія; онъ слышался въ голосъ доблестныхъ гражданъ и въ народной молитвѣ къ Небесной Заступницѣ: „Мати Божія! Спаси землю русскую!“ Мольба услышана, крамола утихла, враги изгнаны и силы народныя сосредоточилисьъ вокругъ престола избранника и стали дѣлать общее дѣло по указанію Помазанника Божія.

Пришло время, когда и народъ и представители народа поняли неполноту народной жизни, почувствовали потребность для большаго развитія народныхъ силъ позаимствовать многое полезное изъ жизни другихъ христіанскихъ народовъ Запада. Стали учиться хорошему; но, увлекшись новымъ и невиданнымъ у насъ, многіе стали думать, что все иноземное хорошо, а свое родное и дурно и грубо. Начали безъ строгаго разбора перенимать у иностранцевъ и заимствовать и хорошее и дурное; пересаживать на почву народной жизни и то, что заслуживало этой пересадки, что могло быть плодотворно и то, что только бросалось въ глаза яркостію своихъ цвѣтовъ, но было однимъ пустоцвѣтомъ. А между тѣмъ, для этой пересадки и ненужнаго и негоднаго требовались и значительныя народныя силы и громадныя затраты нужныхъ для народа средствъ. Нужны были мѣста для новыхъ посадокъ. А для этого многіе считали полезнымъ вырывать, вырубать и выкапывать свои деревья и тѣнистыя и глубоко пустившія корни въ родную почву, и истреблять ихъ только потому, что они не отличались яркими, блестящими цвѣтами; хотя народъ привыкъ жить подъ ихъ тѣнью и питаться ихъ плодами, можетъ быть и не слишкомъ сладкими, но питательными для народнаго здоровья. Новыя насажденія, для которыхъ или не годна была наша почва, или мы не умѣли ее обработать и удобрить, естествен-

но должны были зачахнуть, завянуть и засохнуть. А тѣ мѣста, гдѣ росли старыя, излюбленныя народомъ, деревья, должны были оставаться пустыми, или зарости волчцами и терніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многое, пересаженное разумною рукою, привилось къ народной жизни и принесло добрые плоды. Но не мало осталось пустыхъ мѣстъ и не мало выросло терній, которыя уязвляли народное тѣло и народный духъ.

Вліяніе ложной философіи послѣдней половины XVIII вѣка, съ ея невѣріемъ и отрицаніемъ Бога, съ ея насмѣшками и глумленіями надъ Церковію и ея учрежденіями, — отразилось особенно сильно на томъ классѣ народа, который вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ Западомъ. Мы стали стыдиться и своего народа, съ его языкомъ и простыми обычаями, и своей Церкви, съ ея вѣрованіями и тѣмъ мертвымъ, якобы непонятнымъ для насъ языкомъ, на которомъ она проповѣдуетъ намъ слово Христа Спасителя и свои, на нашъ видъ не художественно выполняемыя, пѣснопѣнія. Чужой языкъ сталъ нашимъ языкомъ; родной — чужимъ и презираемымъ. Мы отвратились отъ той школы, которая предлагала намъ азбуку св. Кирилла, отъ тѣхъ св. книгъ, которыя были переложены на славянскій языкъ св. Меѳодіемъ. Та богодухновенная книга царя Давида, изъ которой Спаситель черпалъ доказательства Своего Божества и пѣсни которой улаждали его скорбную душу предъ крестными страданіями, и въ псалмахъ и пѣніяхъ ея св. Апостолъ завѣщалъ находить высшее духовное улажденіе, а нашъ народъ, въ продолженіи почти тысячелѣтія, обыкъ по ней проливать предъ Богомъ свои моленія и возвѣщать ему свои скорби и печали, — эта книга обратилась въ притчу и поруганіе, и поношеніе. Посему естественно уже было отвратиться съ презрѣніемъ и отъ школы, гдѣ изучали эту

книгу и отъ учителя этой школы—бѣднаго служителя Церкви.

Явился на его мѣсто новый, иноземный учитель, но безъ нравственной почвы подъ собой, безъ народа, безъ вѣры и добрыхъ убѣжденій,—эта печальная жертва общественныхъ бурь и политическихъ переворотовъ, какъ обломокъ, выброшенный на берегъ морскими волнами отъ разбитаго морской бурей корабля. Мы съ участіемъ, достойнаго лучшаго удѣла, отнесли къ подобнымъ пришельцамъ. Мы отдали имъ свои отеческія права, мы возложили на нихъ свои отеческія обязанности. Мы старались привить къ этимъ безжизненнымъ и мертвымъ обломкамъ наше молодое поколѣніе, въ надеждѣ, что оно позаимствуетъ отъ нихъ новую, лучшую жизнь. И мы горько ошиблись, потому что въ отломленномъ и засохшемъ не можетъ быть жизни. И многое въ нашей духовной жизни увяло и засохло отъ этой неудачной прививки. Это бѣдствіе не коснулось народа. Онъ продолжалъ, храня уставы св. Церкви, молиться и въ храмѣ и дома на томъ языкѣ, на которомъ искони молились его отцы, предъ тѣми св. иконами, предъ которыми молились его дѣды. Предъ скудной своей трапезой, на половину года постной, онъ призывалъ на нее благословеніе Того, Кто отверзаетъ для всѣхъ Свою щедрую, отеческую руку, и благодарилъ за то, что Онъ *насытилъ его земныхъ Своихъ благъ*. Поклонникъ чужеземныхъ обычаевъ не могъ такъ молиться и предъ своей обильной трапезой, потому что отъратившись отъ школы и Церкви, онъ не зналъ молитвъ; обычаи—изгнали изъ его дома св. иконы, а чужеземныя книги, въ которыхъ не было мѣста церковнымъ молитвамъ, не научили его никакимъ молитвамъ.

Страшная гроза изъ Запада, которому принесено было столько жертвъ и куда съ свѣтлыми упованіями мы

обращали и очи и сердца, —разразилась надъ нашимъ отечествомъ въ 1812 году и въ тѣхъ, кого мы считали образцомъ людскости, братства, равенства и свободы, мы во-очію увидѣли враговъ буйныхъ и звѣроправныхъ. Они полили родную землю нашею кровью, устлали ее тѣлами нашихъ братьевъ и отцовъ, превратили въ пещель наши села и города, осквернили дорогую для нихъ святыню храмовъ Божіихъ. Это великое и страшное бѣдствіе, отъ котораго мы искали и нашли спасеніе у св. Алтаря, послужило намъ великимъ и поучительнымъ урокомъ.

Но опять мы стали забывать полный смыслъ даннаго намъ урока. Въ дѣлѣ воспитанія молодаго поколѣнія мы не оставили св. Церкви и ея ученіе, но образцомъ для школы послужила намъ иноземная школа. Въ ней ученіе вѣры было такъ поставлено въ ряду другихъ образовательныхъ предметовъ, что вліяніе церковнаго ученія на молодое поколѣніе оказалось крайне слабо и не могло противудѣйствовать разрушительному вліянію ученій противу-христіанскихъ и противу-государственныхъ, которыя заражали школьное поколѣніе помимо намѣреній и плановъ самой школы. Служитель Церкви одинъ не въ силахъ былъ противудѣйствовать сильному и разрушительному потоку, а семья часто была безсильна бороться съ нимъ. Молодое поколѣніе привыкало смотрѣть на ученіе о Богѣ, какъ на предметъ формально-обязательный, только терпимый, для котораго и времени удѣлялось крайне мало. Являлись воспитатели, составлявшіе длинные списки книгъ, нужныхъ и полезныхъ для воспитанія дѣтей. Но въ числѣ 56 *) книгъ, состоявшихъ изъ пѣсенъ, сказокъ и басенъ, не давали мѣста ни Евангелію, ни другой святой книгѣ. Дѣтскія книги должны питать душу питомца; но

*) Хар. Губ. Вѣд.

ни одной книги о Томъ, Кто сказалъ: *Азъ есмь хлѣбъ, спешдый съ небесе.* Не хитрыя измышленія человѣческаго разума, а данныя намъ Богомъ истины могутъ быть насущнымъ хлѣбомъ для нашего духа. Ни одинъ русскій писатель не рѣшится указать на Псалтирь, какъ на книгу, способную возвышать и укрѣплять духъ человѣка, изъ страха быть осмѣяннымъ въ печати публично и все-народно. Богодухновенный царь-пѣвецъ былъ образомъ кротости, любви, великодушія и преданности Богу и Его св. волѣ. Не подъ влїяніемъ св. пѣсней отца-царя дѣйствовалъ его молодой сынъ Авессаломъ. Онъ пошелъ въ народъ, обѣщаль ему свободу, говорилъ ему сладкія рѣчи; но въ нихъ была ложь, обманъ, жажда крови и смерти царя-отца. И вѣчное проклятїе пало на его главу. Не образъ-ли это нашихъ народныхъ печальниковъ.

Не дай Богъ намъ дойти до той школы, которая изгнала св. иконы и св. крестъ и запретила произносить въ присутствїи дѣтей имя Бога. Но не изъ церковной же школы, которая учитъ *воздавать Кесарево Кесареви и Божїе Богови*, учитъ *Бога бояться и царя чтить*, не изъ ней вышли тѣ люди, которые отрицаютъ Бога и все духовное, разрушаютъ законы семейные, общественные и государственные. А они дали намъ новый страшный урокъ, проливши на стогнахъ царственнаго града кровь мученика-царя, подобно которому не представляетъ вся наша исторія и едва-ли представить исторія другихъ народовъ.

Мы указываемъ на это страшное событіе, какъ на такое, которое поразило чувство всего народа и будетъ имѣть потрясающее значеніе въ исторїи. А сколько совершается среди насъ такихъ печальныхъ событій, которыя не имѣютъ широкаго историческаго значенія, но тѣмъ не менѣе потрясаютъ и подрываютъ семейное

счастье, общественное благосостояние, крепость народных и государственных силъ. Этихъ печальныхъ явленій не могло-бы быть, если-бы въ основу жизни семейной и общественной и въ основу всего воспитанія полагался несокрушимый краеугольный камень—Христосъ и живая вѣра въ Него; если-бы все зданіе жизни и знаніе связывалось истинами Евангелія такъ, какъ желѣзными связями скрѣпляются стѣны и своды храмовъ Божіихъ.

Возблагодаримъ Бога за то, что Онъ возглаголялъ въ сердцѣ Царя благая о народѣ Его и о Церкви Христовой. Почти наканунѣ празднуемаго нами тысячелѣтія со времени изобрѣтенія славянской грамоты и перевода св. книгъ на славянскій языкъ, Государь основалъ и утвердилъ церковно-славянскую, православно-христіанскую школу; а наше высшее церковное управленіе и епархіальныя власти, съ усердіемъ и любовію, достойными этого дѣла, дѣятельно приводятъ въ исполненіе волю Государя, какъ волю Божію.

Мы вѣримъ, что это благое насажденіе найдетъ для себя обильныя питательныя соки въ жизни православнаго русскаго народа, жизнь и исторія котораго не будутъ для насъ понятны безъ связи съ православною вѣрою; что это дерево глубоко пуститъ корни въ народной почвѣ, какъ дерево благосѣнно-лиственное—будетъ покрывать народъ въ годину бѣдствій и—какъ благоплодное—будетъ питать народъ тою здоровою и питательною пищею, въ которой онъ нуждается и которой просить. Да посылаетъ Господь силы, усердіе и любовь къ труду дѣятелямъ этого вертограда, чтобы они не изнемогли отъ тяготы труда и дневнаго вара.

Празднуемые нынѣ свв. братья—Кириллъ и Меѳодій, чтобы утвердить св. вѣру среди славянъ, основывали подобныя славянскія школы.

Но могутъ сказать: „зачѣмъ учить дѣтей мертвому языку, не понятному для дѣтскаго возраста?“ Этому не скажетъ нашъ православный народъ, для котораго этотъ языкъ сталъ какъ-бы роднымъ, потому что близкимъ и роднымъ стало все то, что онъ слышитъ на этомъ языкѣ. Это могутъ сказать тѣ, которые провели много лѣтъ своей жизни надъ изученіемъ древнихъ мертвыхъ языковъ, чтобы понимать древнихъ языческихъ писателей, или новыхъ иноземныхъ языковъ — чтобы понимать иностранцевъ и объясняться съ ними. А чтобы бесѣдовать съ Богомъ, понимать св. Евангеліе, чтобы былъ понятенъ для насъ голосъ св. Церкви, — неужели для этого не слѣдуетъ затратить и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ибо этотъ языкъ, близкій къ нашему родному языку, легко и скоро усваивается? Нашъ народъ глубоко чтитъ этотъ языкъ уже и потому, что на немъ онъ слышитъ одни святыя рѣчи и ничего, позорящаго человѣческой языкъ и человѣческое слово. Къ нему народъ привыкъ изъ дѣтства и привыкаетъ всю жизнь до гроба. Молиться Богу на этомъ языкѣ его учила родная мать еще ребенкомъ; на этомъ языкѣ всю жизнь онъ слышалъ голосъ къ нему Божій и голосъ св. матери-Церкви; на этомъ языкѣ онъ, въ послѣднія, предсмертныя минуты жизни, будетъ молить Господа, чтобы Онъ пріялъ душу его съ миромъ.

Возблагодаримъ Господа, просвѣтившаго насъ свѣтомъ вѣры Христовой и призвавшаго насъ ко спасенію и возвеличимъ свв. равноапостольныхъ Меѳодія и Кирилла, „вся Словенскія страны учеными своими просвѣтившыя и насъ ко Христу приведшыя“. (Величаніе).

Настоятель Харьковскаго Успенскаго Каѳедральнаго собора,
Протоіерей *Тимоѣй Павловъ*.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

идея священнаго союза.

(Продолженіе *)

Предъ императоромъ Александромъ поднялся въ первые дни по полученіи грозной вѣсти о сдачѣ Москвы и другой болѣе тяжелый, болѣе страшный вопросъ. Не слѣдовало-ли въ самомъ дѣлѣ положить конецъ безплодному кровопролитію и вступить въ мирные переговоры съ Наполеономъ. Ходъ войны показалъ, повидимому, несомнѣнно, что всѣ надежды побѣдить непобѣдимаго обманывали одна за другою. Какой рядъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій, начиная отъ пресловутаго Дрисскаго лагеря и оканчивая страшною Бородинскою бойнею, пережить уже былъ императоромъ! Сколько разъ перемѣнялъ онъ до сихъ поръ свою систему, искалъ спасенія то въ ученой стратегіи Фуля, то въ разумномъ и методическомъ образѣ дѣйствій Барклая, то, наконецъ, въ отчаянныхъ битвахъ подъ предводительствомъ вождя, излюбленнаго всею націею. И все напрасно! Непріятель преодолѣлъ всѣ препятствія, разрушилъ всѣ преграды, поставленныя ему на пути. Онъ занималъ уже Москву, центръ имперіи, и хотя наша армія не была еще истреблена, но кто могъ сказать, что Наполеонъ дастъ ей время оправиться и собраться съ силами. Кто могъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1885 г. № 7.

допустить, что гениальнѣйшій полководецъ міра начнетъ совершать съ этого времени цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ и военныхъ ошибокъ, что онъ будетъ бездѣйствовать въ Москвѣ въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль, что онъ упуститъ изъ виду нашу армію, что онъ самъ будетъ заискивать мира? Не естественнѣе-ли было предположить, что Наполеонъ обнаружитъ и въ эту рѣшительную минуту свою обычную энергію и быстроту, что онъ атакуетъ нашу армію и уничтожитъ ее окончательно, что онъ двинетъ часть своихъ полчищъ къ Петербургу, или же расположится на зимовку въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ? Кто могъ сомнѣваться въ гениальной находчивости Наполеона, въ неистощимости его средствъ, кто могъ предвидѣть и разстроить его неожиданныя комбинаціи, всегда столь спасительныя для него и столь губительныя для его враговъ? А съ другой стороны можно-ли было рассчитывать, что Наполеонъ самъ не пожелаетъ доводить дѣло до крайности, что онъ предложитъ Россіи условія мира, если и не почетныя, то, быть можетъ, не особенно тяжелыя. Вѣдь Наполеонъ еще до начала войны изъявилъ многимъ, что онъ вовсе не намѣренъ уничтожать Россію, что онъ желаетъ лишь присоединить ее вновь къ своей политической системѣ. Правда, успѣхи, одержанные до сихъ поръ Наполеономъ, могли усилить непомѣрно его требованія; но съ другой стороны онъ долженъ былъ понимать, что и его положеніе не было вполнѣ безопасно и что не слѣдуетъ доводить Россію и ея императора до крайности, до отчаянія.

Мы не знаемъ, задавалъ-ли себѣ эти вопросы самъ императоръ, но намъ извѣстно положительно, что другія лица, и притомъ лица самая близкія къ Александру, выдвигали передъ нимъ эти вопросы, совѣтовали и требовали, чтобы онъ положилъ конецъ ужасной войнѣ и вступилъ въ унижительную сдѣлку съ Наполеономъ. Если гдѣ-либо, то именно въ самыхъ высшихъ сферахъ потеря Москвы произвела самое удручающее впечатлѣніе. Французская партія съ канцлеромъ Румянцевымъ во главѣ нашла себѣ вдругъ сильнѣйшую опору при дворѣ, въ высшей аристократіи, въ самой царской семьѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ требовалъ мира съ своею

обычною страстностью; императрица Марія Феодоровна, не смотря на всю свою ненависть къ Наполеону, была подавлена окончательно несчастьемъ и совѣтовала сыну преклониться предъ неотразимою судьбою. При всемъ дворѣ господствовало глубокое уныніе. Печальная перспектива новыхъ бѣдствій, бѣгство въ Олонецъ, или въ далекую Казань, наводили на всѣхъ леденящій ужасъ *). Ежечасно, ежеминутно видѣлъ императоръ смущенныя, озабоченныя лица своихъ окружающихъ, отовсюду слышалъ онъ одни и тѣже робкіе и недостойные совѣты и внушенія. Императоръ сознавалъ инстинктивно, что онъ долженъ отвергнуть съ негодованіемъ эти совѣты, что онъ долженъ отстаивать во что-бы то ни стало честь и самобытность своего народа; но его мягкая, податливая натура изнемогала подъ страшною тяжестью этой борьбы, она искала себѣ невольной опоры и помощи. Только три лица, изъ бывшихъ тогда въ Петербургѣ, Шишковъ, графъ Кочубей и баронъ Штейнъ могли дать ему эту опору, только одни они могли поддержать въ немъ духъ геройской рѣшимости. Но Шишковъ занималъ, очевидно, слишкомъ второстепенное положеніе и не могъ отважиться совѣтовать императору. Иное дѣло были графъ Кочубей и баронъ Штейнъ **). Одинъ изъ нихъ былъ другомъ Александра съ юношескихъ лѣтъ, другой пользовался величайшимъ уваженіемъ императора и его безусловнымъ довѣріемъ. И Кочубей и Штейнъ стояли на одной

*) Беригарди говорятъ: In Petersburg dagegen erbehte mancher, und neben der eigentlichen französischen Partei, an deren Spitze Rumjanzew stand, erhob auch eine weit zahlreichere Friedenspartei ihre Stimme. Selbst die Kaiserin-Mutter, die sonst Napoleon persönlich mehr hasste, als irgend ein Mitglied der kaiserlichen Familie, sprach jetzt erschreckt von Frieden, den der Grossfürst Konstantin mit seiner gewöhnlichen Leidenschaftlichkeit laut für unumgänglich nothwendig erklärte. Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 179.

**) Die Welt weiss, говоритъ Беригарди, dass der Kaiser Alexander, nur an dem edlen Stein und Kotschubei eine Stütze fand, und es gereicht um so mehr zu seiner Ehre, dass er unerschüttert blieb“. (Т. е. свѣтъ знаетъ, что императоръ Александръ нашелъ себѣ опору только въ благородномъ Штейнѣ и Кочубей, тѣмъ болѣе для него чести, что онъ остался непоколебимымъ). Въ этомъ свидѣтельствѣ не говорится ни слова о Шишковѣ, но изъ его зависокъ мы знаемъ, какъ часто видѣлся онъ съ государемъ въ эти тяжелые дни, въ какомъ смыслѣ говорилъ онъ ему и какъ смѣло высказывалъ свои чисто русскія и глубоко-религіозныя убѣжденія.

и той же почвъ, проникнуты были однимъ и тѣмъ же образомъ мыслей. Оба они усматривали въ Наполеонѣ величайшаго врага свободы и будущности европейскихъ націй; оба усматривали въ Россіи и ея императорѣ орудія, избранныя самимъ Провидѣніемъ для избавленія человѣчества отъ неслыханной и постыднѣйшей тираниі. Оба они понимали отлично, что Россія поставила въ настоящей борьбѣ на ставку все свое національное существованіе и свою народную честь, что дѣло шло для нея на этотъ разъ не о нѣсколькихъ провинціяхъ и не о перемѣнѣ системы союзовъ, а о *быть* или *не быть*. И они не колебались ни на минуту, что Россія выиграетъ эту ставку, что недалекъ уже тотъ моментъ, когда она побѣдоносно станетъ во главѣ освобожденнаго европейскаго человѣчества. И въ то время, когда все вокругъ ихъ повѣсило голову и толковало лишь о постыдныхъ сдѣлкахъ съ непріателемъ, они одни не падали духомъ, держали себя бодро и весело и высказывали твердую надежду на скорую и неизбежную гибель Наполеона *).

Въ то самое утро, когда вѣсть о взятіи Москвы и о первыхъ пожарахъ распространила страхъ и уныніе въ высшихъ петербургскихъ кружкахъ, Штейнъ, по свидѣтельству Арндта, спокойно сидѣлъ за своимъ завтракомъ и среди обычныхъ разговоровъ вспомнилъ о грозномъ извѣстіи. „Вы вѣроятно слышали, обратился онъ къ Арндту: Москва горитъ уже на всѣхъ концахъ, сюда наѣхало уже не мало бѣглецовъ. Быть можетъ, намъ прійдется отправляться въ Олонецъ, а пожалуй и въ Оренбургъ. Что жъ дѣлать? Уже два, три раза въ жизни приходилось мнѣ терять свой багажъ. Надо-же когда-нибудь умирать. Какой жалкій народъ всѣ эти люди. Сейчасъ былъ здѣсь Ф.; онъ убивается, какъ будто съ Москвою сгорѣлъ цѣлый міръ. Я хотѣлъ его пригласить къ обѣду, но онъ отбилъ у меня навсегда охоту. Мы же будемъ сегодня ве-

*) Многіе изъ нашихъ патріотовъ и до сихъ поръ не могутъ примириться съ мыслью, что Штейнъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на императора Александра въ 1812 г., но для чего же, какъ не для нравственной опоры самому себѣ, вызвалъ Александръ Штейна въ Россію? Неужели только для сформированія германскаго легіона?

селы!“ И онъ былъ дѣйствительно веселъ за обѣдомъ. Онъ пилъ за Россію, за Англію, за Испанію, за всѣхъ враговъ тирана *). Лице его блистало въ этотъ день несказанною радостью, полною увѣренностью въ близкомъ, несомнѣнномъ торжествѣ праваго дѣла.

Вліяніе такого желѣзнаго характера на императора Александра, на всю высшую среду, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Было бы смѣшно отрицать это вліяніе, въ силу какого-то ложнаго патріотизма, восклицать, что мы русскіе, никогда не нуждались въ постороннихъ вліяніяхъ для возбужденія въ насъ преданности къ отчизнѣ **). Мы уже видѣли, что Александръ по всей своей натурѣ нуждался въ нравственной опорѣ и поддержкѣ, а гдѣ могъ онъ найти ихъ, какъ не въ лицахъ, подобныхъ Штейну? Тамъ, гдѣ люди обыкновенные и пошлые поддавались чувству безотчетной паники, дрожали за свои удобства и положеніе,—тамъ, гдѣ интриганы, подобные Аракчееву и Балашеву, теряли рассудокъ отъ прилива трусости,—тамъ, гдѣ люди почтенные, но недалекіе, по-

*) См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III стр. 157.

**) Такъ говоритъ между прочимъ и Богдановичъ въ своей исторіи отечественной войны. При этомъ, подобно другимъ, онъ совершенно опускаетъ изъ виду, что Штейнъ вовсе не возбуждалъ патріотизма въ народѣ русскомъ, а своимъ нравственнымъ вліяніемъ только поддерживалъ императора Александра въ борьбѣ съ обстоятельствами и трусами, окружавшими его. Штейнъ вліялъ подобнымъ же образомъ и на другихъ лицъ высшаго круга. Многія изъ такихъ лицъ, какъ напр. Орловъ, Уваровъ, относились къ Штейну съ величайшимъ уваженіемъ и любовью. Уваровъ прямо благоговѣлъ передъ нимъ. Какіе уроки давалъ Штейнъ нашимъ аристократамъ—видно изъ слѣдующаго случая. Обширный дворецъ гр. Орлова былъ набитъ всевозможными жильцами. Тутъ были садовники, слесари, шорники, учителя языковъ, тапцеистеры, музыканты. За столомъ обѣдали ежедневно человѣкъ 50 артистовъ, пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, живописцевъ. Иногда вмѣстѣ съ ними являлись и ихъ питомцы, мальчики и дѣвочки, собранные со всѣхъ концовъ Россіи изъ всевозможныхъ народностей, не исключая киргизовъ и калмыковъ; они являлись въ своихъ національныхъ костюмахъ. Въ ихъ средѣ вращался и молодые члены графской семьи; они учились вмѣстѣ съ ними болтать и пѣть по-французски и итальянски, рисовать, танцовать. Пестрая толпа молодежи иногда забавляла Штейна, но однажды послѣ обѣда онъ сказалъ Орлову: „Не жалуйте мнѣ впередъ, что всѣ ваши мужчины такъ мягки и безхарактерны. Вѣдь, я вижу, какъ вы воспитываете вашихъ родственниковъ среди сброда холоповъ, скупленыхъ отовсюду. Что можетъ выйти изъ нихъ“. См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III стр. 169—170.

добные Румянцеву, не видѣли иного спасенія, какъ въ возвращеніи къ Гильзитской системѣ, — тамъ, гдѣ ближайшіе члены царственной семьи совѣтовали обратиться къ великодушію Наполеона: тамъ одинъ Штейнъ стоялъ твердо, непоколебимо, высказывалъ безграничную увѣренность въ милосердіи Всемогущаго, совѣтовалъ смотрѣть твердо и прямо въ лице надвигающейся грозѣ. Его пламенный энтузіазмъ охватывалъ болѣе слабыя натуры, оживлялъ падающихъ духомъ, соединялъ во-едино твердыхъ и благородныхъ, ободрялъ сомнѣвающихся и изнемогающихъ и поражалъ какъ громомъ трусовъ и злыхъ эгоистовъ и изизмѣнниковъ. Въ тяжелые дни послѣ паденія Москвы, Штейнъ сдѣлался человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова общественнымъ. Ежедневно бесѣдовалъ онъ съ императоромъ, съ обѣими императрицами и съ другими членами царской семьи; ежедневно появлялся онъ въ кружкахъ у Кочубея, Орлова и Уварова. И вездѣ его появленіе, его рѣчи, его чистый, святой энтузіазмъ вливали пламень мужества во всѣ сердца, порождали твердую вѣру въ возможность, въ несомнѣнность побѣды Россіи, побѣды человѣчества. А какія горькія, но въ тоже время здравыя, цѣлительныя истины высказывалъ этотъ германскій патриотъ самому государю и русской знати! Въ чемъ заключалось, по его мнѣнію, все несчастіе Россіи? Не въ томъ-ли, что она слишкомъ поддалась вліянію чужеземныхъ обычаевъ? Россія, доказывалъ Штейнъ, должна была заимствовать у западныхъ европейцевъ общепользныя знанія и учрежденія; но она должна была сохранить въ тоже время свои первоначальныя нравы, образъ жизни, одежду; она не должна была подкапывать и портить свою самобытность, измѣняя все это. Ей не нужно было ни французской кухни, ни французской одежды, ни иностраннаго типа; она могла исключить изъ собственнаго все грубое, не отказываясь отъ всѣхъ его особенностей. Положеніе столицы Россіи (т. е. Петербурга), примѣръ правителей, естественная склонность націи къ подражанію, способствовали усиленію пристрастія къ иностраннымъ обычаямъ. И кого-же избрали себѣ за образецъ русскіе? Самую изнѣженную и испорченную націю изъ всѣхъ европейскихъ — французскую. Языкъ французовъ, ихъ литература, ихъ спо-

собъ воспитанія сдѣлались господствующими въ высшихъ классахъ и имѣли самыя гибельныя послѣдствія для нравственности и народнаго образованія. Не пора-ли,—задавалъ Штейнъ вопросъ,—въ виду этого послѣдняго обстоятельства положить предѣлъ дальнѣйшему вторженію иностраннаго элемента, не слѣдовало-ли-бы возвратиться къ столь цѣлесообразной и удобной національной одеждѣ, не слѣдовало-ли-бы императорскому двору перенести свою резиденцію въ Москву? *)

Какъ долженъ былъ относиться императоръ Александръ къ такимъ мнѣніямъ Штейна? Не относились-ли они ближе всего къ нему самому? Не былъ-ли онъ повиненъ болѣе всѣхъ другихъ въ систематическомъ пристрастіи ко всему иностранному, въ полнѣйшемъ отреченіи отъ всего русскаго? Развѣ онъ самъ не говорилъ и не мыслилъ постоянно по-французски? Развѣ всѣ его гуманныя идеи не были заимствованы у тѣхъ-же французовъ? Развѣ въ первые годы своего правленія не силлся онъ пересоздать и осчастливить Россію сначала на англійскій, а потомъ на французскій образецъ? Развѣ въ началѣ страшнаго испытанія онъ не полагался не столько на силы своего народа и на его непоколебимую вѣрность, сколько на симпатіи поляковъ, на поддержку іезуитовъ, говорившихъ свои проповѣди на такомъ изящномъ французскомъ діалектѣ, увѣрявшихъ его на такомъ безупречномъ парижскомъ жаргонѣ въ своей безпредѣльной преданности Россіи?

И не одинъ Штейнъ высказывалъ такія горькія истины императору: и въ средѣ русскихъ нашелся человекъ, отважившійся говорить ему лично тоже самое. Въ одной изъ своихъ

*) Эти свои мнѣнія Штейнъ формулировалъ впоследствии письменно. Они помѣщены въ IV томѣ его біографіи, написанной Перцомъ, стр. 468—470. Тамъ же помѣщено чрезвычайно любопытное мнѣніе Штейна о положеніи русскихъ крѣпостныхъ и о средствахъ улучшить ихъ бытъ. „Для развитія умственныхъ силъ и народнаго богатства, говоритъ Штейнъ, было-бы полезно предоставить крестьянину полное обладаніе землею, обложивъ ее возрастающею рентою, взимаемою продуктами, хотя-бы третью или половиною оныхъ, предоставить земледѣльцу личную свободу и подчинить его полицейскому и судебному надзору помѣщика. Черезъ это возникло-бы почтенное крестьянское сословіе, и среднее сословіе разрослось-бы настолько, что могло-бы наполнить весь кругъ свойственной ему дѣятельности“. Послѣ всѣхъ нашихъ реформъ и экспериментовъ, нельзя не удивляться оригинальности и глубинѣ этихъ предложеній.

официальныхъ бумагъ, назначенныхъ для обнародованія *), Шишковъ, говоря объ ужасныхъ событіяхъ въ Москвѣ, о грабежахъ и неистовствахъ французовъ, не удержался присовокупить нѣсколько своихъ разсужденій „о поврежденіи нравовъ нашихъ отъ привязанности и подражанія тому народу, который въ недавнія времена, отступя отъ Бога и вѣры, впалъ въ язычество, казнилъ своихъ царей и съ такою-же лютостью поступалъ съ собственными своими соотечественниками, съ какою нынѣ поступаетъ съ нами“. Написавъ все это, Шишковъ, однако-же, началъ соображать, что подобная бумага можетъ не понравиться государю, такъ какъ упреки, высказанные въ ней, если и не прямо, то все-таки отчасти падали на него самого. Мысль эта не мало смущала Шишкова; но когда-же, рѣшилъ онъ, наконецъ, если не теперь, дать ему почувствовать все это? Ободренный этимъ размышленіемъ, Шишковъ отправился съ своею бумагою къ государю и передъ докладомъ обратился къ нему съ такими словами: „Государь! Я не умѣю иначе говорить, какъ то, что чувствую. Позвольте мнѣ попросить васъ выслушать бумагу до конца, не прерывая чтенія. Послѣ того, сдѣлайте съ ней, что вамъ будетъ угодно“. Онъ обѣщаль и Шишковъ началъ читать. Изобразивъ въ яркихъ чертахъ ужасы, производимые полчищами Наполеона въ нашей древней столицѣ, онъ продолжалъ такъ: „Но меньше-ли (чѣмъ ихъ властитель) оказались свирѣпыми исполнители и слуги его, и своихъ собственныхъ страстей? Могъ-ли бы онъ духъ ярости и злостія своего вдохнуть въ миллионы сердець, если-бы сердца сіи не были развращены и не дышали злонравіемъ? Хотя, конечно, во всякомъ и благочестивомъ народѣ могутъ быть изверги; однако-же, когда сихъ изверговъ, грабителей, зажигателей, убійць невинности, оскорбителей челоуѣчества, поругателей и осквернителей самой святыни, появится въ цѣломъ воинствѣ почти всякъ и каждый, то невозможно, чтобы въ народѣ такой державы были благіе нравы. Человѣческая душа не дѣлается вдругъ злою и безбожною: она становится таковою мало-по-малу, отъ примѣровъ, отъ соблазна, отъ общаго и долговременно разивающагося яда безвѣрія и раз-

*) О поводѣ къ обнародованію этой бумаги мы будемъ говорить ниже.

вращенія. Сами французскіе писатели изображали нравъ народа своего „слиянiемъ тигра съ обезьяною“; и когда-же не былъ онъ таковъ? Гдѣ, въ какой землѣ весь царскій домъ казненъ на плахѣ? Гдѣ, въ какой землѣ столько поругана была вѣра и Самъ Богъ? Гдѣ, въ какой землѣ самыя гнусныя преступленія позволялись обычаями и законами? Взглянемъ на адскія, изрыгнутыя въ книгахъ ихъ лжемудрованія, на распутство жизни, на ужасы революціи, на кровь, пролитую ими въ своихъ и чужихъ земляхъ: слыхано-ли когда, чтобъ столѣтніе старцы и нерожденные еще младенцы осуждались на казнь и мученіе? Гдѣ человѣчество? Гдѣ признаки добрыхъ нравовъ? Вотъ съ какимъ народомъ имѣемъ мы дѣло! И посему должны разсуждать, можетъ-ли прекращена быть вражда между безбожіемъ и благочестіемъ, между порокомъ и добродѣтелью? Долго мы заблуждались, почитая народъ сей достойнымъ нашей пріязни, содружества и даже подражанія. Мы любовались и прижимали къ груди нашей змѣю, которая, терзая собственную утробу свою, проливала къ намъ ядъ свой, и, наконецъ, насъ-же, за нашу привязанность и любовь, всезлымъ жаломъ своимъ уязвляетъ. Не постыдимся признаться въ нашей слабости. Похвальнѣе и спасительнѣе упасть и возстать, нежели видѣть свою ошибку и лежать подъ вреднымъ игомъ ея. Опаснѣе для насъ дружба и соблазны развратнаго народа, чѣмъ вражда ихъ и оружіе. Возблагодаримъ Бога! Онъ и во гнѣвѣ Своемъ намъ отецъ, пекущійся о нашемъ благѣ. Провидѣніе въ ниспосланіи на насъ бѣдствій являетъ намъ свою милость. Лишеніе богатствъ поправится умѣренностію роскоши, вознаградится трудолюбіемъ, в сторицею со временемъ умножится; но поврежденіе нравовъ, зараза невѣрія и злочестія погубили бы насъ невозвратно. Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осіянный, кровію и ранами нашими запечатлѣнный примѣръ напоследокъ долженъ открыть намъ глаза и увѣрить насъ, что мы одно изъ двухъ непременно избрать должны: или, продолжая питать склонность нашу къ злочестивому народу, быть злочестивыми рабами его; или прервавъ съ нимъ все нравственныя связи, возвратиться къ чистотѣ и непорочности нашихъ нравовъ и быть именовъ и ду-

шою храбрыми и православными россиянами. Должно единожды рѣшиться между зломъ и добромъ поставить стѣну, дабы зло не прикоснулось къ намъ: тогда искусясь кровію и бѣдами нашими, возстанемъ мы, купимъ неложную себѣ славу, доставимъ спокойствіе потомкамъ нашимъ и благодать Божія пребудетъ съ нами“ *).

Чтеніе Шишкова произвело на государя сильное, неизвѣданное еще имъ доселѣ, впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ, что укоризны, бросаемаы смѣлымъ патріотомъ въ лице всему народу русскому, относятся въ дѣйствительности лишь къ нему лично, да къ той знатной, высоко и тонко воспитанной средѣ, въ которой вращался онъ до сихъ поръ по преимуществу, которая вѣчно стояла доселѣ между нимъ и его, правда, грубымъ и невѣжественнымъ, но неспорченнымъ и самобытнымъ народомъ. Александръ чувствовалъ всю справедливость укоризнъ, онъ чувствовалъ, какъ краска стыда прилиwała къ его лицу. Чтеніе окончилось. Настала минута тягостнаго молчанія. Александръ первый прервалъ его:— „такъ, правда! я заслуживаю сѣ укоризны“, и его голосъ дрожалъ отъ внутренняго волненія. Шишковъ испугался самъ произведеннаго имъ впечатлѣнія. Желая смягчить его по возможности, онъ обратился къ государю съ такими словами: „Государь! не Вы тому причи-

*) См. записки Шишкова, т. I, стр. 160--161; самая бумага тамъ-же въ приложеніи стр. 438—442. Наши современные либералы, усматривающіе въ французской революціи величайшее откровеніе человѣческаго разума, отвернутся, безъ сомнѣнія, съ негодованіемъ отъ рѣзкихъ приговоровъ стараго русскаго патріота. Такимъ господамъ мы совѣтуемъ прочесть предисловіе къ послѣднему тому исторіи французской революціи, величайшаго изъ современныхъ французскихъ изслѣдователей—Тэна. Тэнъ смотритъ на французскихъ революціонеровъ какъ на свирѣпыхъ крокодиловъ, пожиравшихъ человѣческія жертвы и отрицаетъ всѣ тѣ блага, которыя принесла съ собою будто-бы революція. Онъ говоритъ въ заключеніе: „Я пишу для любителей нравственной зоологіи, для натуралистовъ духа, для изслѣдователей истины, текстовъ, доказательствъ, только для нихъ однихъ, а не для публики, которая давно уже составила себѣ мнѣніе о революціи. Это мнѣніе начало возникать между 1825 и 1830 г., послѣ удаленія или смерти свидѣтелей-очевидцевъ. Тогда-то успѣли убѣдить добрую публику, что крокодилы были филантропы, что нѣкоторые изъ нихъ были гении, что они пожирала только виновныхъ, и что если они и ѣли иногда слишкомъ много, то единственно изъ преданности общему благу и отъ самопожертвованія“. Taine, *Origines de la France contemporaine*. La Revolution. T. III, стр. I—IV.

ною, и едва-ли въ царствованіе Ваше могли отвратить сіе слишкомъ усилившееся зло, котораго начало идетъ отъ великаго въ прочемъ, но въ семъ случаѣ не предусмотрѣннаго послѣдствій, прародителя Вашего, Петра I. Онъ, вмѣстѣ съ полезными науками и искусствами, допустилъ войти мелочнымъ подражаніямъ, поколебавшимъ коренные обычаи и нравы. Прочіе цари не останавливали сего рождавшагося въ насъ пристрастія ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина, бабка Ваша, на послѣдокъ почувствовала сіе и старалась обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ; но то было уже поздно и потребовало не малыхъ и долговременныхъ усилій“. Государь слушалъ молча эти оправданія и смягченія. Онъ чувствовалъ, что старшій адмиралъ говоритъ на этотъ разъ не вполне искренно, что вина и ошибки предшественниковъ не могутъ освободить его отъ глубоко сознаваемой имъ вины, что слѣбое подражаніе всему иностранному, что французанія во всѣхъ ея видахъ и формахъ особенно широко разлилась по всему лицу земли русской именно въ его царствованіе, и что не кто другой, а онъ самъ стоялъ во главѣ этого движенія, думалъ именно этимъ путемъ осчастливить и преобразовать свой народъ. Подавленный тяжестью сознаваемой отвѣтственности и погруженный въ свои тяжелыя мысли, государь не сказалъ болѣе ни слова Шипкову, но прощаясь съ нимъ, онъ оставилъ у себя его бумагу *).

Смѣлые совѣты Штейна, внушенія Шипкова пали на хорошо подготовленную почву. Предшествующія грозныя событія давно уже должны были убѣдить Александра, что онъ долженъ искать спасенія въ твердой и неразрывной связи съ своимъ народомъ. Теперь, когда судьба произвела свое послѣднее грозное слово, когда пламя горящей Москвы освѣтило своимъ зловѣщимъ заревомъ всю Россію, твердое единеніе царя и народа явилось единственнымъ залогомъ спасенія. Но какъ установить это единеніе, какъ раскрыть передъ царемъ всю глубину и силу энтузіазма, охватившаго народъ русскій, и какъ показать народу, что его царственный вождь остается твердъ и непоколебимъ передъ всѣми ударами судьбы, что

*) См. Записки Шипкова. Т. I, стр. 160—161.

возлагая надежды на Бога и народъ свой, онъ смотритъ спокойно и съ вѣрою въ будущее? Безъ сомнѣнія, надлежало для достиженія этой цѣли приблизиться Царю какъ можно болѣе къ народу, не ограничиваться одними манифѣстами и воззваніями, а стараться становиться, какъ можно чаще, лицомъ къ лицу съ народомъ, не скрываться въ глубинѣ дворца отъ глазъ народа, а показываться публично, сдѣлать особу свою доступною для всѣхъ и cadaго, вливать своимъ яснымъ взглядомъ, своимъ словомъ и примѣромъ мужество, надежду и упованіе на помощь Всевышняго въ сердца всѣхъ вѣрно-подданныхъ. Александръ хорошо понималъ всю целесообразность такого образа дѣйствій, въ томъ-же смыслѣ совѣтовали ему и всѣ истинно-преданные ему люди,—люди, подобные Штейну, Кочубею, Шишкову; но къ сожалѣнію у государя были и другіе совѣтчики, старавшіеся увлечь его на иной путь. Число придворныхъ и знатныхъ лицъ, систематически внушавшихъ государю недовѣріе къ народу, было чрезвычайно велико, хотя лица эти принадлежали къ совершенно различнымъ лагерямъ и дѣйствовали изъ совершенно неодинаковыхъ побужденій. Польская справа, опутавшая своими сѣтями Александра чуть не съ первыхъ дней царствованія, продолжала играть свою двусмысленную роль осенью 1812 г. въ Петербургѣ съ такимъ-же совершенствомъ, какъ играла она ее въ Вильнѣ въ началѣ похода. Какими мотивами руководились при этомъ всѣ эти ясновельможные Любомирскіе, Огинскіе, Влодски, Браницкіе и имъ подобные, угадать не трудно. Побѣда великаго патрона Польши, Наполеона, казалась петербургскимъ представителямъ Рѣчи Посполитой дѣломъ рѣшеннымъ; но осторожность, столь свойственная польскимъ политикамъ, по крайней мѣрѣ, со времени паденія отчизны, заставляла ихъ имѣть въ виду и другую случайность, сколь ни невѣроятна казалась она на первый взглядъ. Побѣда Россіи могла быть допускаема какъ возможность, хотя и невѣроятная, и въ такомъ случаѣ императоръ Александръ пріобрѣталъ вновь громадное значеніе для поляковъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало опускать изъ рукъ столь легко руководимаго и столь расположеннаго къ Польшѣ монарха. Необходимо было тщательно слѣ-

дять за развитіемъ борьбы и заботиться изо всѣхъ силъ, чтобы, чисто русскія настроенія и симпатіи не овладѣли окончательно душою императора *). А для этого надо было прежде всего удалять Александра какъ можно далѣе отъ народа русскаго, представлять ему этотъ самый народъ въ превратномъ свѣтѣ и поддерживать въ императорѣ старый космополитическій духъ и либеральныя тенденціи юношескихъ лѣтъ.

Если польская партія должна была, такимъ образомъ, въ виду собственнаго интереса противодѣйствовать всѣми силами вліянію такихъ лицъ, какъ Штейнъ и всѣхъ истинно русскихъ патріотовъ, то съ другой стороны и между самими русскими нашлись такіе люди, которые силились развить въ императорѣ, въ эти тяжелые дни, не чувства довѣрія къ народу, а напротивъ подозрѣнія и опасенія. Одни изъ этихъ людей дѣйствовали подъ могучимъ давленіемъ паники, охватившей ихъ съ головы до ногъ. Паденіе Москвы казалось имъ чуть не концомъ Россіи и всего міра. Страхъ застигнулъ имъ глаза; все представлялось имъ въ превратномъ и въ тоже время ужасномъ видѣ. Непрiятельскія колонны мерещились имъ въ самыхъ окрестностяхъ Петербурга; настроеніе народа, т. е. населенія столицы, казалось имъ самымъ безнадежнымъ, подавленнымъ, и что еще хуже, недовольнымъ, озлобленнымъ. И дѣйствительно, невозможно было отрицать, что настроеніе петербургской массы было далеко не радужнаго свойства. Эта масса, состоявшая почти исключительно изъ пришлаго, темнаго люда, потрясена была до глубины души страшными слухами, ходившими въ ея средѣ и необычными дѣлами, творившимися на ея глазахъ. Москва горѣла, жители ея гибли отъ ярости непрiятеля,—чего-же можно было ожидать Петербургу? Безъ сомнѣнія, того-же самаго, быть можетъ, еще болѣе ужаснаго! Само правительство видимо ожидало катастрофы и при-

*) Штейнъ замѣчаетъ объ интригахъ поляковъ: „наибольшимъ вліяніемъ изъ поляковъ пользуются здѣсь: Огвинскій, Сауѣга, Любомирскій, зять гофмаршала Толстаго. Этотъ послѣдній также поддерживаетъ польскія идеи. Во всемъ этомъ принимаетъ участіе, съ своею обычною суетливостью, хитростью и поверхностностью Арифельдтъ: онъ варить и кипятитъ въ своихъ 77 горшкахъ политическіе, военные, финансовые, европейскіе, франскіе и лапландскіе вопросы“. См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 206.

нимало въ виду ея чрезвычайныя мѣры. Ходили слухи, что царская семья собирается бѣжать въ Казань или Оренбургъ. Всѣ видѣли, что собираются вывозить въ Петрозаводскъ кадетскіе корпуса и дѣвиць Смольнаго монастыря, что дѣлаются приготовленія къ вывозу государственныхъ архивовъ и драгоценностей. Утверждали, и не безъ основанія, что намѣреваются снять статую съ памятника Петра Великаго и увезти ее въ Архангельскъ *). Ближайшимъ и, можно сказать, единственнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій были всеобщій страхъ и уныніе. Люди спокойные и разсудительные, подобныя Шишкову, пытались представить государю, что всѣ эти мѣры, въ которыхъ не предвидѣлось еще необходимости, могутъ приводить народъ только въ уныніе **). Государь не рѣшился, однакоже, отмѣнить принятыхъ мѣръ предосторожности, но онъ пытался объяснить народу, что эти мѣры вовсе не показываютъ, что правительство опасается за безопасность самаго Петербурга. Эта не совсѣмъ легкая задача возложена была на Шишкова. Онъ исполнилъ ее съ обычнымъ искусствомъ и умѣлъ придать бумагѣ, написанной отъ Высочайшаго имени, вполне достойный, высоко патріотическій тонъ. Объяснивъ въ самомъ началѣ, что общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны не таково, чтобы непріятель могъ двинуть на Петербургъ значительную часть своихъ силъ, что Петербургу не грозитъ пока опасность, и что вывозъ драгоценныхъ вещей дѣлается единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзаніе рѣкъ, Шишковъ продолжалъ затѣмъ такимъ образомъ. „Настоящее время не предъявляетъ никакой опасности, но мы бы погрѣшили противъ Бога, еслибъ съ несомнѣнною увѣренностью стали утверждать будущее, о которомъ Онъ одинъ знаетъ. Вся надежда на искорененіе враговъ, не взирая на успѣхъ ихъ движенія внутрь Россіи, на нашей сторонѣ;

*) „Первыя извѣстія о взятіи и пожарѣ Москвы извели не малый страхъ, такъ что, опасаясь прішествія непріятеля въ Петербургъ, готовились вывозить въ отдаленнѣйшія сѣверныя страны кадетскіе корпуса, дѣвиць Смольнаго института и проч. Самый памятникъ Петра В. намѣревались снять съ подножнаго камня и увезти въ Архангельскъ“. Шишковъ, записки, томъ I, стр. 161.

***) Шишковъ, записки, томъ I стр. 161.

однакоже, и въ самыхъ надежныхъ обстоятельствахъ помышленія о предосторожности не должны навредить ни страха, ни унынія. Мѣры эти берутся въ безопасное время и на тотъ одинъ конецъ, что ежели бы опасность (отъ чего да сохранить насъ Богъ!) стала угрожать сему городу, тогда правительство, извѣстя о томъ заблаговременно, и имѣя уже всѣ тяжелыя вещи вывезенными, облегчило бы жителямъ способъ съ лучшимъ порядкомъ и безъ смятенія выѣзжать отсель внутрь страны. Ибо положено единожды и твердо (съ чѣмъ, безъ сомнѣнія, каждый россиянинъ согласенъ), что какой бы ни былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, не бросать дѣла, но прежде испить всю чашу бѣдствія, нежели поноснымъ миромъ предать Россію порабощенію“ *).

Смущеніе и озлобленіе, овладѣвшіе массою народа, выражались, разумѣется, прежде всего, въ подозрѣніи и ненависти ко всему иностранному и особенно французскому. Достаточно было какому-нибудь модному франту забраться въ церковь и разсматривать въ лорнетъ образа, чтобы народъ принялъ его за француза. Съ такими молодцами народъ расправлялся по своему, хваталъ ихъ и тащилъ на съѣзжую **). Болтать па улицѣ по французски сдѣлалось, разумѣется, не вполне безопасно. Всѣ эти симптомы народнаго гнѣва, мрачное и сосредоточенное настроеніе массы наводили ужасъ па все высшее и элегантное населеніе столицы. Господамъ этимъ казалось, что народъ вотъ-вотъ набросится на нихъ и выбьетъ изъ нихъ разъ навсегда все французское. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о настоящемъ настроеніи народа, не зная его истинныхъ отношеній къ царю, знатные и высокообразованные, но въ тоже время близорукіе и трусливые люди усматривали въ настроеніи массы пѣчто опасное для самого государя. Они отваживались предостерегать государя отъ народа, совѣтовали ему не показываться публично и въ извѣстныхъ случаяхъ

*) См. приложенія къ запискамъ Шишкова. Т. I стр. 435—436.

***) „Тогда же произошло приключеніе, что вѣкто, чиновный человекъ, войдя въ церковь, посматривалъ то на тогъ, то на другой образъ въ лорнетъ. Простой народъ, увидя сіе и подумавъ, что это какой-нибудь французъ, схватилъ его и потащилъ на съѣзжую“. Записки Шишкова. Т. I стр. 161.

принимать мѣры предосторожности. Александръ имѣлъ одинажды слабость поддаваться этимъ внушеніямъ и совѣтамъ. Это было въ половинѣ сентября. Вѣсть о взятіи и пожарѣ Москвы уже распространилась по Петербургу; полная неизвѣстность, наступившая вслѣдъ затѣмъ, усиливала еще болѣе тоску и уныніе въ народѣ. Предстоялъ праздникъ коронаванія *) и государь, не смотря на тяжелыя и печальныя обстоятельства, порѣшилъ праздновать его съ обычною торжественностью. Ни что казалось не должно было такъ ободрить народъ, какъ появленіе вѣнценоснаго вождя въ его средѣ. Этого требовалъ и обычай. Въ воспоминаніе св. коронаванія государь верхомъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, отправлялся въ этотъ день въ соборъ. Такъ думалъ поступить государь и на этотъ разъ, но нашлись вліятельные люди, которые съумѣли отклонить его отъ этого намѣренія. Они уговаривали императора отправиться въ соборъ въ закрытой каретѣ и придали тѣмъ всему празднеству небывало мрачный и странный оттѣнокъ **). Среди гробоваго молчанія двигался императорской поѣздъ. Народъ, толпами тѣснившійся на улицахъ, молча смотрѣлъ на процессію. Многіе вовсе не знали, что въ закрытой каретѣ сидитъ самъ государь; другіе были поражены и опечалены этимъ знакомъ монаршаго недовѣрія къ народу. Сумрачныя, озабоченныя лица, тишина, нарушаемая только шумомъ ѣзды и народнаго движенія, представляли самый рѣзкій контрастъ великолѣпію праздника и энтузіазму, проявлявшемуся въ этотъ день въ былые годы. Достигнувъ собора, императоръ и императрица вступили во храмъ среди того же молчанія, не привѣтствуемые даже обычнымъ русскимъ ура. Это неслыханное происшествіе, прямое

*) 15-го сентября. Подробности объ этомъ эпизодѣ мы находимъ въ книгѣ Эйнара. Онъ получилъ ихъ отъ M-me Круденеръ, пользовавшейся, какъ извѣстно, большимъ расположеніемъ и довѣріемъ императора Александра. См. Eynard. Vie de M-me Krüdener. T. I стр. 328—329.

**) „La multitude désespérée de la prise de Moscou avait besoin d'être encouragée par la présence de celui qu'elle aimait encore, dans son adversité; mais on obtint de L'Empereur qu'il ne traversât par la ville à cheval, pour se rendre à la cathédrale. Ce fut la dernière fois qu'il céda aux conseils de la prudence humaine“. Eynard, Vie de M-me Krüdener. T. I стр. 329.

послѣдствіе мудрыхъ мѣропріятій придворныхъ трусовъ, произвело потрясающее впечатлѣніе на императора. Трудно допустить, чтобы онъ трепеталъ, подобно нѣкоторымъ своимъ совѣтникамъ, въ эту минуту, передъ возможнымъ взрывомъ народнаго негодованія; трудно повѣрить, чтобы онъ былъ убѣжденъ самъ, что онъ переживаетъ въ эту минуту страшную опасность, чтобы онъ приписывалъ въ послѣдствіи свое спасеніе одному божественному Провидѣнію *); но несомнѣнно, что въ этотъ часъ Александръ созналъ всю великость сдѣланной имъ ошибки и далъ себѣ твердое обѣщаніе не слѣдовать впредь недостойнымъ внушеніямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ совѣтниковъ.

И дѣйствительно, съ этого дня Александръ сдѣлался инымъ человѣкомъ. Онъ началъ искать сближенія съ своимъ народомъ, а не чуждаться, не скрываться отъ него. Салонные толки о мрачномъ настроеніи народа, о недовольствѣ и озлобленіи толпы, о способности русской черни къ самымъ дикимъ и безобразнымъ поступкамъ, продолжались съ удвоенною силою. Навязчивые совѣтники, въ томъ числѣ, быть можетъ, и люди, дѣйствительно преданные особѣ императора, продолжали неутомимо внушать, совѣтовать, предостерегать. Но Александръ стоялъ уже выше всей болтовни салона и тревоги свѣтской черни. Суевливая заботливость окружающихъ, ихъ боязливые совѣты потеряли для него всякое значеніе. Воспоминаніе о святыхъ, незабвенныхъ дняхъ, проведенныхъ имъ такъ недавно въ Москвѣ, пробудилось въ немъ съ новою силою. Онъ понималъ, что народъ, которымъ пытались пугать его до сихъ поръ, есть именно та сила, на которую онъ можетъ рассчитывать безусловно. Онъ позналъ, что темная масса, которая казалась ему прежде лишь объектомъ для административныхъ экспериментовъ и проведенія различныхъ гуманыхъ идей вѣка, есть именно тотъ элементъ, отъ психическаго настроенія котораго зависитъ въ минуты тяжелаго кризиса судьба правительства и государства. Александръ зналъ, по московскому

*) „Une étincelle aurait suffi pour causer un embrasement. La vie d'Alexandre était dans les mains de cette foule et il le sentait, mais la Providence veillait sur lui“. Eynard, Vie de M-me Krüdener. T. I стр. 329.

опыту, что весь народъ русскій, безъ различія званій и состояній, проникнуть однимъ великимъ чувствомъ беспредѣльной любви къ родинѣ и пламенной ненависти къ завоевателю, внесшему разрушеніе и смерть въ самыя нѣдра Россіи, наругавшемуся надъ всѣмъ, что было дорого и близко русскому сердцу. Народъ требовалъ лишь одного, чтобы его царственный вождь стоялъ во главѣ его, чтобы онъ направилъ всѣ силы къ достиженію одной великой цѣли—спасенію родины. Народъ желалъ видѣть своего царя, изъ его устъ желалъ онъ слышать, что миръ съ врагомъ невозможенъ и невыносимъ, что оружіе россіянь не должно быть положено до тѣхъ поръ, пока невинно пролитая кровь, пока сожженные и оскверненные храмы не найдутъ себѣ достойнаго возмездія, пока святотатственная тиранія не будетъ низринута въ бездну, и гордыня всесвѣтнаго завоевателя не получитъ давно уже заслуженной кары. Александръ снѣшилъ удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ народа. Доступный для всѣхъ и cadaго, онъ прогуливался каждый день совершенно одинокой въ садахъ и рощахъ Каменно-островскаго дворца. Онъ приказалъ снять караулы отъ воротъ и дверей своего дворца *); онъ старался показать всему свѣту, что онъ довѣряетъ всему народу, что онъ не допускаетъ даже возможности недовольства, крамолы, смуты. И его образъ дѣйствій не замедлилъ произвести желанное дѣйствіе. Духъ довѣрія, спокойствія, твердой и непоколебимой рѣшимости быстро охватилъ всѣ слои столичнаго населенія. Всѣ вѣрили своему царю, всѣ смотрѣли на него съ упованіемъ и надеждою, всѣ ждали его царскаго слова, долженствовавшего положить конецъ всѣмъ недоумѣніямъ, сомнѣніямъ и колебаніямъ. И это слово не замедлило прозвучать торжественнымъ, побѣднымъ кликомъ по всему лицу земли русской.

„Съ крайнею и сокрушающею сердце cadaго сына отече-

*) Dans un moment où l'effervescence du peuple russe froissé dans tous ses intérêts et dans toutes ses affections, l'environnait des plus grands perils, il se promenait seul dans les bois de Cammenoi Ostrof; son palais sans gardes était ouvert à tous. Е у н а г д, Vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 328. Само собою понятно, что опасность, грозившая по словамъ этого свидѣтельства, была не дѣйствительная, а воображаемая.

ства печалью,—гласилъ Высочайшій манифестъ, подписанный 8-го сентября,—симъ возвѣщается, что непріятель, сентября 3-го числа, вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ россійскій! Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся на послѣдокъ на главу ихъ! Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣть силы наши или ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ присутствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ невзбѣжную ему гибель. Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель, надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего россійскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ни же способовъ существовать. Собранныя и отъ часу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремястами тысячъ человѣкъ *), изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй, людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнородной арміи его

*) Итакъ, даже въ это время правительство наше не имѣло точнаго понятія о колоссальности силъ Наполеона, уменьшало ихъ на половину противъ дѣйствительности. „Извѣстно, замѣчаетъ самъ Шишковъ въ примѣчаніи къ своимъ запискамъ,— что сіе число, въ послѣдствіи времени, оказалось гораздо превосходнѣйшимъ, а именно почти вдвое“. Записки Шишкова. Т. I, стр. 158.

истреблена частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія, смѣлое, или лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло! Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска и народъ! Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она, съ послѣднею въ груди каплею крови, станетъ защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуется ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ сыновъ его. И такъ, да не унываетъ никто! И въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышутъ мужествомъ и твердостью? когда непріятель съ остаткомъ отъ часу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пресѣкать ему возвратный путь и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ, когда Гишпанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впадениемъ въ его землю? когда большая часть расхищенной и изнуренной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую-бы могла вырваться изъ подъ власти его тяжелой и нестерпимой? когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолубія его своей и чужой крови.

„При столь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится-ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбежныя съ войною разоренія, наконецъ, терпѣливостью и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо приобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюють? Пріятно и свой-

ственно доброму народу за зло воздавать добромъ! Боже всемогущій! обрати милосердныя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь! Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе! Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость царей и царствъ!“

Трудно подыскать во всей нашей исторіи документъ, который могъ-бы быть поставленъ на ряду съ этимъ. Въ немъ не были скрыты тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ находилось тогда наше отечество, а напротивъ выдвинуты на первый планъ, объявлены во всенародное свѣдѣніе. Москва, первопрестольная столица занята непріателемъ, его громадныя полчища проникли въ самую грудь Россіи, великій завоеватель имѣетъ право кичиться своимъ небывалымъ успѣхомъ; сердце каждаго русскаго, каждаго истиннаго сына отечества, должно облиться кровью, внимая такой грозной, печальной вѣсти. Всякій другой народъ счелъ-бы себя побѣжденнымъ при такихъ условіяхъ, поспѣшилъ-бы пасть во прахъ предъ гордымъ завоевателемъ. Но не таковъ народъ русскій! объявляетъ во все услышаніе всему свѣту царственный вождь его. Онъ будетъ бороться до послѣдней капли крови, онъ будетъ отстаивать до конца свою свободу, вѣру и имущество. Духъ унынія и робости не долженъ имѣть мѣста въ нѣдрахъ его! Да и возможно-ли уныніе, умѣстна-ли, мыслима-ли робость тамъ, гдѣ все населеніе подымается какъ одинъ человекъ противъ врага, гдѣ всѣ сословія дышатъ единымъ духомъ непреодолимаго мужества, гдѣ пожертвованія имуществомъ и жизнью растутъ по мѣрѣ усиленія опасности, гдѣ одна мысль о мирѣ и покорности наполняетъ гнѣвомъ сердца? Указавъ на всѣ невыгоды положенія непріятеля, перечисливъ всѣ моменты, предвѣщающіе конечный успѣхъ нашему оружію, манифестъ вышпается до истинно пророческаго тона и предсказываетъ скорую и несомнѣнную гибель врагу *). Но манифестъ заклю-

*) Первоначально въ манифестѣ послѣ словъ „ни же способовъ существованія“ было сказано: „онъ затворился въ гробѣ, изъ котораго не вылетъ живъ“. „Написавъ сію бумагу“, рассказываетъ Шишковъ, „я прочиталъ ее нѣсколько разъ,

чаеть въ себѣ въ тоже время и всю программу будущихъ дѣйствій Россіи и ея императора. Россія борется не за одно свое дѣло, не за одну свою независимость, а также и за дѣло всей Европы, за независимость царей и царствъ, за освобожденіе всего рода человѣческаго отъ позорнѣйшей и неслыханной тираніи. Такая борьба не можетъ и не должна окончиться изгнаніемъ непріятеля изъ предѣловъ Россіи. За освобожденіемъ Россіи должно послѣдовать освобожденіе Европы и низверженіе Наполеона. Цѣль великая, перспектива необъятная! Но нѣтъ ничего невозможнаго для народа, поборающаго за правду, и благословеніе Божіе почіетъ на дѣлахъ его!

Манифестъ былъ написанъ Шишковымъ. Если вѣрить его словамъ, то онъ вылился у него изъ подъ пера, такъ сказать, самъ собою, въ минуту великой скорби и въ тоже время великой надежды. „Услышавъ отъ самого государя грозную вѣсть, я пошелъ домой съ сокрушеннымъ сердцемъ. Чувства мои, сначала пораженные жестокою горестью, вдругъ воспламенились гнѣвомъ, родившимъ во мнѣ, вмѣсто унынія и отчаянія, гордость и надежду. Я сѣлъ и написалъ манифестъ“ *). Но не подлежитъ сомнѣнію, что содержаніе манифеста указано было Шишкову самимъ императоромъ, что мысли, выраженные въ немъ, всецѣло принадлежали самому Александру. Шишковъ, не смотря на всю силу и глубину своего патріотизма, самъ по себѣ не въ состояніи былъ-бы возвыситься до того истинно пророческаго пафоса, которымъ проникнутъ весь манифестъ. Онъ не въ состояніи былъ-бы поставить Россіи такую великую, повидимому, недосыгаемую цѣль борьбы. Его патріотизмъ отличался довольно узкимъ и исключительно русскимъ харак-

самъ сомнѣваясь въ предвѣщаніяхъ мовхъ, толь мало тогдашнему положенію нашему соответствовавшихъ. Однако-жъ ободрился, не перемѣнилъ ни слова и по-несъ ее къ государю: онъ выслушалъ и приказалъ прочитать въ комитетѣ господъ министровъ, давъ повелѣніе засѣдать мнѣ въ ономъ. Въ комитетѣ выслушали меня съ молчаніемъ, выключая, что нѣкоторые члены находили сказанное въ ней о Наполеонѣ выраженіе: онъ затворился и т. д. слишкомъ надежнымъ и гадательно предвѣщаемымъ. Я донесъ государю о семъ ихъ замѣчаніи. Онъ отдалъ мнѣ на волю — выпустить или не выпустить сіи слова. Я хотя и не охотно, однако-жъ, чтобъ не показать себя упрямымъ, исключилъ ихъ“. Шишковъ, записки. Т. I, стр. 159.

*) Шишковъ, записки. Т. I, стр. 157.

теромъ. Ни въ началѣ, ни въ концѣ войны 1812 г. его желанія не шли далѣе освобожденія Россіи отъ иноземнаго нашествія *). Въ манифестѣ выразилось болѣе широкое возрѣніе самого императора. Онъ одинъ въ минуту величайшаго испытанія возвѣстилъ всему міру, что Россія борется не только за самое себя, но и за всю Европу, за все человѣчество.

Что мысли, высказанныя въ манифестѣ 8-го сентября, принадлежали всецѣло императору Александру, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что онѣ повторяются и въ другихъ болѣе интимныхъ документахъ, исходившихъ непосредственно отъ самого государя. Тотчасъ же по полученіи извѣстія о потерѣ Москвы, императоръ писалъ слѣдующее письмо шведскому кронъ-принцу: „Потеря Москвы тяжела, но она чувствительна болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ военномъ. Она дастъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости въ борьбѣ противъ угнетателя царствъ. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Повторяю вашему королевскому высочеству торжественное увѣреніе, что нынѣ болѣе нежели когда-либо, я и народъ, въ челѣ котораго нахожусь, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели примириться съ Аттилою нашего времени. Раздраженный тѣмъ, что не напелъ въ Москвѣ ни сокровищъ, къ обладанію коими стремился, ни мира, котораго достигнуть надѣялся, онъ сжегъ прекрасную столицу, обращенную теперь въ груды пепла и развалинъ“ **).

Мысли, одушевлявшія его лично, императоръ старался передать и своимъ министрамъ. И они должны были одушевиться такою-же твердою вѣрою въ конечную и полную побѣду Россіи, и они должны были расширить программу русской политики и поставить цѣлью Россіи не только изгнаніе Наполеона изъ собственныхъ предѣловъ, но и окончательное паденіе завоевателя, освобожденіе всей Европы изъ подъ его тяжкаго ига. „Настанетъ время для Пруссіи“, писалъ, по приказу

*) Шишковъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ въ своихъ запискахъ. См. т. I, стр. 167—168.

**) См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 293.

государя, генераль-адъютантъ князь Ливенъ прусскому государственному канцлеру, барону Гарденбергу, — „вооружиться противъ общаго врага и склонить къ тому-же Австрію. Императоръ Александръ ведетъ войну собственно для того, чтобы, отстоявъ Россію, возстановить независимость германскихъ державъ. Для достиженія такой цѣли, необходимо, чтобы генераль Йоркъ былъ снабженъ на всякій случай надлежащими инструкціями“ *).

Непоколебимая рѣшимость, высказываемая императоромъ Александромъ, находилась въ такомъ полномъ противорѣчій со всѣмъ его прежнимъ образомъ дѣйствій и со всею его натурою, что даже люди, хорошо знавшіе русскаго государя и искренно ему преданные, сомнѣвались по временамъ, чтобы это настроеніе удержалось до конца, опасаясь, чтобы и оно не оказалось въ послѣдствіи однимъ изъ тѣхъ скоропреходящихъ порывовъ, которыми было такъ богато прошлое Александра. Опасались, чтобы вліяніе окружающихъ лицъ не склонило императора къ внезапной перемѣнѣ системы; трепетали, чтобы самый ходъ военныхъ дѣйствій, не предвѣщавшій и послѣ паденія Москвы ничего добраго для русскаго оружія, по крайней мѣрѣ для поверхностнаго наблюдателя, не сломилъ его мужества; боялись, наконецъ, чтобы Наполеону не удалось во второй разъ обмануть Александра и повторить комедію, разыгранную уже съ такимъ успѣхомъ въ Тильзитѣ. И дѣйствительно, вліяніе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ на императора было чрезвычайно тяжело, и вопросъ, выдержитъ-ли Александръ неравную борьбу съ своими любимыми и преданнѣйшими совѣтниками, перенесетъ-ли онъ внутреннее томленіе, вызываемое крайне вялымъ и нерѣшительнымъ развитіемъ военныхъ операцій, не поддастся-ли онъ вновь оболещеніямъ Наполеона, подымался не разъ, вселяя страшную тревогу въ людей, стоявшихъ особенно близко къ дѣлу и заинтересованныхъ всѣмъ своимъ существомъ тѣмъ или инымъ исходомъ борьбы.

Вліяніе окружающей среды казалось особенно опаснымъ и близкимъ, и далекимъ наблюдателямъ тяжелой борьбы, вы-

*) Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 293.

держанной тогда императоромъ Александромъ. „Здѣсь полагаютъ,—писаль изъ Лондона извѣстный прусскій патриотъ Ф. Гнейзенау,—что графъ Румянцевъ совершенно преданъ французскимъ интересамъ и что его вліяніе весьма значительно. Опасаются, чтобы это вліяніе не возрасло еще болѣе въ случаѣ большихъ несчастій. Если-бы здѣсь могли убѣдиться, что императоръ Александръ останется твердъ и въ несчастіи и будетъ искать спасенія въ продолженіи войны и въ возможно большемъ развитіи нравственныхъ и физическихъ силъ, тогда я думаю, что здѣсь сдѣлали-бы для вспомошествованія даже невозможное, и что здѣшняя помощь росла-бы по мѣрѣ усилій Россіи. Но теперь британскіе министры, боясь неудачъ и опасаясь, что несчастія и ошибочная политика могутъ привести опять къ событіямъ 1807 года, не рѣшаются вступить въ соглашенія, которыя могутъ подвергнуть ихъ серьезной отвѣтственности передъ парламентомъ за напрасно пролитую кровь и брошенные деньги“ *).

Самъ Штейнъ, наблюдая за борьбою, кипѣвшею вокругъ императора и внутри его самого, нерѣдко впадалъ въ отчаяніе и высказывалъ сомнѣнія въ счастливомъ исходѣ кризиса. Народъ русскій сдѣлалъ, по мнѣнію германскаго патриота, въ это ужасное время, все, что было въ силахъ человѣческихъ: храбрость арміи стояла выше всякой похвалы; но среда, вліявшая на государя, внушала самыя тревожныя опасенія, а извѣстная податливость и черемѣнчивость Александра заставляла по временамъ ожидать самаго худшаго. „Мы не вправѣ ожидать“—писаль онъ графу Мюнстеру въ началѣ сентября,—„отъ господствующихъ и руководящихъ здѣсь лицъ мудрыхъ, великихъ и безкорыстныхъ намѣреній въ счастіи, непоколебимой

*) Письмо Гнейзенау къ барону Штейну отъ 1-го сентября 1812-го года. См. Герцъ, Stein's Leben. Т. III стр. 178. Любопытно, что въ этомъ же письмѣ, свидѣтельствующемъ о недовѣрїи англійскихъ министровъ въ твердости императора Александра, выражаются позное довѣріе и симпатія къ русскому народу. „Считаю долгомъ присовокупить, что способъ войны, принятый у васъ, здѣсь очень популяренъ. Тутъ полагаютъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ этотъ способъ есть лучший въ примѣненіи къ Наполеону. Вообще, здѣсь господствуетъ русскій образъ мыслей, и всѣ возлагаютъ на русскую націю самыя великія ожиданія“. Тамъ-же, стр. 179.

твердости и величія въ несчастіи. Довѣріемъ императора пользуются въ особенности три лица: канцлеръ, графъ Аракчеевъ и министръ полиціи Балашевъ; первый достаточно извѣстенъ, второй—человѣкъ крайне ограивенный, третій—хитрый, близорукій, несвѣдущій въ великихъ міровыхъ вопросахъ; всѣ три одинаково склонны къ миру. Нигдѣ, во всей средѣ, окружающей императора, нѣтъ ни одного сильнаго и умнаго человѣка. Если дѣла пойдутъ сносно, то будутъ показывать твердость; если дурно, тогда преклонятся, несмотря на всѣ фразы, также какъ въ 1805 и 1806 гг. Причина такого образа дѣйствій заключается въ недостатокѣ глубины ума и сердца, въ поверхностности. Справедливо можно полагаться на храбрость войска, на мужество націи; силы есть достаточно, но нѣтъ надлежащаго руководства. Очищеніе Москвы непростительно, вопреки мнѣнію Бенингсена и Дохтурова, вопреки громко выраженному требованію арміи; потерянь, правда, только одинъ городъ, но за то городъ большой, многолюдный. Гибельно впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ и внутри Россіи, и за границею, въ особенности на подлый вѣнскій и берлинскій кабинеты“ *).

И въ слѣдующихъ своихъ письмахъ, Штейнъ возлагаетъ всѣ надежды на русскій народъ, но порицаетъ самымъ рѣзкимъ образомъ совѣтниковъ и окружающихъ императора. „Озлобленіе націи, пишетъ онъ отъ 17-го сентября, достигло до крайнихъ предѣловъ. Императоръ сознается самъ, что онъ не можетъ заключить мира, не рискуя своею собственною безопасностью. Опустошеніе Москвы усиливаетъ еще болѣе это настроеніе. Народныя вооруженія развиваются съ неудержимою силою. Вліяніе Румянцева во всякомъ случаѣ крайне вредно; онъ ничего не подготовилъ, онъ только задерживалъ и задерживаетъ многое. Ни одинъ изъ союзниковъ не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія къ нему, вся нація ненавидитъ его, онъ держится только благодаря своей ловкости, вліянію небольшой факціи и какому-то упрямству государя. Отъ Ольденбургской фамиліи ожидаю только однихъ затрудненій. Воззрѣнія герцога холодны, ограничены, ничтожны; принцъ Августъ

не имѣеть ни малѣйшаго вліянія, принцъ Георгъ пользуется имъ, благодаря своей супруги, но оба они далеко отсюда; эти люди хотятъ только возстановленія Ольденбургскихъ владѣній побѣдоносною русскою арміею“ *).

И во второй половинѣ сентября борьба продолжала казаться Штейну трудною, а исходъ ея сомнительнымъ. „Повторяю, пишетъ онъ, нельзя ожидать ничего путнаго отъ близорукости и безхарактерности здѣшняго министерства. Они не понимаютъ европейскихъ интересовъ, они не въ состояніи преслѣдовать ихъ неутомимо и послѣдовательно. Развѣ могутъ появляться въ ихъ темныхъ головахъ какія-нибудь возвышенныя мысли, развѣ могутъ волновать благородныя чувства ихъ низкія сердца? Одинъ императоръ преисполненъ челоуколюбивыхъ намѣреній. Но мы вправѣ возлагать величайшія надежды на великую энергію русской націи, на неустрашимость арміи; отъ нихъ можно ожидать всего; они приведуть, по всей вѣроятности, къ гибели кровожадное чудовище!“ **).

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 181.

**) См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 183.

СВВ. КИРИЛЛЪ и МЕӨОДІЙ

ВЪ СВОИХЪ ТРУДАХЪ ПО ПЕРЕВОДУ СВ. ПИСАНІЯ НА
СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Рѣчь, читанная 6 Апрѣля въ торжественномъ собраніи Харьков-
ской духовной семинаріи.

Подвизаясь среди *одного* только славянскаго племени — Моравовъ *), свв. Кириллъ и Меөодій сдѣлались однако, по выраженію церковныхъ пѣснопѣній, „звѣздами, возсіявшими своими лучами отъ запада до востока, сѣвера и юга, богомудрыми учителями словенскихъ странъ“. Своими трудами они положили основаніе великой славянской Церкви и въ ряду прочихъ ихъ трудовъ самымъ яркимъ лучемъ ихъ дѣятельности нужно считать переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ. Лучъ этотъ, вмѣстѣ съ устройствомъ славянскаго богослуженія, привлекъ къ Церкви Христовой и тѣ славянскія племена, которыя находились внѣ сферы непосредственной дѣятельности Солунскихъ братьевъ, каковы напр. многочисленныя славянскія племена, обитавшія на обширной равнинѣ, занимаемой теперь русскимъ государствомъ. Эти племена, не издавшія славянскихъ первоучителей и не слыхавшія ихъ устной проповѣди, могли сдѣлаться приверженцами исламизма, который, въ

*) „Вопреки почти общепринятому мнѣнію, должно быть признаваемо за несомнѣнное, что не принимали никакого участія въ обращеніи болгаръ къ христіанству слав. первоучители Константинъ и Меөодій, ни оба вмѣстѣ, ни который-нибудь въ отдѣльности“. Голубинскаго, „Кратк. очеркъ истор. церковей болгарской, сербской и румынской“. М. 1871 г. стр. 22

эпоху возникновенія нашего отечества, дѣлалъ быстрые успѣхи по юговосточной нашей границѣ между волжскими Болгарами, Хозарами и Буртасами и даже увлекать нѣкоторыхъ изъ славянъ, обитавшихъ тамъ *); могли, наконецъ, попасть и въ сѣти нѣмецкихъ миссіонеровъ, приходившихъ къ намъ, по словамъ лѣтописи, отъ „римскаго панежа“. Но ни того, ни другаго по милости Божіей не случилось, и главнымъ образомъ потому, что на ряду съ антинаціональной миссіей латинства и исламизма существовала въ то время среди южныхъ славянъ національная миссія распространенія христіанства, созданная трудами свв. Солунскихъ братьевъ; національный же характеръ этой послѣдней по отношенію къ славянамъ состоялъ въ томъ, что она давала имъ переводъ Библии и богослуженіе на ихъ національномъ языкѣ. Значить, переводъ Св. Писанія и славянское богослуженіе есть важнѣйшая причина, которою обуславливался успѣхъ обращенія славянъ въ христіанство. То и другое было зерномъ, изъ котораго быстро выросло величественное древо славянской Церкви, столь необходимой въ виду ожидавшихъ историческую судьбу христіанства великихъ перемѣнъ, потому что основаніе славянской Церкви совпадаетъ съ началомъ раздѣленія церквей, изъ которыхъ западная съ того времени начинаетъ постепенно удаляться отъ чистоты вселенской истины, а восточно-византійская также постепенно начинаетъ угасать во внѣшнемъ образѣ своего величія и силы и, наконецъ, совсѣмъ переходитъ подъ власть тяжелаго мусульманскаго ига. Естественнымъ образомъ возникала необходимость въ новомъ вмѣстиплицѣ для Церкви Христовой, которое было-бы достойнымъ сосудомъ, чтобы сохранять въ чистотѣ сокровище вселенской истины, и достаточно твердымъ, чтобы съ успѣхомъ противостоять усиливающимся „вратамъ ада“. Быть такимъ достойнымъ и твердымъ сосудомъ Провидѣніе предъопредѣлило именно Церкви славянской. Такимъ образомъ, въ тѣни двухъ, по видимому, незначительныхъ событій—въ переводѣ Св. Писанія

*) Подробн. у Макарія, въ *Исторіи христіанства въ Россіи* до равноапостольнаго князя Владиміра. 2-е изд. СІБ. 1868 г. стр. 206, 207.

и въ устроєвіи богослуженія славянскаго—крылись новыя пути Церкви Христовой на землѣ, стоящіе въ связи съ великими переворотами, послѣдовавшими въ исторической судьбѣ христіанства.

Если помянутыя два событія имѣли такую важность по отношенію къ судьбамъ Церкви вообще и славянской въ частности, то изученіе ихъ всего болѣе можетъ дать намъ понятіе о заслугахъ славянскихъ первоучителей. Впрочемъ, мы не имѣемъ намѣренія подробно изобразить ихъ дѣятельность по обоимъ, означеннымъ предметамъ, а остановимъ вниманіе главнымъ образомъ на одномъ—на славянскомъ ихъ переводѣ Библии, а трудовъ ихъ по переводу собственно богослужебныхъ книгъ и устроєнію славянскаго богослуженія будемъ касаться лишь настолько, насколько это необходимо будетъ для нашей цѣли.

Ублажая священную память славянскихъ первоучителей, наша Церковь въ своихъ пѣснопѣвіяхъ именуєтъ ихъ „просвѣтителями, источившими намъ своими преложеніями божественныхъ писаній источникъ богопознанія“. Этимъ прямо свидѣтельствуется, что переводомъ Св. Писанія славянская Церковь обязана именно трудамъ свв. Солунскихъ братьевъ. Если-бы у славянъ былъ переводъ и до Кирилла и Меѳодія, то послѣдніе уже не были-бы „просвѣтителями, источившими... для нихъ источникъ богопознанія“. Но тщательный разборъ древнихъ свидѣтельствъ съ необходимостью приводитъ къ тому заключенію, что до Кирилла и Меѳодія у славянъ не было перевода Библии. Болгарскій писатель конца IX и начала X вѣка, черноризецъ Храбръ говоритъ, что: „прежде убо Словене не имяху книгъ, но чертами и рѣзами чытаху и гадаху погани суще; крестивше-же ся, римскими и греческими письмены нуждахуся писати,—словѣньска рѣчь бѣ не устроена; и тако быша многа лѣта“. Въ этомъ драгоценномъ свидѣтельствѣ выстукаетъ, во-первыхъ то, что славяне, будучи язычниками (погани суще), не имѣли книгъ и, въ случаѣ надобности, обозначали свои мысли чертами и рѣзами *), по которымъ чита-

*) Эти рѣзы и доселѣ употребляются нашими безграмотными крестьянами на палкахъ, или кучечкахъ дерева, *биркахъ* дая счета долговъ, или количества хлѣба.

ли и гадали; во-вторыхъ, что съ принятіемъ христіанства (крестивше-же ся), они долгое время (много лѣтъ) вынуждались писать римскими и греческими письменами, потому что славянская рѣчь еще не была устроенной. Устройство свое послѣдняя получила только отъ Кирилла и Меѳодія, какъ ясно объ этомъ свидѣтельствуется тотъ-же Храбръ: „аще въспросиши славянскыя буквара, глаголя: кто вы письмена сотворишь есть, или книги преложишь, то вси вѣдять, и отвѣщавше рѣкутъ: св. Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, тѣ письмена сотвори и книги приложи, и Меѳодие, братъ его“. И такъ славянскія письмена изобрѣлъ и книги на славянскій языкъ перевелъ философъ Константинъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ; они устроили славянскую рѣчь и дали славянамъ возможность имѣть книги на родномъ языкѣ. Въ такомъ случаѣ въ первомъ свидѣтельствѣ Храбра, гдѣ онъ говоритъ, что славяне съ принятіемъ христіанства долгое время вынуждались писать римскими и греческими письменами,— рѣчь идетъ о такомъ періодѣ въ жизни славянъ, который предшествовалъ дѣятельности на ихъ пользу Кирилла и Меѳодія. Значитъ, задолго еще до славянскихъ первоучителей славяне стали принимать христіанство и знакомы были съ способомъ писанія. Дѣйствительно, исторія вполне подтверждаетъ, что до Кирилла и Меѳодія случаи принятія славянами христіанства были довольно многочисленны; эти-то именно славяне и были знакомы со способомъ писанія, побуждаемые къ тому самымъ фактомъ принятія христіанства: „крестивше-же ся (они), римскими и греческими письмены нуждахуся писати“. Въ этихъ словахъ обозначенъ и самый способъ писанія, употребляемый ими; способъ этотъ представляетъ переходную ступень отъ обозначенія мыслей чертами и рѣзами ко способу писанія посредствомъ славянскаго алфавита, изобрѣтеннаго впоследствии св. Кирилломъ. Онъ неизмѣримо превосходитъ первый и уступаетъ въ удобствахъ послѣднему, — это былъ способъ писанія посредствомъ чужаго алфавита — римскаго, или-же греческаго. Во всякомъ случаѣ, славяне могли имѣть книги, написанныя и по этому способу, т. е. чужимъ алфавитомъ. До нашего времени удѣлѣвшая, такъ называемая *Фрей-*

зингенская рукопись, открытая Кепшеномъ, можетъ служить образцемъ того, какъ славяне писали посредствомъ чужаго алфавита; эта рукопись, относимая учеными къ X или даже IX вѣку, содержитъ въ себѣ двѣ формулы исповѣди и поученіе, сочиненныя по славянски, а писанныя латинскими литерами. На основаніи сказаннаго, нельзя-ли заключать, что славяне, съ принятіемъ христіанства вынуждавшіеся писать римскими и греческими литерами, въ числѣ книгъ, написанныхъ такимъ способомъ, имѣли и нѣкоторыя изъ болѣе важныхъ и необходимыхъ книгъ Св. Писанія? Мы не можемъ этого утверждать; напротивъ, черноризецъ Храбръ время перевода книгъ священныхъ на славянскій языкъ рѣшительно относитъ къ періоду изобрѣтенія славянской азбуки: „кто письма сотворилъ есть, или книги предложилъ?“ спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: „все вѣдять, и отвѣщавше рекутъ: Константинъ философъ... намъ письма сотвори и книги приложи, и Меодіе, братъ его“. Подъ „книгами“ Храбръ разумѣетъ Св. Писаніе и книги собственно богослужебнаго характера. Значитъ, славянскаго перевода Библии до Кирилла и Меодія не существовало.

Съ такимъ заключеніемъ, повидимому, несогласно одно извѣстіе, сообщаемое въ такъ называемыхъ Паннонскихъ житіяхъ (собственно въ житіи Константина *),—источникъ еще болѣе древнемъ, чѣмъ сочиненіе о *письменахъ* Храбра **). Въ этомъ извѣстіи говорится, что Кириллъ, во время своего пребывания въ Херсонѣ, „обрѣтъ ту Евангеліе и Псалтырь русскими письмены писано и челоуѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою“. Пребываніе Кирилла въ Херсонѣ, гдѣ онъ останавливался, совершая свое путешествіе къ Хозарамъ, падаетъ на тотъ періодъ его жизни, когда еще онъ не приступалъ къ изобрѣтенію славянской азбуки и переводу Библии. Оказы-

*) Палеч. въ Чтен. Моск. истор. общ. 1863 г., II отд. III.

**) По мнѣнію проф. Воронова, Паннонскія житія составлены не ранѣе второй четверти X вѣка. См. Главныя источники для исторіи Кирилла и Меодія. Кіевъ. 1877 г. стр. 107—108. Но большая часть ученыхъ, начиная съ Горскаго и Шафарика и кончая проф. Голубицкимъ, признаетъ, что Паннонскія житія написаны въ послѣдней четверти IX вѣка.

вается такимъ образомъ, что еще до начала труда славянскихъ первоучителей по переводу Библии, уже существовали Евангеліе и Псалтирь, писанныя „рускими письменами“. Далѣе, въ томъ же Паннонскомъ житіи Константина повѣствуется, что послѣдній сначала не понималъ этихъ книгъ, писанныхъ русскими письменами, и что понимать ихъ сталъ лишь при помощи человѣка, говорившаго „тою русскою бесѣдою“ *) и объяснивавшего ему силу рѣчи. Достоинно здѣсь вниманія то обстоятельство, что Кириллъ сначала не понималъ русской рѣчи и книгъ, написанныхъ русскими письменами. Изъ словъ императора Михаила III, сказанныхъ имъ Солунскимъ братьямъ, при отправленіи послѣднихъ въ Моравію для просвѣтительной тамъ дѣятельности, можно однако заключать, что они, какъ уроженцы города Солуни, знали славянскій языкъ: „вы бо еста Селунина, сказалъ имъ императоръ, да Селуняне вси чисто Словенскы бесѣдуютъ“. Выслушавъ волю императора, послывшаго ихъ къ Моравамъ, Кириллъ отвѣчалъ ему: „радъ иду тамо, аще имуть буквъ въ языкъ свой“. Императоръ на это замѣтилъ, что ни дѣдъ, ни отецъ его, ни многіе другіе не нашли славянскихъ буквъ, сколько ни искали, и совѣтовалъ Кириллу просить помощи отъ Бога. Тогда „философъ на молитву ся наложи и съ инѣми съпоспѣшникѣ; въ скорѣ же я ему Богъ яви, и тогда сложи письмена, и нача бесѣду писати Евангельскую: *искони бѣ слово...* и прочая“. Изъ того, что Кириллъ не знаетъ у славянъ буквъ, изъ того, что многіе, искавшіе у славянъ буквъ, не нашли ихъ; изъ того, наконецъ, что Кириллъ самъ рѣшился изобрѣсть для славянъ письмена и, по изобрѣтеніи ихъ, началъ переводить именно Евангеліе,—изъ всего этого слѣдуетъ, что сказаніе Паннонскаго житія о видѣнныхъ когда-то Кирилломъ въ Херсонѣ Евангеліи и Псалтири, писанныхъ письменами одного изъ славянскихъ нарѣчій, которое тогда еще не отличалось рѣзко отъ прочихъ, есть или позднѣйшая вставка,

*) Константинъ „бесѣдова съ нимъ (съ человѣкомъ глаголющимъ русскою бесѣдою) и силу рѣчи пріимъ, своей бесѣдѣ прикладая различная письмена, гласная и съгласная, и къ Богу молитву творя, вскорѣ начать чести и сказати, и мнози ся дивляху“.

или же его нужно понимать не въ буквальномъ смыслѣ. Существуютъ защитники какъ того, такъ и другаго мнѣнія. Бодянский и нѣкоторые другіе думаютъ, что исторія съ „русскими письменами есть дѣло позднѣйшей нашей отечественной фабрикаціи“, что—это „нейдущая къ дѣлу приписка русскаго невѣжественнаго книжника - патріота“ *). Мнѣніе это основывается главнымъ образомъ на томъ, что въ концѣ Паннонскаго житія Константина находится любопытная приписка, гласящая: „буди вѣдомо всѣми языки и всѣми людьми, яко грамота русская никымъ же явлена, но токмо самѣмъ Богомъ Вседержителемъ, Отцемъ и Сыномъ и Св. Духомъ Грамота русская явилась Богомъ дана въ Корсуни Русину отъ нея же научися философъ Константинъ и оттуду сложивъ и написавъ русскимъ языкомъ“ и пр. Эту приписку, обыкновенно, считаютъ возникшею подъ вліяніемъ сказанія о русскихъ книгахъ, найденныхъ Кирилломъ въ Херсонѣ, и вполне основательно находя ее позднѣйшимъ издѣліемъ русскаго книжника-патріота; изъ этого заключаютъ, что и сказаніе о книгахъ, видѣнныхъ Кирилломъ, есть также дѣло позднѣйшей фабрикаціи. Но такое заключеніе остается все-таки недоказаннымъ. Интересующее насъ сказаніе находится во всѣхъ спискахъ Паннонскаго житія Константина, а всѣхъ списковъ его насчитывается теперь до 17. „Общее согласіе всѣхъ списковъ, по замѣчанію проф. Воронова, положительно опровергаетъ попытку объяснять подобнаго рода мѣста вставками позднѣйшаго происхожденія“ **). Если такимъ образомъ выше указанное сказаніе нельзя считать позднѣйшей вставкой, то съ другой стороны его также невозможно понимать и въ буквальномъ смыслѣ. Знаменитый Шафарикъ, а за нимъ и наши русскіе церковные историки—митрополитъ Макарій и проф. Голубинскій утверждаютъ, что „подъ русскими книгами сказанія нужно разумѣть Готескія книги“ ***).

*) Бодянский, „О времени происхожденія слав. письменъ“ 158 стр. „Прав. Обозр.“ 1885 г., № 2, статья: Паннонскія житія, какъ источникъ для біограф. свв. Кирилла и Меѳодія. стр. 283—284.

***) Вороновъ, цитов. сочин., 68.

***) Голубинскій, Ист. рус. Церкви I т. 2 пол. 291—292, 5 прим.—Макарій, цит. сочин. 153—155.

Небольшая колонія Готевъ, бывшихъ соплеменными Варягамъ Руси, съ конца V вѣка жила неподалеку отъ Херсона, имѣла здѣсь своихъ іерарховъ и свои священныя книги, переведенныя на ихъ языкъ знаменитымъ аріанскимъ епископомъ IV вѣка—Улфилой, который изобрѣлъ также и готескія письма. Въ соприкосновеніе съ этими Готеами могли вступать и Варяго-Руссы, часто путешествовавшіе въ IX вѣкѣ водянымъ путемъ чрезъ Корсунь въ Царьградъ по дѣламъ торговли и на службу къ императорамъ и нерѣдко принимавшіе тамъ св. крещеніе. Одинъ изъ подобныхъ Руссовъ, находившійся въ Корсунѣ, когда прибылъ туда св. Кирилль, и могъ имѣть у себя готеское Евангеліе и Псалтирь и назвать ихъ, какъ совершенно ему понятныя, своими, *русскими* книгами. Готеское Евангеліе и Псалтирь имѣли въ себѣ немало славянскихъ словъ и, какъ мы уже знаемъ, св. Кирилль изучилъ эти книги при помощи ихъ обладателя—Русина. Слѣды изученія св. Кирилломъ Готескихъ книгъ замѣтно отразились на его славянскомъ переводѣ Библии. По замѣчанію одного ученаго, „при сличеніи древняго славянскаго перевода, совершеннаго св. Кирилломъ, съ немногими, доселѣ уцѣлѣвшими, отрывками готескаго перевода,—въ славянскомъ открылось очень много *тѣхъ же самыхъ готескихъ словъ и въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ переводѣ Улфилы*“ *). Итакъ мы опять-таки приходимъ къ тому заключенію, что до Кирилла и Меодія не существовало славянскаго перевода Библии.

Взятъся за это дѣло побудило Кирилла прибывшее къ императору Михаилу III посольство отъ Моравовъ. Относительно цѣли этого посольства митрополитъ Макарій говоритъ, что „князьямъ моравскимъ захотѣлось имѣть у себя такихъ учителей, которые изъясняли-бы народу славянскому слово Божіе понятною для него рѣчью; и они, зная по опыту, что не получить имъжелаемаго изъ Рима, откуда въ страну ихъ приходили священники всегда съ латинской Библией, по необходимости должны были обратиться съ просьбою къ Византіи“. Затѣмъ тотъ-же историкъ, въ качествѣ предположенія, указы-

*) Невоструевъ., „О переводѣ Евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ св. Кирилломъ и Меодиёмъ“. Кирилло-Меодиёвъ сборн. 224—225.

ваетъ и на другую цѣль посольства, которую могли имѣть въ виду моравскіе князья: „можетъ статья, говоритъ онъ, что чрезъ такое сближеніе съ Греціею моравскіе князья надѣялись еще получить отъ нея помощь противъ нѣмецкихъ государей, съ которыми находились они тогда въ раздорѣ“ *). Значить цѣль посольства была церковно-политическая. Не касаясь пока политической стороны дѣла, мы должны остановить нѣкоторое вниманіе на церковной его сторонѣ. Послѣдняя предполагаетъ, что Моравы, только что принявшіе христіанство отъ латинской церкви, были недовольны ея порядками, которые однако были общими для всѣхъ народовъ запада, принявшихъ христіанство; Моравы недовольны были именно тѣмъ, что „священники приходили въ ихъ страну всегда съ латинской Библіей и совершали богослуженіе также на латинскомъ языкѣ, но они пожелали имѣть у себя учителей, которые изъясняли бы народу славянскому слово Божіе понятною для него рѣчью“ и которые совершали-бы богослуженіе на ихъ собственномъ славянскомъ языкѣ. Получить это Моравы надѣялись отъ греческой Церкви, которая, по словамъ митрополита Макарія, „не только никогда не имѣла обычая запрещать новообращавшимся язычникамъ переводить слово Божіе на ихъ языкъ отечественный,—напротивъ всегда въ томъ имъ содѣйствовала, какъ показываютъ опыты ея въ отношеніи къ Готамъ, Грузинамъ, Армянамъ и другимъ“ **). Таковъ былъ прежній взглядъ науки на цѣль моравскаго посольства. Противъ этого взгляда новѣйшіе ученые возражаютъ, что „полагать, чтобы народъ, только что принявшій христіанство, могъ найти общій существующій порядокъ неправильнымъ, могъ возстать и протестовать противъ него, значить предполагать нѣчто совсѣмъ противное всякой вѣроятности и всякой исторической логикѣ“. „Протестъ, говоритъ профессоръ Голубинскій, противъ существующихъ, незаконныхъ и неправильныхъ порядковъ, народы обыкновенно поднимаютъ,—и не народы собственно, а отдѣльные избранные люди изъ нихъ,—не тотчасъ, какъ ихъ примутъ, а послѣ

*) Макарій, цитован. сочи. 170.

***) Ibid, 148; сравн. 169 стр.

того, какъ до-сыта наживутся съ нимъ и, испытавъ все ихъ неудобство, доростуть до критики“. „Такимъ образомъ, заключаетъ профессоръ, Моравы, только что принявшіе христіанство, никакъ не могли возстать противъ порядковъ римской церкви, а должны были.. покоряться имъ“ *). Точно также новѣйшіе писатели не согласны и съ тѣмъ, что греческая церковь IX вѣка позволяла всѣмъ народамъ совершать богослуженіе на своихъ собственныхъ языкахъ и имѣть свои національные переводы Библии. Тотъ-же вышеупомянутый ученый говоритъ, что „народы, обращавшіеся тогда къ греческой Церкви, должны были совершать богослуженіе на языкѣ греческомъ“ **). Въ примѣръ такихъ народовъ онъ представляетъ „славянъ Балканскаго полуострова, жившихъ въ предѣлахъ Византійской имперіи“; эти славяне, единоплеменные Моравамъ, задолго до послѣднихъ начали принимать отъ грековъ христіанство, однако „греки вовсе не думали для нихъ переводить своихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ“. „Вообще“, говоритъ г. Голубинскій, „греки IX вѣка, совершенно также какъ латиняне, были самымъ рѣшительнымъ образомъ за то, и того ученія, чтобы у всѣхъ народовъ ихъ греческой Церкви богослуженіе совершалось на одномъ греческомъ языкѣ“ ***). Митрополитъ Макарій, въ доказательство своей мысли о терпимости греческой Церкви по отношенію къ переводамъ Библии на языки другихъ народовъ и отправленію на нихъ богослуженія, какъ мы видѣли, ссылается на готскій, грузинскій и армянскій переводы Св. Писанія. Но эти факты характеризуютъ лишь древне-греческую церковь, а не византійскую—IX вѣка, потому что готскій переводъ Улфила явился въ концѣ IV вѣка, армянскій—въ началѣ V, въ царствованіе мудраго Врамшапуга, вскорѣ послѣ изобрѣтенія Месробомъ армянскихъ письменъ, которое падаетъ на 406 годъ, а грузинскій — въ царствованіе Арчила, жившаго также въ V вѣкѣ. Съ VI вѣка терпимость греческой Церкви ослабѣваетъ, и греки начинаютъ свой языкъ считать господствующимъ языкомъ богослуженія,

*) Истор. русск. Церк. 283.

**) Ibid, 283.

***) Голуб. „Ист. рус. Цер.“ 283—284.

другіе-же языки допускать лишь въ частныхъ службахъ. Такъ, въ Палестинской лаврѣ св. Саввы, по свидѣтельству его біографа Кирилла Скиеопольскаго, позволено было Армянамъ совершать правило псалмопѣнія въ малой молитвенницѣ на армянскомъ языкѣ въ субботу и воскресенье; позволено было имъ также отдѣльно въ своихъ собраніяхъ читать по-армянски Евангеліе и прочее послѣдованіе богослуженія, а потомъ приходитъ во время проскомидій къ грекамъ *). Слѣдовательно уже и въ VI вѣкѣ, даже въ лаврѣ св. Саввы, въ которой при разнородности обитателей должна была сильно ощущаться потребность богослуженія на разныхъ языкахъ, признавался языкомъ литургіи—языкъ греческій, а другіе языки, какъ армянскій, допускались только въ частныхъ псалмопѣніяхъ и чтеніи Евангелія. Ко времени Кирилла и Меѳодія монополія греческаго языка, какъ языка Св. Писанія и богослуженія, на востокѣ усилилась до крайней исключительности **).

*) „Просвѣтители славянъ и славянское богослуженіе“. „Страницы“ 1885 года, № 4, стр. 605.

***) Высказывая эту мысль подъ прикрытіемъ авторитетнаго историка, профессора Голубинскаго (см. его Истор. рус. Церкви 285—286 стр., прим. 1), мы можемъ въ защиту ея сказать, что она имѣетъ основаній, по крайней мѣрѣ, не менше, чѣмъ противоположная ей мысль о терпимости греческой Церкви IX—X вв. къ переводамъ Св. Писанія на языки варваровъ и къ національности богослуженія. Правда, мы не имѣемъ случаевъ непріязненнаго столкновенія греческой Церкви IX вѣка съ дѣятельностью св. первоучителей славянства, но для этого не было и самыхъ поводовъ, такъ какъ первоучители дѣйствовали среди моравской церкви, которая, послѣ кратковременной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, принадлежала къ составу римскаго патріархата. Не то видимъ на примѣрѣ болгарской церкви, которая съ 870 года вступаетъ въ тѣсный союзъ съ Константинопольскимъ патріархомъ (см. краткій очерк. истор. болгарской, сербской и румынской церкви, стр. 30—31). Болгарскому писателю (конца IX и начала X вѣка) Храбру понадобилось написать нарочитое сочиненіе *о письменахъ*, въ которомъ онъ защищаетъ переводъ священныхъ книгъ, сдѣланный св. Кирилломъ, отъ нарекателей. Храбру не было нужды защищать этотъ переводъ отъ латинянъ, которые владѣли надъ болгарской церковью съ конца 866 года и только до начала 870 года—никакъ не болѣе трехъ лѣтъ, слѣдовательно его сочиненіе направлено противъ грековъ, которые могли выступать противъ славянскаго перевода только потому, что и они, подобно латинянамъ, держались тріязычнаго ученія. „Греческій авторъ житія Климента Бѣлицкаго, по словамъ профессора Голубинскаго, старается извинить и оправдать Константина предъ своими греческими читателями за такое странное дѣло, какъ переводъ книгъ съ греческаго языка на славянскій,—онъ-де вынужденъ былъ къ этому крайней ту-

На основаніи сказаннаго, мы можемъ рѣшительно утверждать, что цѣль посольства Моравовъ къ императору Михаилу III не въ томъ состояла, чтобы получить отъ грековъ переводъ Св. Писанія и богослуженіе на славянскомъ языкѣ, для котораго тогда еще не было и изобрѣтенной азбуки: цѣль посольства была собственно политическая. Этотъ предметъ прекрасно разъясненъ въ „Исторіи русской Церкви“ Голубинскаго, и потому мы приведемъ его сужденіе сполна. „Моравы, говоритъ онъ, до IX вѣка жившіе подобно всѣмъ другимъ славянамъ разрознено и поэтому находившіеся въ зависимости отъ нѣмцевъ, въ началѣ IX вѣка успѣли сплотиться въ одно цѣлое и довольно сильное государство, вмѣстѣ съ чѣмъ сбросили съ себя и помянутую зависимость. Вслѣдствіе этого между ними и нѣмцами, желавшими снова покорить ихъ себѣ, началась ожесточенная борьба. Ища себѣ союзниковъ противъ Моравовъ, нѣмцы успѣли привлечь на свою сторону Болгаръ, которые владѣли тогда Панноніей и были непосредственными сосѣдями Моравовъ съ востока. Союзъ нѣмцевъ съ Болгарами вынудилъ Моравовъ искать союза съ греками, которые могли постыю болгаръ, не понимавшихъ прекрасной греческой рѣчи“ (Истор. Церк. 285—286). Смыслъ и этого факта ясенъ: греки не сочувствовали славянскому переводу св. Кирилла. Въ болѣе-же рѣзкихъ формахъ это несочувствіе не могло проявиться въ предѣлахъ Болгаріи даже потому только, что послѣдняя уже разь отлагалась отъ греческаго патріархата и какъ самостоятельное государство, въ случаѣ крупнаго раздора съ византійской церковью, могла или снова отшатнуться въ сторону Рима, или-же въ церковномъ отношеніи устроиться автокефально: это соображеніе должно было въ значительной мѣрѣ парализовать неприязненные чувства греческой Церкви къ славянскому переводу Библии, полученному болгарами отъ Моравовъ. Съ другой стороны нѣкоторая давность славянскаго дѣла, начатаго еще въ Моравіи, ореолъ святости и уваженія, окружающій въ глазахъ людей того времени личность переводчика—св. Кирилла, наконецъ, случаи нѣкоторой терпимости къ славянскому дѣлу со стороны даже латинянъ, или вѣрнѣе папъ—тогда болѣе или менѣе враговъ византійской церкви,—все это должно было умѣрять несочувствіе грековъ къ славянскому переводу священныхъ книгъ. Во всякомъ случаѣ, еще разъ скажемъ, прѣжнее мнѣніе о терпимости греческой Церкви къ національнымъ переводамъ священныхъ книгъ имѣетъ за себя основаній не болѣе, чѣмъ мнѣніе, отрицающее эту терпимость; разница-же между этими мнѣніями та, что прѣжнимъ мнѣніемъ заслуги славянскихъ первоучителей умаляются: они низводятся въ разрядъ многихъ другихъ переводчиковъ Св. Писанія, не стяжавшихъ однако себѣ такого значенія, какъ св. Кириллъ и Меводій, тогда какъ второе мнѣніе вполне согласуется съ мыслью о великихъ заслугахъ св. первоучителей славянства и служитъ основаніемъ для этой мысли

парализовать ихъ содѣйствіе нѣмцамъ, и посольство для сего то политическаго или военнаго союза Моравы и отправили къ императору Михаилу III. Союзъ политическій въ то время необходимо долженъ былъ сопровождаться и союзомъ церковнымъ, т. е. Моравы, ища заключить съ греками первый союзъ, необходимо должны были вмѣстѣ съ тѣмъ предложить себя въ зависимость Константинопольскаго патріарха вмѣсто бывшей дотолѣ зависимости отъ папы. Такъ это и было ими сдѣлано. По заключеніи обоихъ союзовъ, нужно было отправить въ Моравію, принятую подъ власть патріарха Константинопольскаго, греческихъ священниковъ. Въ начальники надъ имѣвшими отправиться священниками былъ избранъ Константинъ философъ, священникъ саномъ *),—избранъ былъ, безъ сомнѣнія, съ одной стороны потому, что предшествующими опытами доказалъ свою способность къ выполненію важныхъ порученій правительства (онъ былъ посылаемъ для богословскаго диспута къ Сарацинамъ, Хозарамъ и къ иконоборцу, низложенному патріарху Яннію), а съ другой—потому, что онъ, какъ и братъ его Меѳодій, умѣлъ говорить по-славянски. Тогда-то, еще находясь въ Константинополѣ, св. Кириллъ и приступилъ къ изобрѣтенію славянской азбуки и затѣмъ къ переводу священныхъ книгъ на славянскій языкъ—съ тѣмъ, чтобы дать Моравамъ богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ. Послѣ того, что мы знаемъ о цѣли моравскаго посольства, въ задачу котораго никоимъ образомъ не могла входить просьба къ грекамъ, чтобы послѣдніе дали Моравамъ переводъ Библии и славянское богослуженіе, начатый трудъ св. Кирилломъ является возникшимъ по собственной его инициативѣ. Здѣсь св. Кириллъ идетъ, такъ сказать, противъ господствующихъ обычаевъ тогдашней греческой Церкви, поступаетъ наперекоръ общественному мнѣнію, выступаетъ какъ „реформаторъ и новаторъ, провозгласившій принципъ равноправности всѣхъ языковъ и національности богослуженія и осуществившій свое новое ученіе въ приложеніи къ Моравамъ“ **). Этотъ выводъ не-

*) Голуб. 284.

***) Голуб. 284. См. также „Страникъ“, 1885 г. № 4, стр. 604. „Просвѣтителю славянъ“.

извѣстенъ былъ прежнимъ ученымъ, писавшимъ о славянскихъ первоучителяхъ, и явился вслѣдствіе новаго освѣщенія цѣли моравскаго посольства, а также и вслѣдствіе новаго взгляда на отношеніе византійской Церкви IX вѣка къ употребленію въ богослуженіи національныхъ языковъ. Для прежнихъ ученыхъ св. Кириллъ прежде всего былъ исполнителемъ желаній Моравовъ и воли греческой Церкви, для новыхъ—онъ является новаторомъ, произведшимъ реформу въ области современной ему Церкви. Эта реформа однако не есть новаторство въ безусловномъ смыслѣ слова, напротивъ она всецѣло согласуется съ дѣйствіями Церкви эпохи вселенскихъ соборовъ; потому что Церковь той эпохи, какъ подтверждается это исторіей готеской, грузинской и армянской церквей, примѣвшихъ свои переводы Св. Писанія и богослуженіе на своихъ собственныхъ національныхъ языкахъ,—вполнѣ признавала „принципъ равноправности всѣхъ языковъ и національности богослуженія“. Въ самомъ Константинополѣ, во времена Златоуста, была готеская церковь, въ которой богослуженіе совершалось на готескомъ языкѣ. Великій отецъ церкви нерѣдко самъ посѣщалъ это богослуженіе и за богослуженіемъ произносилъ поученія.

Итакъ въ томъ, что св. Кириллъ, съ первыхъ-же шаговъ своей дѣятельности на пользу славянства, выступилъ какъ „новаторъ и реформаторъ“ по отношенію къ тогдашней византійской и римской церкви,—ничего нѣтъ, что-бы противорѣчило истиннымъ основамъ вселенской Церкви; и первымъ шагомъ въ его реформаторской дѣятельности были именно, послѣ изобрѣтенія славянской азбуки, труды по переводу Св. Писанія на моравскій, какъ утверждаютъ одни *), или-же на болгарскій языкъ, какъ думаютъ другіе ученые **). Митрополитъ Макарій, высказываясь въ пользу послѣдняго мнѣнія, говоритъ: „въ наши особенно дни большая часть ученыхъ подають голоса свои въ пользу нарѣчія болгарскаго (какъ нарѣчія, на которомъ первоначально явился переводъ Св. Писанія). И надобно сознаться, что это мнѣніе, сравнительно съ прочими, имѣеть

*) Голубин. Ист. рус. Церк. 295.

**) Макарій, Ист. христіанства въ Россіи 197—201.

самыя прочныя основанія и въ исторіи, и въ филологіи“. Но вслѣдствіе союза, заключеннаго у Моравовъ съ греками, св. Кирилль долженъ былъ отправиться на просвѣтительную дѣятельность именно въ Моравію, а не Болгарію; для какой-же дѣли онъ сталъ-бы для Моравовъ переводить книги на болгарское нарѣчіе? Говорятъ, что онъ перевелъ на болгарскій языкъ потому, что обладалъ знаніемъ именно *этого* языка. Но это основаніе профессоръ Голубинскій находитъ „весьма страннымъ и смѣшнымъ“. „Неужели, говоритъ онъ, Константинъ, пока не выучился моравскому языку, не могъ сдѣлать того простаго дѣла, чтобы взять себѣ помощниковъ, которые-бы его болгарскій переводъ превращали въ моравскій?“ *). Что касается филологіи, то она мало помогаетъ въ рѣшеніи настоящаго спорнаго вопроса, такъ-какъ „первоначальныхъ списковъ Библии у южныхъ славянъ не сохранилось“. Главнымъ врагомъ ихъ было „западное духовенство, которое старалось уничтожить все то, что было насаждено славянскими первоучителями. и считало за славу для себя сжигать славянскія книги“ **). Позднѣйшіе-же списки носятъ слѣды тѣхъ или иныхъ исправленій, которыя начались весьма рано; объ исправленіяхъ упоминаетъ уже Храбръ, писатель начала X и конца IX вѣка. Въ виду этого, нѣкоторые утверждаютъ, что „невозможно открыть, на какомъ нарѣчій прежде всего явился славянскій переводъ Библии“ ***). Впрочемъ, сообразно съ историческими обстоятельствами, всего естественнѣе признавать, что св. Кирилль началъ переводить Св. Писаніе на моравское нарѣчіе.

Переводить онъ сталъ Библию не съ книги Бытія, которая занимаетъ первое мѣсто въ порядкѣ расположенія священныхъ книгъ, и не съ Евангелія отъ Матвея, которое занимаетъ

*) Голубин. *ibid.* 295.

**) „Къ истор. Кирилло-Методіевскаго славян. перевода на Руси“. В. Лебедева. „Странникъ“ 1885 г., №№ 1—4; стр. 4 № 1-го.

***) *Ibid.*, 5 стр. Существуетъ еще мнѣніе, высказываемое и авторомъ указанной статьи, г. Лебедевымъ, что „Моравскіе братья должны были (?) переводить Библию на языкъ понятный не одному какому-нибудь племени, но на вразумительный для всѣхъ славянъ, что первоначальный языкъ славянскаго перевода Библии былъ смѣшанный“ (?). *Ibid.* 5—6.

первое мѣсто въ расположеніи книгъ Новаго Завѣта, а съ первой главы Евангелія отъ Іоанна, которая въ порядкѣ „чтеній на вся дни“ составляетъ первое зачало, читаемое въ самый день Св. Пасхи. Такъ издавались въ прежнее время, обыкновенно, Евангеліе и Апостоль, предназначенныя къ церковному употребленію; у грековъ и до сихъ поръ еще уцѣлѣлъ такой порядокъ изданія Евангелія и Апостола, употребляемыхъ за богослуженіемъ. Планъ дѣятельности по переводу Св. Писанія, избранный св. Кирилломъ, свидѣтельствуетъ такимъ образомъ, что онъ своимъ трудомъ хотѣлъ прежде всего удовлетворить своей потребности устроить у Моравовъ славянское богослуженіе. Вслѣдствіе такой цѣли, ему нужно было на первыхъ порахъ перевести изъ Библіи то, что необходимо для отправленія богослуженія, т. е. перевести избранныя чтенія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. И начавъ свой трудъ еще въ Константинополѣ, затѣмъ продолживъ оный въ Моравіи, св. Кириллъ перевелъ съ греческаго языка на славянскій „весь церковный чинъ“ въ теченіи 40 мѣсяцевъ *). Выраженіе „весь церковный чинъ“, употребленное авторомъ Паннонскаго житія Кирилла, показываетъ, что послѣднимъ переведено изъ книгъ именно то, что необходимо для совершенія богослуженія. Болгарскій экзархъ Іоаннъ, въ *прологѣ* къ переведенному имъ Богословію св. Іоанна Дамаскина въ началѣ X вѣка, говоритъ, что св. Кириллъ „предлагалъ отъ Евангелія и Апостола изборъ“, т. е. переводилъ избранныя чтенія изъ Евангелія и Апостола.

Значитъ, св. Кириллъ перевелъ не весь Новый Завѣтъ, а только „изборъ“. Но, по замѣчанію нашего историка, древнѣйшіе подобнаго рода „изборы“ заключаютъ въ себѣ пропуски весьма немногихъ мѣстъ изъ Евангелія и посланій Апостольскихъ (у Макара. 176 стран.). Слѣдовательно св. Кириллъ перевелъ почти весь Новый Завѣтъ. Что же касается Ветхаго, то безъ сомнѣнія онъ переводилъ и изъ этого Завѣта, хотя съ точностью опредѣлить объемъ его дѣятельности въ этомъ

*) По словамъ митрополита Макарія, св. Кириллъ перевелъ богослужебныя книги въ четыре съ половиною года. „Исторія христіанства въ Россіи“, 175 стр. Но Голубинскій и другіе нѣкоторые утверждаютъ, что не въ четыре съ половиною года, а въ 40 мѣсяцевъ св. Кириллъ перевелъ эти книги.

отношеніи—довольно трудно. Изъ письма папы Іоанна VIII къ моравскому князю Святополку, писаннаго около десяти лѣтъ спустя послѣ смерти св. Кирилла, видно, что и въ тѣ времена предлагались за богослуженіемъ чтенія не только изъ Новаго, но и Ветхаго Завѣта: „ничто не препятствуетъ здравой вѣрѣ, пишетъ Іоаннь, пѣть литургію на языкѣ славянскомъ, или читать божественныя чтенія изъ Новаго и *Ветхаго* Завѣта“. Отсюда можно заключать, что св. Кирилль, по словамъ его біографа, „преложившій весь церковный чинъ“,—перевелъ на славянскій языкъ и часть Ветхаго Завѣта, необходимую для совершенія богослуженія. Наконецъ, изъ Паннонскаго житія Меѳодія извѣстно, что св. Кирилль вмѣстѣ со своимъ братомъ переводилъ Псалтирь.

Устроивши „весь церковный чинъ“, св. Кирилль отправился со своими учениками къ митрополиту венеціанскому, которому въ то время принадлежала власть надъ моравскою Церковью, уже отложившеюся отъ Константинопольскаго патріарха и примкнувшею опять къ составу римскаго патріархата,—отправился затѣмъ, чтобы митрополитъ поставилъ этихъ учениковъ въ церковныя степени; но тотъ встрѣтилъ св. Кирилла крайне недружелюбно, собралъ на него многочисленный соборъ, на которомъ присутствующіе обратились къ св. Кириллу съ вопросомъ, какъ онъ смѣлъ переводить священныя книги и ввести богослуженіе на славянскомъ языкѣ: „человѣче, скажи намъ, како ты сотворилъ Словесомъ книги и учиши я, ихъ же нѣсть никто-же инъ первѣе обрѣлъ, ни апостоль, ни римскій папезъ, ни еѳологъ Григорій, ни Іеронимъ, ни Августинъ?—Мы же три языка токмо вѣмы, ими же достоинъ въ книгахъ славити Бога: еврейскій, еллинскій, латинскій“. Это ученіе, общепризнанное тогда на западѣ, въ первый разъ было высказано Исидоромъ Севильскимъ († 636) *) и называется у древнихъ славянскихъ писателей „тріязычною ересью“. Ересь эта оправдывала себя тѣмъ, что на крестѣ Господа, по повелѣнію Пилата, надпись сдѣлана была только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ,—почему тріязычниковъ на-

*) Проф. Воронова, „Главн. источн. для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія“. Стр. 274—275.

зываютъ еще „пилатниками“. Философъ Кириллъ весьма основательно опровергъ сдѣланное ему „пилатниками“ возраженіе; онъ отвѣчалъ имъ: „нейдетъ-ли дождь отъ Бога на *вся*? Не дышаемъ-ли на аеръ *равно вси*? Или солнце не сіяетъ-ли такоже на *вся*? То како вы не стыдитесь, три языка токмо мняще, а прочимъ всѣмъ языкомъ и письменомъ слѣпымъ веляще быти, и глухимъ?... *) Мы же не многи роды знаемъ, кнѣги умѣюща, и Богу славу воздающа своимъ языкомъ каждо: явѣ же суть сіи: Армяне, Персы, Готы и инѣ мнози. Аще ли не хотите отъ сихъ разумѣти; но не отъ книгъ познайте судію. Давидъ бо вопіетъ глаголя: пойте Господевѣ *вся земля*, пойте Господевѣ *пѣснь нову*“. Отразивъ съ такимъ блескомъ и силой нападенія враговъ, святой труженникъ обратился съ жалобой къ папѣ, знаменитому Николаю I, который позвалъ его въ Римъ. Здѣсь св. Кириллъ встрѣтилъ со своими кнѣгами благосклонный пріемъ со стороны папы Адриана II, преемника только-что умершаго Николая: славянскія кнѣги были положены на престолѣ церковномъ „и такъ сказать торжественно канонизованы къ богослужебному употребленію“ **)—фактъ съ перваго раза непонятный и представляющійся страннымъ въ виду господствовавшей тогда на западѣ тріязычной ереси. Существовать въ литературѣ мнѣніе, принадлежащее покойному профессору Воронову, что папство той эпохи, къ которой относится дѣятельность славянскихъ первоучителей, „вообще сочувственно относилось къ дѣлу славянской Церкви, славянскаго перевода Библии и славянскаго богослуженія“, что врагомъ славянскаго дѣла было лишь латино-нѣмецкое духовенство ***)). Вопреки этому мнѣнію можно сказать, что папство той эпохи, о которой идетъ рѣчь, представляетъ въ своемъ отношеніи къ славянскому дѣлу замѣчательный примѣръ неустойчивости: папы то одобряютъ это дѣло, то осуждаютъ, вообще они дѣйствуютъ тутъ, по словамъ католическаго ученаго, кардинала

*) Для большей ясности этихъ словъ нужно принять во вниманіе еще слѣдующія слова, высказываемыя тріязычниками: „не достоинъ ни которому языку имати азбуквъ своихъ, развѣ еврей, греки и латини, по Пилатову писанію, еже на крестѣ Господни написа“.

**) Голубинскій, „Ист. Церкви“. 293.

***) Вороновъ, цит. сочин. 276—278 стр.

Гергенретера, сообразуясь съ обстоятельствами *). Адрианъ II въ 869—870 году разрѣшаетъ славянскія книги и славянское богослуженіе, Іоаннъ VIII между 873 и 879 годами два раза запрещаетъ это, но въ 880 году опять разрѣшаетъ, наконецъ Стефанъ VI снова и безусловно запрещаетъ славянское богослуженіе и славянскія книги, подвергаетъ анаѳемѣ св. Меѳодія, и его православное исповѣданіе вѣры называетъ лжеученіемъ. Въ своемъ ученomъ сочиненіи проф. Вороновъ отрицаетъ подлинность посланія папы Стефана VI (къ князю Святополку), а несочувственные дѣйствія другихъ папъ въ отношеніи къ славянскому дѣлу старается истолковать въ благопріятномъ смыслѣ для папства **), но новооткрытые документы (инструкція Стефана VI посламъ, отправляющимся къ славянамъ) вынудили его впоследствии признать посланіе Стефана подлиннымъ и тѣмъ самымъ поколебаться въ своихъ прежнихъ сужденіяхъ относительно папства ***). Папство по принципу своему, безъ сомнѣнія, всегда было враждебнымъ дѣлу славянскихъ первоучителей, и вся дальнѣйшая исторія, начиная со Стефана, показываетъ, что оно всячески старалось уничтожить всѣ слѣды дѣятельности первоучителей среди южныхъ славянъ. Случай же благосклоннаго на первыхъ порахъ отношенія со стороны папъ къ славянскому дѣлу объясняются тѣмъ, что они хотѣли руками Константина устроить миссію обращенія славянскихъ народовъ въ католическое христіанство, а славянскія книги (которыя впоследствии можно было запретить во всякое время) употребить, какъ средство для успѣшнѣйшаго привлеченія народовъ ****) въ лоно своей церкви. Вотъ почему Адрианъ II радушно принимаетъ св. Кирилла съ его славянскими книгами, хотя на нихъ и въ самомъ Римѣ все духовенство, окружавшее папу, смотрѣло враждебно. Въ Римѣ св. Кириллъ неожиданно заболѣлъ и на 43 году своей жизни, 14 февраля 869 года, скончался.

*) Photius, В. III, 624 стр. Гергенретера.

***) Вороновъ, цитован. сочин. 298.—307 стр.

****) О новомъ взглядѣ проф. Воронова на папство см. въ „Странникѣ“ 1885, № 4, 632 стр. въ статьѣ: „Отношеніе папства къ дѣлу первоучителей“.

****) Голуб. 293.—294. Подробнѣе см. въ статьѣ: „Отношен. папства къ дѣлу первоучителей“, 618—619.

Умирая, онъ увѣщевалъ своего брата Меодія не покидать начатаго дѣла, „продолжать дѣло славянскихъ книгъ“. И Меодій, возвратившись къ славянамъ, трудился на нивѣ Божіей до 6 апрѣля 885 года. Въ это время онъ довершилъ и то, что остался послѣ его брата недоконченнымъ по переводу Библии на славянскій языкъ. Панновскій біографъ Меодія повѣствуетъ, что онъ, „отъ ученикъ своихъ посажь два попы скорописца зѣло, прѣложи въ борзѣ вся книги исполнь, развѣ Маккавеи, отъ Греческа языка въ словѣньскъ, шестію мѣсяцъ, начень отъ марта мѣсяца до двоюдесяту шестію день октября мѣсяца“ *). Выраженіе: „вся книги исполнь, развѣ Маккавеи“—показываетъ, что рѣчь идетъ о переводѣ библейскихъ книгъ. Значить—въ теченіе шести мѣсяцевъ, ко дню памяти св. Димитрія Солунскаго, св. Меодій перевелъ всѣ книги Св. Писанія, кромѣ Маккавейскихъ, не переводя при этомъ, разумѣется, и того, что уже было переведено св. Кирилломъ. Переводъ Библии, какъ мы слышали отъ Панновскаго жизнеописателя, сдѣланъ былъ съ греческаго языка; и насколько можно судить по древнимъ рукописямъ о первоначальномъ славянскомъ текстѣ перевода Библии, онъ т. е. переводъ, буквально слѣдуетъ греческому оригиналу. По словамъ одного автора, занимавшагося изученіемъ славянскаго текста Библии по древнимъ рукописямъ,—„переводчикъ заботился о возможно близкомъ, точномъ и дословномъ переложеніи мысли съ одного языка на другой. Это зависѣло отъ благоговѣнія древняго переводчика къ греческому подлиннику, какъ священному и неповрежденному памятнику; поэтому переводчикъ старался каждую мысль, каждое слово оригинала передать такъ, какъ оно выражено въ послѣднемъ“ **). Слѣдовательно славянскій переводъ Библии, сдѣланный свв. первоучителями, представляетъ высокія литературныя достоинства, объясняющіяся тѣмъ, что переводчики были отличными знатоками греческой и славянской рѣчи. Недаромъ древній ихъ жизнеописатель назвалъ ихъ переводъ Св. Писанія сокрови-

*) Чтен. Моск. истор. Общ. 1865, I, отд. III, 10 стр.

**) Къ истор. Кирило-Меод. славян. перевода на Русн. В. Лебедева. „Страникъ“ 1885, № 1, стр. 13—14.

щемъ, которое „драгоцѣннѣе всего золота и серебра въ мірѣ“. Славянскій переводъ Св. Писанія отъ Моравовъ перешель къ Болгарамъ *), а отъ послѣднихъ и къ намъ—въ Россію, или до св. Владиміра, при Аскольдѣ и Дирѣ, или же при Владимірѣ. Такимъ образомъ и наша Церковь обязана великимъ трудамъ славянскихъ первоучителей, и потому вполне законно чтить нынѣ ихъ священную память свѣтлымъ торжествомъ.

О. Смирновъ.

*) Голубин. „Кратк. очер. истор. церкви болгарской, сербской и румынской“, стр. 32—33.

Р Ъ Ч Ъ

Преосвященнаго Амвросія, Епископа Харьковскаго, произнесенная 21-го апрѣля въ Харьковскомъ Дворянскомъ Собраніи.

Милостивые Государи!

Приношу вамъ глубочайшую благодарность за то, что вы доставили мнѣ духовное утѣшеніе помолиться вмѣстѣ съ вами — и удовольствіе принять участіе въ этой трапезѣ и бесѣдѣ вашей. Прошу съ любовью принять мои привѣтствія и благожеланія, которыя хочу вамъ высказать по долгу моего служенія.

Вы празднуете столѣтіе знаменитой Грамоты, которою Екатерина Великая изъ древнихъ именитыхъ русскихъ родовъ округлила васъ въ особое высшее сословіе, оградила и почтила особыми правами и преимуществами. Сто лѣтъ — много времени даже и въ жизни народа. Въ такой значительный періодъ много могло произойти самыхъ разнообразныхъ явленій и въ жизни вашего сословія. Конечно, на виду у всего нашего отечества прежде всего стоятъ великія заслуги дворянства русскаго на поляхъ брани, въ царскихъ совѣтахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, въ многочисленныхъ опытахъ высокой честности, любви къ родинѣ и самопожертвованія; а въ послѣднее время мы и своими гла-

вами видѣли безпримѣрные въ исторіи ваши подвиги въ освобожденіи милліоновъ русскаго народа отъ крѣпостной зависимости. Но жизнь человѣческая идетъ такъ, что вмѣстѣ съ великимъ и благотворнымъ всюду и незамѣтно прокрадывается въ ней что-нибудь и требующее исправленія, предосторожности и, во всякомъ случаѣ, бдительнаго вниманія для охраненія себя и другихъ отъ ошибокъ и опасностей. Простите, если я, какъ служитель Церкви, съ откровенностію для блага вашего и нашего любезнаго отечества укажу вамъ нѣчто въ этомъ родѣ, провѣряя ваше настоящее положеніе по тѣмъ главнымъ идеямъ, которыя положены въ основаніе дарованной вамъ дворянской Грамоты.

Четыре идеи составляютъ ея главное содержаніе. Во-первыхъ, неприкосновенность Всероссійскаго Престола и Самодержавія Государей нашихъ, какъ основнаго принципа существованія, безопасности, чести и славы нашего отечества; во-вторыхъ, идея дворянства, какъ ограды, крѣпкой стѣны, живой изгороди, охраняющей и стерегущей Высокій Престоль великаго русскаго царства. Третья идея, — это народъ русскій, — эта почва, этотъ грунтъ, въ которомъ углубляется и откуда питается и получаетъ свою міровую силу, свое высокое историческое значеніе и Самодержавная власть, и все составляющее цвѣтъ и славу нашего отечества. Четвертая идея, лежащая въ основаніи трехъ первыхъ, — идея, такъ ясно рисовавшаяся въ великомъ умѣ Великой Государыни, — идея Русскаго государства, Самодержавіемъ управляемаго, дворянствомъ предводимаго, народомъ созидаемаго.

Провѣрьте себя по этимъ основнымъ принципамъ, изъ которыхъ такъ ясно выступаютъ ваше призваніе и ваши обязанности, истекающія изъ самыхъ дарованныхъ вамъ преимуществъ.

Русскій Царь! Самодержавный Русскій Государь! Священная глава могучаго, великаго Русскаго царства! — При одномъ этомъ имени у кого изъ истыхъ Русскихъ дворянъ не дрогнетъ не только благоговѣйнымъ трепетомъ, но и любовію и радостію сердце? Кто изъ васъ хотя на минуту усумнится и остановится отдать все свое и всего себя на службу, на трудъ, на жертву по единому мановенію нашего природнаго Великаго Государя? Но не замѣчали-ли вы, что не рѣдко и при нашемъ глубокомъ убѣжденіи въ важности и благотворности общаго начала, при сознаніи цѣльности нашего настроенія, прокрадываются между нами и въ насъ самихъ частности, подробности, при тщательномъ разборѣ оказывающіяся въ противорѣчій съ общимъ теченіемъ жизни. Отъ этихъ противорѣчій (вы ихъ понимаете) въ послѣднее время не убереглось и дворянство. Но по самой неестественности появленія ихъ въ нашемъ отечествѣ, по тому дикому диссонансу, который они у насъ производятъ, мы должны быть бдительны ко всякой мысли, слову, устному и печатному, гдѣ появляется хитро завернутая, блестящая новизною ложь чуждыхъ намъ ученій о власти и государственномъ устройствѣ. Вы — ограда Престола, вы всѣ до единаго готовы лечь костью вокругъ него, чтобы защитить его отъ всякаго врага; но дыша ревностію, мужествомъ, храбростію, отвагою противъ враговъ внѣшнихъ, будьте проницательны, бдительны, неутомимы въ преслѣдованіи враговъ внутреннихъ, разлагающихъ наши силы умственные и нравственные, которыя составляютъ основу и существо всякой силы внѣшней. Возвратите дѣтямъ вашимъ истинно-христіанское, практически-благочестивое воспитаніе, которымъ отличались ваши предки; не давайте имъ въ руки мнимо-научныхъ, живыхъ системъ о переустройствѣ государства; слѣдите

за литературу; ограждайте не только Священную Особу Государя царствующаго, но и самую идею Царя Самодержавнаго, этотъ *политическій догматъ* нашего отечества, безъ котораго нельзя быть русскимъ, какъ безъ вѣры во Христа — христіаниномъ. Пользуйтесь правомъ представительства и ходатайства предъ Престоломъ, дарованнымъ вамъ Великою Екатериною, прежде всего для защиты васъ самихъ и дѣтей вашихъ властию Самодержавнаго Царя отъ этой темной силы, двигающейся на насъ въ видѣ лжеумствованія, лжезнанія и лжесловесія. Во всѣхъ концахъ Россіи читаются и слышатся рѣчи и о федерализмѣ, и о сепаратизмѣ, и о партикуляризмѣ, и социализмѣ и проч. и проч. Слѣдите за вліяніемъ этихъ ученій на наше общество, какъ слѣдите за всѣмъ тѣмъ, что вредитъ вашему сельскому хозяйству, составляя, по разнымъ вопросамъ общества, съѣзды, совѣщанія. Что филоксера для винограда, что овражки и жучки для вашихъ полей и луговъ, то эти ложныя мысли и ученія для всѣхъ благихъ насажденій и плодовъ, воспитанныхъ и возвращенныхъ исторіею на почвѣ нашего отечества.

Что касается самаго дворянства, нѣтъ надобности вамъ напоминать о необходимости образованія, о личномъ трудѣ, объ улучшеніи экономическаго быта: вы выравниваетесь съ потребностями времени. Но не допускайте, чтобы рѣдѣли ваши ряды, чтобы европейское образованіе и независимое состояніе похищали изъ среды вашей лучшія силы, перенося ихъ на чужую почву и претворяя русскихъ дворянъ во всемірныхъ гражданъ. Вамъ никто не воспрещаетъ обозрѣвать весь міръ, наслаждаться красотами природы во всѣхъ широтахъ земнаго шара, но зачѣмъ увязать въ чужой почвѣ и забывать свою родину? Зовите всѣхъ домой. Наше отечество теперь не то, что было даже при Великой Ека-

теринѣ, хотя и она въ своей Грамотѣ съ восторгомъ говорила о расширеніи предѣловъ своего царства и его величіи. Мы пріобрѣли всѣ климаты отъ сѣверныхъ морозовъ до экваторіальныхъ жаровъ; мы имѣемъ и доли, и степи, и горы, и рѣки, соперничающія въ красотѣ съ лучшими странами въ мірѣ; мы имѣемъ плоды отъ клюквы и морошки до винограда и персиковъ; мы имѣемъ минеральныя воды, которымъ, по ихъ качествамъ, начинаютъ завидовать Германія и Франція; мы имѣемъ всевозможныя минеральныя богатства; наконецъ наше отечество двинулось впередъ по всѣмъ частямъ общественнаго и государственнаго благоустройства. Зачѣмъ русскому дворянину быть послѣднимъ въ чужихъ странахъ, когда онъ можетъ быть первымъ въ родномъ царствѣ, величайшемъ изъ царствъ земныхъ? Намъ нужны дарованія, намъ нужны силы; мы должны собираться во-едино.

Великая Екатерина призвала дворянство къ единенію и съ народомъ для общаго блага. Съ утѣшеніемъ назвала она въ Грамотѣ свой народъ „послушнымъ, храбрымъ, неустрашимымъ, предприимчивымъ и сильнымъ“. Да, чудный этотъ сѣрый этотъ смиренный, съ затаенною внутреннею силою народъ, этотъ спокойный народъ, какъ спокойно море до первой бури, до первой опасности для отечества! Онъ собралъ вокругъ себя множество племенъ отъ европейски развитыхъ до первобытныхъ и дикихъ, и со всѣми живетъ мирно, съ безпримѣрною вѣротерпимостію; со всѣми охотно дѣлится благами своей страны; съ удивительною силою притяженія усвоетъ себѣ самыя разнообразныя расы, когда не мѣшаютъ этому увлеченныя ложными воззрѣніями лица, власть имѣющія. Этому народу нужно стало научное и общественное образованіе. Васъ по преимуществу призывалъ для наблюденія за этимъ великимъ дѣломъ въ Бозѣ почившій Государь Александръ II, на

тоже призываетъ васъ и нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ послѣднимъ обращеннымъ къ вамъ Высочайшимъ рескриптомъ, желая закрѣпить васъ на вашихъ земляхъ для полезной дѣятельности среди народа. Но—въ какомъ отношеніи стоитъ у насъ просвѣщеніе высшихъ классовъ къ умственному развитію простаго народа? Мы представляемъ изъ себя картину желѣзнодорожнаго поѣзда, у котораго оторвался локомотивъ и летитъ на всѣхъ парахъ впередъ, оставляя стоять свои вагоны. Теперь мы хотимъ прикрѣпить къ себѣ эти вагоны, мы хотимъ вести народъ за собою къ просвѣщенію. Будьте внимательны вы, руководители, къ дѣлу, отъ котораго зависитъ вся судьба нашего отечества. Не сдѣшайте учить народъ, какъ вамъ хочется, а учите его прежде всего тому, чего онъ самъ желаетъ,—познанію своей вѣры и Церкви, нравственныхъ обязанностей, своей священной грамоты, съ которою онъ выросъ въ теченіи тысячи лѣтъ въ народъ великій. Дайте ему сначала насущный хлѣбъ познанія божественной истины, помогая ему спастись отъ разлагающихъ его пороковъ и искушеній, а науки потомъ онъ самъ запроситъ и столько, и въ томъ видѣ, какъ найдетъ для себя полезнымъ. Онъ уменъ, сообразителенъ, дальновиденъ болѣе, чѣмъ мы думаемъ; онъ лучше понимаетъ насъ и наши заблужденія, чѣмъ мы и его самого, и его недостатки.

Наконецъ, переходя къ мысли о Русскомъ царствѣ во всей его цѣлости, мы замѣчаемъ еще силу, съ которою вамъ нужно сдружиться для благоустроенія отечества. Царствами человѣческими управляетъ Господь, милуетъ и награждаетъ ихъ за благочестіе и молитвы народовъ, а дѣломъ молитвы и нравственно-христіанской жизни руководитъ у насъ священство Божіе, называемое духовенствомъ. Не забывайте его, не расходитесь съ нимъ. Оно нынѣ захудало, но въ тысячелѣтней жизни наше-

го отечества оно проложило не менѣе глубокую и свѣтлую черту, чѣмъ и дворянство, — въ воспитаніи народа и благоустроеніи русскаго царства. Вспомнимъ время, когда изъ дворянскихъ родовъ были великіе святители: Московскіе митрополиты Алексій и Филиппъ и патріархъ Филаретъ Никитичъ, отецъ перваго государя изъ Дома Романовыхъ, и изъ Малороссіи и Вѣлоруссіи были изъ дворянъ архіепископы и епископы: Иоасафъ Горленко, Амвросій Зертисъ-Каменскій, Антоній Илляшевичъ, Георгій Конисскій, Сильверстъ Кулябка, Христофоръ Сулима, Павелъ Саббатовскій; было время, когда въ кіевскихъ духовныхъ школахъ получили образованіе князь Безбородко, графъ Завадовскій, гетманы Иванъ Самойловичъ и Богданъ Хмельницкій; было время, когда ряды бѣлаго духовенства пополнялись изъ всѣхъ сословій и отовсюду притекали къ намъ силы и дарованія. Теперь мы замкнуты въ тѣсное, отдѣльное сословіе. Не спрашивайте отъ насъ многого. Но у васъ избытокъ силъ естественныхъ, а у насъ хранилище силъ благодатныхъ; у васъ знанія человѣческія, у насъ единая святая вѣра, просвѣщающая умы и сердца свѣтомъ божественнымъ; подѣлитесь съ нами вашимъ и берите отъ насъ то, что ввѣрено намъ Господомъ для вашего блага и спасенія. Народу-же понесемъ науку, вмѣстѣ осмотрѣнную, соображенную съ его силами и нуждами, озаренную свѣтомъ божественной истины, согрѣтую благодатію святой Церкви и направленную ко благу временному и вѣчному.

Господь-же милосердый, долготерпящій нашимъ немощамъ, заблужденіямъ и грѣхамъ, да поможетъ всѣмъ намъ уразумѣть истинныя наши обязанности и наилучшіе способы ихъ исполненія. Запомнимъ одну великую истину: если мы, русскіе люди, не повредимъ сами себѣ; если не допустимъ въ свою внутреннюю жизнь гибель-

ныхъ началъ разложенія—умственного и нравственнаго: то, при помощи Божіей, никакая земная сила не сокрушитъ нашего великаго, нашего славнаго царства.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВЪ ОТНОШЕНИИ КЪ ОТКРОВЕНІЮ.

(Продолженіе *).

Глава II.

Внутреннія условія историческаго развитія философіи.

16. Внутреннія условія, какъ исторія сознанія.—17. Сознаніе, какъ различеніе.—18. Процессъ развитія сознанія.—19. Близость подобнаго пониманія этого процесса философской наукѣ.—20. Моменты различенія.—21. Категорій, какъ формы различенія.—22. Постепенность различенія въ этихъ формахъ.—23. Главнѣйшія эпохи въ развитіи сознанія.—24. О томъ, съ чего начать исторію сознанія.—25. Эпоха представленія.—26. Эпоха понятія.—27. Эпоха идеи.—28. Выраженіе указанныхъ ступеней познанія въ различныхъ пріемахъ мышленія.—29. Взаимное отношеніе указанныхъ ступеней познанія.—30. Непосредственность предметнаго бытія въ этихъ формахъ сознанія.—31. Непосредственное откровеніе сущаго.—32. Три момента въ этомъ откровеніи.—33. Цикль развитія сознанія.—34. Поступательное движеніе сознанія въ повыхъ подобныхъ циклахъ.—35. Отношеніе схемы развитія сознанія къ высшимъ условіямъ развитія.

16. Если философское самосознаніе производитъ исторію философіи, то по этому самому оно само въ сущности представляетъ процессъ историческій. Даже больше: исторія философіи и есть именно этотъ самый процессъ. Но философское самосознаніе, какъ сказано выше, есть лишь частный случай чело-вѣческаго сознанія вообще. Поэтому естественно предпола-гать, что и сознаніе вообще также содержитъ въ себѣ про-цессъ историческій, который находитъ свое выраженіе въ исто-рическомъ процессѣ самосознанія философскаго. Самонаблю-деніе и наблюденіе надъ другими людьми дѣйствительно убѣж-

даетъ насъ, что наше сознание имѣетъ свою исторію, и убѣжденіе это, какъ извѣстно, принадлежитъ къ самымъ элементарнымъ истинамъ психологической науки. Но если это такъ, то именно въ этой исторіи сознания вообще и нужно искать тѣхъ внутреннихъ условій, которыя опредѣляютъ развитіе философскаго самосознания въ исторіи философіи. Съ этой точки зрѣнія „исторія сознания“ вообще должна служить общимъ принципомъ развитія философіи, а частные моменты этой исторіи должны представлять совокупность условій, опредѣлявшихъ въ свою очередь частные моменты исторіи философіи. Дѣйствительно, изложеніе исторіи сознания вообще, указаніе внѣшнихъ обстоятельствъ, при которыхъ эта исторія находитъ свое выраженіе въ исторіи философіи и, наконецъ, изображеніе общаго хода исторіи философіи въ его существенныхъ моментахъ (поскольку она представляетъ упомянутое выраженіе исторіи сознания вообще)—могутъ подтвердить вполне наше предположеніе. Обратимся поэтому сначала къ исторіи человеческого сознания вообще.

17. Начнемъ съ самаго начала. Сознание, безъ сомнѣнія, есть частный случай знанія, какъ самосознание частный случай сознания. Поэтому спрашивается прежде всего, что такое знаніе? Отвѣтить на этотъ вопросъ возможно лишь посредствомъ самаго-же знанія, поскольку мы можемъ имѣть знаніе о самомъ знаніи. Но наше знаніе знаетъ себя прежде всего чрезъ противоположеніе себѣ незнанія,—т. е. чтобы узнать, что такое знаніе, мы необходимо должны противополжить ему незнаніе, которое имѣетъ совсѣмъ иныя свойства, чѣмъ знаніе. Кромѣ такого противополженія, для насъ въ сущности нѣтъ другихъ средствъ, чтобы узнать, что такое знаніе; ибо всѣ другія средства будутъ указывать на такое противополженіе, какъ на свое условіе. Но такое противополженіе незнанія знанію, совершающееся въ самомъ-же нашемъ знаніи, есть не что иное, какъ отличеніе знанія отъ незнанія, и наоборотъ. И если для знанія того, что такое знаніе, необходимо такое различеніе, то это показываетъ, что именно различеніе и есть знаніе. Слѣдовательно узнать или познать что-нибудь значитъ отличить это что-нибудь отъ чего-нибудь дру-

гаго, ему противоположнаго. Напротивъ не знать чего-нибудь значитъ не умѣть отличить этого отъ всего другаго. Въ такъ называемыхъ безсознательныхъ состояніяхъ обморока или глубокаго сна мы именно потому и не имѣемъ никакого представленія ни о себѣ самихъ, ни объ окружающихъ насъ предметахъ, что ни этихъ предметовъ, ни насъ самихъ мы не отличаемъ. Напротивъ, въ бодрственномъ состояніи мы потому и познаемъ окружающія насъ вещи и сознаемъ самихъ себя, что все это отличаемъ одно отъ другаго. Именно потому, что знаніе есть различеніе, оно и должно становиться извѣстнымъ самому себѣ чрезъ различеніе себя, какъ таковаго, отъ своей противоположности, какъ отъ отсутствія этого различенія *).

18. Но если знаніе, какъ различеніе, должно различать и себя самого отъ ему противоположнаго, то тѣмъ самымъ оно должно возвышаться на другую, высшую ступень сравнительно съ тѣмъ знаніемъ, которое себя еще не знаетъ: знаніе, не знающее себя, различаетъ лишь объекты, для него, такъ сказать, посторонніе, и пока оно запято этою дѣятельностію, оно, такъ сказать, себя самого еще не видитъ, потому что сосредоточиваетъ вниманіе не на себѣ, а на отличныхъ отъ него объектахъ; напротивъ, знаніе, знающее себя, различаетъ не только противоположные ему объекты другъ отъ друга, но и само себя въ качествѣ отличаемаго содержанія отъ всѣхъ другихъ объектовъ. Въ первомъ случаѣ различеніе направлено на

*) *Кантъ*, напротивъ, опредѣлялъ знаніе скорѣе какъ синтезъ, на томъ основаніи, что анализировать я могу только то, что синтезировано прежде. По его мнѣнію первоначальный актъ знанія есть, слѣдовательно, синтезъ, а не анализъ. На это можно отвѣтить, во-первыхъ, синтезъ самъ предполагаетъ различеніе, какъ дѣятельность, доставляющую ему матеріалъ; во-вторыхъ, различеніе можетъ не предполагать предшествующаго ему синтеза въ познаніи, а можетъ имѣть предъ собою синтезъ, данный ему въ дѣйствительности. Строгаго раздѣленія между синтезомъ и анализомъ вообще нѣтъ. Но первоначальный актъ познанія все-таки скорѣе анализъ. Мысль о томъ, что знаніе есть различеніе можно найти уже у *Анаксагора* (*Arist.* De anima 1; 2. 29—30), затѣмъ у *Аристотеля* (*De anima*, II гл. 11 и 12; III гл. 2) и у схоластиковъ, какъ напримѣръ у *Томы Аквинскаго* (*Liberalog.* Die Erkenntniss-Theorie d. Thomas von Aquino. S. 212). Въ новѣйшее время это мнѣніе высказываютъ *Бэнъ* (*The Senses and the intellect.* 8—9) и особенно *Ульрици* (*Compendium d. Logik.* „Всякое знаніе вначалѣ есть аналитическое“, говоритъ *Гегель*. Энциклоп. 1, § 227.

нѣкоторое объективное содержаніе, отличаемое отъ себя; во второмъ оно направлено на себя самого, поскольку оно выразилось въ предшествовавшей дѣятельности, и потому объективное содержаніе различаемаго этою предшествовавшею дѣятельностію теперь различается какъ „свое“. Но знаніе, направленное на себя, само должно быть отличено какъ таковое. Поэтому оно должно подняться на слѣдующую ступень, высшую по отношенію ко второй. Это оно дѣлаетъ тогда, когда узнаетъ себя какъ знаніе, себя самого знающее. Возможны и новыя ступени въ этомъ процессѣ, но на всѣхъ этихъ ступеняхъ будетъ повторяться одинъ и тотъ-же актъ: различающая дѣятельность предшествовавшей ступени будетъ различаема на послѣдующей; познавательный процессъ одной будетъ становиться познаваемымъ на другой; что на одной было дѣятельностію субъективною, на другой становится объектомъ. „Знаніе“, „познаніе“, „сознаніе“, „самосознаніе“, или „самопознаніе“—всѣ эти выраженія обозначаютъ въ сущности рядъ подобныхъ актовъ рефлексіи знанія на самого себя. Весьма ясный примѣръ такой рефлексіи представляетъ критика. Въ критикѣ нѣкоторое воззрѣніе на какой-нибудь предметъ само становится предметомъ критическаго разсмотрѣнія, т. е. новаго воззрѣнія, направленаго на воззрѣніе разсматриваемаго автора. Но критика, какъ извѣстное воззрѣніе, сама можетъ подлежать новой критикѣ, т. е. новому воззрѣнію, и т. д. Исторія всякой науки въ сущности представляетъ не что иное, какъ рядъ такихъ воззрѣній на воззрѣніе.

19. Мысль, что наше знаніе состоитъ изъ ряда подобныхъ актовъ, представляетъ ихъ синтезъ, всегда была близка философской наукѣ. Она не была чужда и древности, ибо виды познанія, признаваемые древними философами, въ сущности были подобными актами, въ которыхъ знаніе познавало себя самого. У Аристотеля можно видѣть совершенно опредѣленное признаніе этого процесса. Такъ, чистое мышленіе опъ опредѣляетъ именно какъ „мышленіе мышленія“ *). Черезъ арабскихъ его комментаторовъ зачатки такого воззрѣнія на позна-

*) Ἔστιν ἡ νόησις νόησεως νόησις. *Μεταφ.* 1. 1. XII, 7.

ніе перешли къ схоластикамъ. По примѣру этихъ комментаторовъ и схоластики, какъ на примѣръ, Альбертъ и Тома Аквинскій, называли каждый актъ рефлексіи *intentio* и представляли познаніе въ видѣ ряда подобныхъ актовъ, при чемъ непосредственное познаніе называлось *intentio prima*, а послѣдующіе акты *intentiones secundae*. Эти *intentiones secundae* приписывались именно рефлексіи разума на самого себя и на то, что въ немъ находится, и вели къ обобщенію отъ низшихъ понятій къ высшимъ *). Въ новыя времена возможность ряда такихъ актовъ весьма опредѣленно высказалъ Спиноза, хотя и оспаривалъ необходимость дальнѣйшаго ихъ продолженія послѣ первоначальной рефлексіи знанія на себя самого **). Въ Лейбнице-Вольфіанской философіи этотъ взглядъ на познаніе находитъ свой отголосокъ въ ученіи о такъ называемой апперцепціи ***). Но настоящій корень такого пониманія нашего сознанія лежитъ въ Кантовой „дедукціи чистыхъ понятій“ ****), къ которой непосредственно примыкаетъ Фихте Старшій въ своемъ „Наукоученіи“. Затѣмъ Шеллингъ въ своей „Системѣ трансцендентальнаго идеализма“ уже систематически изобразилъ развитіе сознанія въ ряду такихъ актовъ, которые онъ называлъ потомъ потенціями, т. е. степенями (*Potenz*) сознанія, по подобію степеней одного и того-же числа въ математикѣ. Наконецъ, Гегель, взявъ въ основу это ученіе, создалъ свое блестящее, но въ сущности неправильно истолкованное имъ, ученіе о развивающейся въ подобныхъ актахъ, или потенціяхъ идеѣ, или мыслящей себя мысли. Не говоря уже о неправильности и непослѣдовательности въ выводѣ этихъ актовъ одного изъ другаго, главная ошибка Гегеля здѣсь заключалась въ томъ, что весь этотъ процессъ самопознанія онъ понялъ не въ смыслѣ самосознанія человѣческой мысли, а придавъ ему значеніе абсолютнаго процесса, въ которомъ осуществляется

*) *Thomas Aquin. Opusc. De totius logicae Arist. summa, 1: Sed quia intellectus reflectitur supra se ipsum et supra ea quae in eo sunt... ideo format secundam intentionem...* *Werner. Thom. v. Aqu. II, 5.*

***) *Spinoza, Oeuvres. par Saisset (de intellectus emendatione) III, 308—310.*

****) *Leibniz, Oeuvres, par Jaques, Monadolog. § 14; Princ. природы и благодати § 4, II т. 464—468, Вольфъ. Психол. § 25.*

*****) Отдѣлъ „Критики чистаго разума“.

само Божество. Но независимо отъ различныхъ неправильностей въ пониманіи дѣла, все-таки достойно замѣчанія, что столько самыхъ могучихъ умовъ древнихъ и новыхъ временъ были сторонниками этого взгляда на познаніе. Это не могло быть простою случайностію, и потому показываетъ, что въ этомъ возрѣніи въ сущности высказывается истина. Поразительнѣе-же всего то, что мыслители самыхъ противоположныхъ направленій въ сущности сходятся въ этомъ возрѣніи на познаніе. Такъ напримѣръ думалъ Кондильякъ, антиподъ Гегеля *). Въ самое новѣйшее время къ этому возрѣнію весьма приблизился Спенсеръ. По крайней мѣрѣ въ его классификаціи познаній едва-ли можно видѣть что-нибудь иное, кромѣ классификаціи упомянутыхъ выше потенцій знанія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое [эти „представляющіяся“ познаванія, „представительно-воспроизведенныя“ познаванія, просто „воспроизведенныя“ познаванія и „перевоспроизведенныя“ познаванія **), какъ не рядъ актовъ, въ коихъ одно познаніе воспроизводится и представляется въ другомъ, какъ его объектъ? Такъ какъ это воспроизведеніе сопровождается извѣстнаго [рода обобщеніемъ, то Рибо ***) каждую ступень обобщенія прямо уподобляетъ степени какого-нибудь помноженнаго на себя числа, и въ этомъ пунктѣ совершенно сходится съ спекулятивными философіями Германіи.

20. Итакъ, наше сознаніе состоитъ изъ различныхъ актовъ рефлексіи на себя. Но прежде, чѣмъ изобразить исторію этихъ актовъ, рассмотримъ ближе самое существо различающей дѣятельности. Анализъ научнаго и, слѣдовательно, уже развитаго сознанія, направленный на эту дѣятельность, открываетъ въ

*) Condillac. „Essai sur l'origine des connoissances humaines. Amsterd. 1746. 1. § 1: Quelles que soient nos connoissances; si nous voulons remonter à leur origine, nous arriverons enfin à une première pensée simple, qui a été l'objet d'une seconde, qui l'a été d'une troisième, et ainsi de suite. C'est cet ordre de pensées qu'il faut développer, si nous voulons connoître les idées que nous avons des choses“. p. 2.

**) Спенсеръ, Основанія психологіи, § 480.

***) Рибо, Современная англійская психологія, 1881, стр. 62. „И въ самомъ, дѣлѣ, можетъ быть недостаточно замѣтили, что у отвѣченія есть свои степени совершенно такъ, какъ у чиселъ“.

ней два неразрывно связанные моменты: положительный и отрицательный. Чтобы отличить А отъ В, я долженъ положить въ сознаніи какъ А, такъ и В. Но А я могу положить, какъ А, только потому, что оно есть отрицаніе В, есть *не* — В; равно и В могу положить, какъ В, только потому, что оно есть отрицаніе А. Если-бы они не отрицали другъ друга въ моемъ сознаніи, они были-бы неотличимы одно отъ другаго, и потому не могли-бы быть положены въ сознаніи, т. е. познаны. Но если А, какъ таковое, полагается лишь какъ отрицаніе В, и В полагается лишь какъ отрицаніе А, то это значить, что какъ А, такъ и В полагаются каждое какъ отрицаніе своего отрицанія,—слѣдовательно, не отрицательно, а положительно *). Такое положительное отношеніе къ себѣ, какъ къ отрицанію своего отрицанія, есть равенство съ собою или тождество; а потому положеніе А и положеніе В, въ смыслѣ отрицательнаго отношенія къ другому, нашею различающею дѣятельностію совершается необходимо по закону тождества или равенства съ собою: $A=A$ и $B=B$. Процессъ этого положенія можно выразить слѣдующею формулою: $A=не\ —\ В$, но $B=не\ —\ А$; слѣдовательно, $A=не\ не\ —\ А$, т. е. $A=A$, и $B=не\ не\ —\ В$, т. е. $B=B$. Или: А отрицаетъ В, но В отрицаетъ А, слѣдовательно А отрицаетъ свое отрицаніе, значить къ себѣ отпосится положительно. Это положительное отношеніе къ себѣ не допускаетъ въ то-же время отрицательнаго отношенія къ себѣ; ибо А, будучи равно себѣ, не можетъ быть въ то-же время равнымъ В, которое это А отрицаетъ. Это значить, что различающая дѣятельность не можетъ одного и того-же въ одномъ и томъ отношеніи полагать и какъ А и какъ В, но должна полагать это либо какъ А, либо какъ отрицающее его В,—слѣдовательно, она дѣйствуетъ не только по закону

*) Насколько каждое положеніе или отличеніе чего-либо отъ другаго, обусловлено или зависитъ отъ отрицательнаго отношенія къ этому другому, показываетъ такъ называемый законъ контраста, по которому качество ощущенія измѣняется отъ одновременнаго или предшествовавшаго сосѣдства другаго ощущенія. Напр., клочекъ сѣрой бумаги, положенный на зеленый фонъ и закрытый листомъ папирсной бумаги, кажется не сѣрымъ, а розовымъ. Явленія контраста описаны и растолкованы у Вундта. Основан. физиолог. психологія, стр. 464—484; но особенно: „Душа человѣка и животныхъ“, т. I, стр. 133 и слѣд. (нѣм. изд.)

тожества, но и по закону противорѣчія, который, очевидно, составляетъ лишь обратную сторону закона тожества, выводъ изъ него въ отрицательной формѣ *). Но если наша различающая дѣятельность дѣйствуетъ по этимъ законамъ, то это значитъ, что различные моменты этой дѣятельности обусловлены одинъ другимъ и потому слѣдуютъ одинъ за другимъ въ необходимомъ порядкѣ или, какъ говорятъ, вытекаютъ одинъ изъ другаго. Если положеніе по закону тожества обусловлено отрицательнымъ отношеніемъ къ другому, а это отрицательное отношеніе въ свою очередь обусловлено положеніемъ этого другаго, то это значитъ, что въ различающей дѣятельности существуетъ извѣстнаго рода послѣдовательность или условность. Съ другой стороны, если иной способъ дѣятельности для нашего различенія въ силу закона противорѣчія, не допускающаго уклоненія или отрицанія закона тожества, невозможенъ: то это значитъ, что различающая мысль подчинена извѣстной необходимости. Но необходимая послѣдовательность въ мысли или мысленеобходимость (*Denknothwendigkeit*) показываетъ, что различеніе совершается именно по закону достаточнаго основанія, ибо законъ достаточнаго основанія какъ-разъ требуетъ такого необходимаго слѣдованія мысли, т. е. чтобы одна мысль съ необходимостію слѣдовала изъ другой, какъ изъ своего условія или основанія **). Итакъ, различеніе совер-

*) Законъ „исключеннаго третьяго“ есть дополненіе и обратная сторона закона противорѣчія. Законъ противорѣчія гласитъ: нельзя сказать относительно одного и того-же въ одномъ и томъ-же отношеніи: *и А и В*; законъ исключеннаго третьяго гласитъ: нельзя сказать подобнымъ образомъ: *ни А ни В*, (т. е. въ одно время).

**) Будучи вполне согласенъ съ Умрици въ выводѣ законовъ тожества и противорѣчія (см. *Compendium d. Logik*, §§ 5 и 6), у котораго я и заимствовалъ вышеприведенныя формулы, я не могу съ нимъ согласиться въ выводѣ закона достаточнаго основанія (§§ 8 и 9), который, по его мнѣнію, основывается на различіи между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ, т. е. на различіи дѣйствія и дѣятельности, и потому смѣшивается съ закономъ причинности. Законъ достаточнаго основанія, какъ самое названіе показываетъ, выражаетъ однако вовсе не отношеніе дѣйствія къ дѣятельности, а отношеніе одной мысли къ другой, какъ основанія къ слѣдствію, и потому выражаетъ условность какъ послѣдовательность мыслей, зависящую отъ ихъ взаимнаго отношенія, въ которое они ставятся. Такая послѣдовательность дается вмѣстѣ съ первымъ актомъ различенія, ибо различеніе требуетъ извѣстнаго порядка, по которому одно не можетъ

пается по извѣстнымъ законамъ, которые сначала опредѣляютъ его дѣятельность безсознательно и только впоследствии, при рефлексіи на самую различающую дѣятельность въ ея первоначальныхъ обнаруженіяхъ, приводятся въ сознаніе.

21. Но если наша различающая дѣятельность совершается по законамъ тождества, противорѣчія и достаточнаго основанія, то это происходитъ, какъ мы видѣли, только потому, что въ самой различающей дѣятельности положеніе столь тѣсно связано съ отрицаніемъ, что А полагается лишь настолько, насколько отрицается В, и обратно. Если-же это такъ, если А полагается лишь настолько, насколько отрицается В, то это показываетъ то, что А полагается лишь въ отношеніи къ отрицаемому—В, такъ что безъ В оно не могло-бы быть положено какъ А *). Это значитъ, что вещи имѣютъ опредѣленные различія лишь „въ отношеніи“ ихъ другъ къ другу и потому различіе „отношеній“ между ними входитъ въ отличеніе ихъ другъ отъ друга, какъ необходимое условіе. Въ самомъ дѣлѣ, если вещи отличаются лишь одна по отношенію къ другой, то мы должны допустить, что между вещами есть извѣстное отношеніе, въ какомъ онѣ различаются одна отъ другой. Не зная этого отношенія, въ какомъ онѣ отличаются, мы не можемъ знать и самаго различія между ними, потому именно, что оно есть различіе въ опредѣленномъ отношеніи ихъ другъ къ другу. Поэтому представленіе или различеніе отношенія вещей должно необходимо входить въ различеніе ихъ другъ отъ друга въ качествѣ существаго момента различающей дѣятельности. Но отличить одно отношеніе отъ другого, въ какихъ могутъ быть вещи различны, можно только въ силу того, что одно отношеніе касается одной стороны различаемыхъ предметовъ, другое—другой, т. е. отношенія между предметами различаются лишь по тѣмъ сторонамъ предметовъ,

быть отличено раньше другаго. Мысль, слѣдовательно, здѣсь является въ своей дѣятельности обусловленною. Причинность-же, какъ отношеніе дѣятельности къ дѣйствию, есть лишь частный случай реальной условности вообще.

*) Отношеніе между вещами возможно лишь потому, что они исключаютъ одна другую. Если-бы они не исключались взаимно, по были тождественны, никакого отношенія между ними не было-бы.

коими предметы вступаютъ въ отношеніе. Значить, можно столько отношеній различить между двумя предметами, со сколькихъ сторонъ мы можемъ эти предметы разсматривать. Это разсмотрѣніе предметовъ съ какой-нибудь стороны, чтобы опредѣлить между ними различіе по этой сторонѣ, есть въ сущности разсмотрѣніе или различеніе ихъ съ какой-нибудь опредѣленной точки зрѣнія, которая выражаетъ именно то отношеніе, въ какомъ вещи различаются нами. Только разсматривая вещи съ такихъ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія, мы имѣемъ возможность опредѣлить, „чѣмъ“ именно, или что то-же, въ какомъ именно отношеніи вещи различаются другъ отъ друга. Если я говорю, что А не В и В не А, то я утверждаю только то, что они вообще различны; но если я хочу сказать, чѣмъ именно они отличаются и прибавляю, что А кругло, а В угловато, то я для этого необходимо долженъ взглянуть на нихъ съ точки зрѣнія формы или вида: А кругло, а В угловато „по виду“, или въ отношеніи къ своему виду. Если мы встрѣчаемъ какой-нибудь неизвѣстный предметъ, напр. растеніе, то чтобы отличить его отъ другихъ растеній, мы должны отличить его отъ нихъ въ отношеніи къ величинѣ, къ виду, къ цвѣту, къ формѣ листьевъ, къ положенію вѣтвей и т. д., т. е. должны разсмотрѣть его съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія, или различить въ различныхъ отношеніяхъ. Необходимость такихъ точекъ зрѣнія чувствуется нами постоянно, и если мы до извѣстной поры не подозрѣваемъ, что различеніе производится именно такимъ образомъ, то это показываетъ только, что подобными точками зрѣнія въ различеніи вещей мы руководствуемся сначала бессознательно. Если мы въ первый разъ слышимъ, что уголь и алмазь различны, то мы невольно спрашиваемъ: „чѣмъ“, или что то-же, въ „какомъ отношеніи?“ Ясно, что такихъ точекъ зрѣнія или такихъ отношеній, въ которыхъ вещи могутъ быть различаемы и могутъ быть поэтому различны, можетъ существовать великое множество. Но между этими разнообразными отношеніями или точками зрѣнія существуютъ такія, которыя касаются всѣхъ предметовъ, такъ что нѣтъ такого предмета, который-бы не разсматривался въ этихъ отношеніяхъ или съ этихъ пунктовъ

зрѣнія. Такія всеобщія точки зрѣнія или такія всеобщія отношенія суть категоріи. Отсюда слѣдуетъ, что мы различаемъ вещи съ самыхъ-же первыхъ ступеней развитія по извѣстнымъ категоріямъ, или отношеніямъ, напр. качества, количества, сущности или явленія и т. д. *). Значить, различающая дѣятельность различаетъ вещи лишь въ извѣстныхъ отношеніяхъ или въ извѣстныхъ формахъ различенія.‡

22. Итакъ, изъ самаго существа различающей дѣятельности вытекаетъ, что различеніе или познаніе совершается по такъ называемымъ законамъ мышленія и по различнымъ категоріямъ, какъ руководящимъ точкамъ зрѣнія. Разница здѣсь въ томъ, что по законамъ мышленія наша различающая дѣятельность дѣйствуетъ всегда по всѣмъ вмѣстѣ, ибо она въ каждомъ своемъ дѣйствіи или актѣ различенія, какъ мы видѣли выше, опредѣлена всѣми тремя законами сразу, между тѣмъ какъ, руководствуясь различными точками зрѣнія, она можетъ различать вещи то по одной категоріи, то по другой, хотя и здѣсь переходъ отъ одной категоріи или формы къ другой совершается въ извѣстномъ порядкѣ или постепенности, въ силу которой различеніе въ одной формѣ, въ одномъ отношеніи, должно предшествовать различенію въ другой формѣ или въ другомъ отношеніи. Не различивъ, напр., вещей въ отношеніи къ числу, мы не можемъ разсматривать или различать ихъ съ точки зрѣнія сходства или общности признаковъ. Поэтому мы должны сначала различать предметы въ отношеніи къ ихъ отдѣльному существованію, по категоріи частей и цѣлаго, т. е. мы должны разсмотрѣть напр. каждое растеніе, какъ цѣлое, содержащее въ себѣ всѣ свои части, чтобы имѣть возможность различить его въ отношеніи къ виду; мы должны въ свою очередь различить его въ отношеніи къ виду, чтобы опре-

*) Взглядъ на категоріи, какъ на руководящія точки зрѣнія, принадлежитъ Ульрици. См. Compendium d. Logik, 2-e Aufl. §§ 11—19. Въ сущности категоріи съ этой точки зрѣнія должны представляться, какъ главныя формы различенія, въ противоположность Кантову пониманію, гдѣ они представляются различными формами спятеза. Кантъ, впрочемъ, не всегда одинаково понималъ, что такое категорія. Rudolf Lehmann, Ueber die psychologische Grundanschauung der Kantischen Kategorien Lehre. Philosoph. Monatshefte, 1884, XX, 2 и 3 Heft 5, 98.

дѣлать въ отношеніи къ роду. Подобнымъ-же образомъ мы должны поступать, если желаемъ различать семейство, порядокъ, классъ, отдѣлъ или царство растеній. Здѣсь каждое послѣдующее дѣйствіе различенія предполагаетъ предыдущее, какъ свое условіе. Тоже самое мы встрѣчаемъ и относительно различенія другихъ предметовъ съ различныхъ точекъ зрѣнія или въ различныхъ отношеніяхъ, по различнымъ категоріямъ. Но при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла, такая послѣдовательность оказывается въ зависимости отъ того, что каждое предшествовавшее различеніе становится объектомъ новаго различенія,—слѣдовательно, отъ рефлексіи знанія на самого себя *); ибо несомнѣнно, что понятіе о видѣ я могу составить лишь чрезъ рефлексію на отдѣльные экземпляры, понятіе о родѣ лишь посредствомъ рефлексіи на понятіе видовъ, понятіе о семействѣ посредствомъ рефлексіи на роды предметовъ и такъ далѣе. Такимъ образомъ анализъ различенія по различнымъ категоріямъ необходимо ведетъ насъ къ пониманію нашего познанія въ видѣ ряда актовъ познающей дѣятельности, въ которыхъ она становится сама для себя объектомъ и изъ которыхъ слагается исторія нашего сознанія. Итакъ мы возвращаемся къ исторіи сознанія.

23. Чтобы изобразить эту исторію, слѣдовало-бы перечислить всѣ отдѣльные моменты или акты, въ коихъ знаніе рефлексировуетъ на себя; но этихъ актовъ должно быть безчисленное множество, ибо все разнообразіе познаваемаго нами положено и полагается въ сознаніи чрезъ такіе акты, причемъ они такъ переплетаются между собою, что едва-ли наше сознаніе можетъ прослѣдить всѣ наслоенія ихъ развитія. Если-бы можно было всѣ эти акты возобновить въ сознаніи, тогда, по справедливому замѣчанію Шеллинга **), „вся связь объективнаго міра и всѣ опредѣленія природы даже въ безконечно маломъ были-бы раскрыты“. Гегель предпринялъ было смѣлую попытку привести всѣ эти различающія дѣйствія на-

*) Точнѣе было-бы сказать „на содержаніе сознанія“, поскольку содержаніе сознанія есть „сознаніе“ въ отношеніи къ содержанію.

***) Schelling. System des transcendentalen Idealismus. Tubing. 1800, S. 98 p. 4.

шего знанія въ систему подъ видомъ самоосуществленія сознающей себя абсолютной мысли; но эта попытка, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ. Она не могла увѣнчаться успѣхомъ уже по одному тому, что развитіе нашего сознанія нельзя представлять совершенно законченнымъ: оно можетъ развиваться неопредѣленно и въ глубину, и въ ширину. Поэтому приходится ограничиться изображеніемъ лишь главнѣйшихъ эпохъ въ исторіи сознанія, которыя могутъ быть остановлены въ нашемъ теперешнемъ сознаніи безъ особаго труда. Каждая такая эпоха слагается изъ множества отдѣльныхъ актовъ различенія, но всѣ эти акты имѣютъ между собою то общее, что различеніе въ нихъ производится съ одной и той же высшей точки зрѣнія, въ одномъ и томъ же общемъ имъ всѣмъ отношеніи или по одной и той же категоріи. Но если сравнить разныя эпохи между собою, то онѣ представляютъ между собою именно ту разницу, что въ каждой изъ нихъ высшая точка зрѣнія или высшая категорія иная, чѣмъ въ другой. Обозрѣть эти главнѣйшія эпохи исторіи сознанія тѣмъ легче, что совокупность ихъ представляетъ опредѣленный, замкнутый въ себѣ циклъ, въ которомъ предшествующая эпоха ставится объективнымъ содержаніемъ послѣдующей, высшей эпохи развитія и въ которомъ высшая, послѣдняя ступень указываетъ на самую низшую, первоначальную, и тѣмъ самымъ возводитъ низшую ступень выше себя. Все это уяснится при обозрѣніи самыхъ эпохъ.

24. Исторія сознанія должна, конечно, начинаться непосредственнымъ знаніемъ, не взшедшимъ еще ни на какую ступень развитія и составляющимъ первичную эпоху въ различеніи вещей. Но такое первоначальное и непосредственное знаніе намъ становится извѣстнымъ лишь посредствомъ постепеннаго сознанія его на слѣдующихъ ступеняхъ развитія, а потому, безъ знакомства съ этими послѣдующими ступенями, о немъ можно сказать лишь только то, что оно должно представлять нѣкоторый синтезъ многихъ актовъ различенія, въ которомъ должны быть даны всѣ условія и начала дальнѣйшаго развитія. Потому это непосредственное знаніе должно обладать такою всеобъемлющею многосторонностію, въ силу

коей послѣдующіе моменты развитія должны являться лишь въ качествѣ одностороннихъ и своеобразныхъ его выраженій. Съ другой стороны, оно должно отличаться такою непосредственною близостію къ объективному бытію, что это бытіе должно быть въ немъ дано непосредственно. Существуетъ мнѣніе, что такое многостороннее и непосредственное знаніе представляетъ ощущеніе; по съ этимъ мнѣніемъ согласиться совершенно невозможно по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, ощущеніе само по себѣ есть чистое отвлеченіе, ибо существуютъ лишь отдѣльныя, единичныя ощущенія, въ качествѣ содержанія воспріятія; во-вторыхъ, именно потому, что ощущеніе всегда дано какъ содержаніе воспріятія, оно есть знаніе опосредствованное этимъ воспріятіемъ и его условіями. Поэтому невозможно признать, чтобы непосредственное знаніе было ощущеніемъ въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно ощущеніе понимается *), хотя при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что оно во всякомъ случаѣ представляетъ одинъ изъ моментовъ въ сознаніи непосредственнаго знанія, отъ котораго зависятъ всѣ моменты этого сознанія. И такъ, полагая нѣкоторое непосредственное знаніе въ основу развитія нашего сознанія, мы должны обратиться къ дальнѣйшимъ ступенямъ или эпохамъ его развитія. Здѣсь мы можемъ различить три главнѣйшихъ ступени, изъ коихъ первую можемъ характеризовать какъ эпоху представленія (образъ), вторую, какъ эпоху разсудка (понятіе) и третью, какъ эпоху разума (идея).

25. Представленіе заключаетъ въ себѣ слѣдующіе моменты. Во-первыхъ, различеніе нѣкотораго даннаго содержанія посредствомъ той дѣятельности, которую наше уже развитое сознаніе называетъ ощущеніемъ. Условіемъ ощущеній служитъ отнесеніе ощущаемаго содержанія въ различные пункты пространства, ибо ощущаемое содержаніе, сосредоточенное въ одномъ пунктѣ (точкѣ) или не относящееся ни къ какому пункту, было бы неразличимо. Но отнесеніе ощущаемаго со-

*) *Бернштейна*, „Физиологія органовъ чувствъ“, стр. 182; *Вундта*, „Основанія физиологической психологіи“. Москва 1880, стр. 739; *Ляге*, „Исторія материализма“. С.П.Б. 1883. II, стр. 374—376. Сравни: *Милля*, *Логика*, II, стр. 180.

держанія къ различнымъ пунктамъ пространства возможно лишь въ непрерывномъ рядѣ мгновеній времени, ибо воспріятіе въ одно мгновеніе даетъ возможность отнести ощущаемое содержаніе только къ одному пункту пространства, а это дѣлаетъ невозможнымъ различеніе этого содержанія, или ощущеніе. Поэтому вторымъ моментомъ служитъ воспроизведеніе ощущенія въ непрерывномъ рядѣ мгновеній посредствомъ нѣкоторой рефлексіи на ощущеніе, или то, что называютъ воспріятіемъ *). Такое воспроизведеніе ощущенія въ воспріятіи возможно, однако, только въ томъ случаѣ, если ощущеніе, истекшее въ предшествовавшее мгновеніе, слѣдовательно прошлое, не забывается нами, но помнится, и чрезъ то непрерывно присоединяется къ послѣдующему ощущенію, данному въ настоящій моментъ, если, слѣдовательно, различные моменты ощущенія непрерывно объединяются чрезъ воспоминаніе. Поэтому третьимъ моментомъ различающей дѣятельности служитъ различеніе единства различныхъ воспріятій (въ пространствѣ или времени), посредствомъ новаго акта,—

*) Отнесеніе ощущеній къ пространственнымъ пунктамъ, строго говоря, совершается посредствомъ „мускульнаго“ ощущенія (движенія), дѣйствующаго одновременно со всѣми органами внѣшнихъ чувствъ. Посредствомъ извѣстныхъ движеній, въ особенности глазъ, рукъ, шеи, мы помѣщаемъ въ различныхъ другъ отъ друга „разстояніяхъ“ одновременныя съ этими движеніями ощущенія. Посему воспріятіемъ въ собственномъ смыслѣ можетъ быть названо лишь воспріятіе во времени. Этимъ объясняется, почему пространственныя разстоянія въ извѣстномъ смыслѣ реальны, ибо каждое разстояніе можетъ быть пройдено и въ „обратномъ“ порядкѣ, между тѣмъ какъ моменты времени идеальны, ибо они не могутъ быть пройдены въ обратномъ порядкѣ. Идеальность времени, т. е. что время не существуетъ внѣ представленія или души, замѣтилъ уже *Плотинъ* (Enn. III, lib. VII, 12 и др.) и раньше его перипатетикъ (Ravaisson. Essai sur la Métaphysique d'Aristote, II p. 438. Alex. Aphrodis. op. Themist de An. 64). Августинъ, повидимому, думаетъ сходно съ Плотиномъ: „Въ тебѣ, душа моя, я измѣряю времена; и ты не круши меня требованіемъ уяснить эту тайну, и не топи себя различными недоумѣніями и предположеніями. Да, еще разъ повторяю, въ тебѣ я измѣряю времена; и когда измѣряю ихъ, то измѣряю не самыя предметы, которые проходили и прошли уже безвозвратно, а тѣ впечатлѣнія, которыя они произвели на тебя: когда сами предметы прошли и не стало ихъ, впечатлѣнія остались въ тебѣ, и ихъ то я измѣряю, какъ присущіе мнѣ образы, измѣряя времена. Если же не такъ, если и это не вѣрно: то или времена имѣютъ самобытное существованіе, или я не времена измѣряю“. *Испов.* XI, 27, ср. кн. X.

рефлексіи на воспріятіе,—или то, что называется *представленіемъ*. Такимъ образомъ сознаніе ощущенія ведетъ къ сознанію его условій въ воспріятіи, сознаніе воспріятія ведетъ къ сознанію его условій въ представленіи. Такъ какъ только представленіе вноситъ единство въ многообразіе содержанія, то только чрезъ представляющую дѣятельность и возможенъ образъ какого-либо предмета, дѣйствующаго на сознаніе и предстающаго ему въ качествѣ объекта, какъ это превосходно выяснено уже Кантомъ *). И такъ какъ каждый образъ предмета представляетъ совмѣщеніе или взаимное проникновеніе различныхъ ощущаемыхъ качествъ по своему содержанію **), то, очевидно, представленіе есть различеніе вещей съ точки зрѣнія „частей и цѣлаго“, или точнѣе, „единого и многаго“. Поэтому первая эпоха въ развитіи нашего сознанія есть эпоха познанія вещей по категоріямъ частей и цѣлаго, или единого и многаго.

26. Слѣдующая ступень сознанія есть логическое мышленіе. Мышленіе такое возможно только посредствомъ рефлексіи на представленіе, вслѣдствіе чего представленіе становится нѣкоторымъ внутреннимъ моментомъ мысли, отличнымъ отъ представляемаго объекта, хотя и содержащимъ его въ себѣ. Какъ такую рефлексію, логическое мышленіе можно поэтому, согласно съ Кантомъ ***), опредѣлить какъ „представленіе пред-

*) Kant, Krit. d. rein. Vernunft. Werke, herausgeb. Rosenkranz. II, 5. 82—117. „Еще ни одинъ психологъ не подумалъ о томъ, что воображеніе есть необходимая составная часть самаго воспріятія. Это происходило отъ того, что частью ограничивали дѣятельность этой способности однимъ воспроизведеніемъ, частью думали, что чувства не только даютъ намъ впечатлѣнія, но и соединяютъ ихъ и производятъ образы предметовъ, тогда какъ для этого, безъ сомнѣнія, требуется, кромѣ воспримчивости впечатлѣній, еще нѣчто большее, именно функція ихъ синтеза“. Ibidem. Anmerk. S. 109.

**) Intussusceptio. Съ этой точки зрѣнія актъ представленія можно назвать апперцепціей въ смыслѣ Гербарта (См. Drgal. Lehrbuch d. empir. Psychologie, 3 Aufl.; § 98. Ср. Вундтъ, Осн. фізіол. псих. стр. 763, гл. 17). Вслѣдствіе этой совмѣстимости признаковъ, они не могутъ быть признаны пространственными. Звукъ, цвѣтъ и пр. были бы пространственны, если бы лежали рядомъ, по этому нѣтъ. Поэтому само протяженіе предметовъ есть лишь одинъ изъ признаковъ. Но если предметы не исчерпываются пространственностію, то они трансценденты по отношенію къ пространству и потому въ нихъ даны нвыя отношенія, кромѣ пространственныхъ, напримѣръ логическія.

***) Kant, ibidem. II, S. 69, такъ опредѣляетъ собственно сужденіе.

ставленія“. Съ этой точки зрѣнія логическое мышленіе заключается въ себѣ слѣдующіе моменты. Во-первыхъ, различеніе въ данныхъ представленіяхъ предметовъ однороднаго отъ разнороднаго, или сходнаго отъ несходнаго, т. е. то, что называется опредѣленіемъ предметовъ по родамъ и видамъ, или опредѣленіемъ предмета въ отношеніи къ роду и видовой разности, указаніемъ общихъ и особенныхъ его свойствъ. Условіемъ такого различенія въ объективномъ содержаніи представленій сходнаго отъ несходнаго служитъ сознаніе одинаковости или неодинаковости различныхъ элементовъ, одновременно воспроизведенныхъ въ умѣ представленій, смотря по такому или иному отношенію ихъ къ единству сознанія и дѣйствию на душу, словомъ уподобленіе или сравненіе. Поэтому вторымъ моментомъ рефлексіи на представленія является воспріятіе различныхъ степеней подобія или общности въ предметномъ содержаніи этихъ представленій или то, что называется обобщеніемъ. Обобщеніе, какъ таковое, возможно однако лишь предъ условіемъ противоположенія сходнаго несходному, общаго частному, ибо безъ такого противоположенія сходное въ различныхъ представленіяхъ не сознавалось-бы какъ сходное, и несходное не сознавалось бы именно какъ несходное. Иными словами, сходное и несходное могутъ быть отличены лишь въ отношеніи другъ къ другу. Поэтому третьимъ моментомъ рефлексіи на представляемое содержаніе будетъ различеніе отношеній несходнаго къ сходному, представленіе частнаго подъ общимъ или общаго въ частномъ, словомъ—понятіе (*λόγος*). И такъ какъ только чрезъ такое подведеніе *) частнаго подъ общее и возможно составить себѣ понятіе о какомъ-нибудь предметѣ, то очевидно, что логическое мышленіе есть различеніе вещей съ точки зрѣнія „общаго и частнаго“.

*) *Subsumptio*. Каждое, даже единичное понятіе содержитъ такое подведеніе частнаго подъ общее. Именно этимъ подведеніемъ понятіе и отличается отъ представленія, въ которомъ есть отношеніе частей къ цѣлому, но не частнаго къ общему. Кантъ указалъ это различіе въ томъ, что части содержатся въ цѣломъ, а частное подъ общимъ. *Ibid* II, 35, 4; 41, 4. Нѣкоторые логики (какъ напр. *Ueberweg, Syst. d. Logik. 5-e Aufl. § 51*) допускаютъ общія представленія, но несправедливо, ибо представленіе всегда опредѣлено признаками единичнаго предмета, извѣстнымъ цвѣтомъ (напр. бѣлизною бумагу), извѣстнымъ запахомъ и пр., и потому всегда единично.

Такимъ образомъ вторую эпоху въ развитіи нашего сознанія представляетъ познаніе вещей по категоріямъ общаго и частнаго.

27. Третью эпоху представляетъ разумъ или рефлексія на мышленіе. Вслѣдъ за Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ можно назвать его умственнымъ воззрѣніемъ (*intellectuelle Anschauung*), или спекулятивнымъ, самого себя созерцающимъ мышленіемъ, а вслѣдъ за Аристотелемъ — „мышленіемъ“ мышленія (*νοησις νοησεως*). Вслѣдствіе этой рефлексіи понятіе становится въ свою очередь такимъ-же внутреннимъ моментомъ ума, какъ прежде представленіе вслѣдствіе подобной же рефлексіи мышленія становилось внутреннимъ моментомъ мысли. Съ этой точки зрѣнія разумъ представляетъ слѣдующіе моменты. Во-первыхъ различеніе въ объективномъ содержаніи понятія причинъ и слѣдствій или дѣйствій, или то, что называется „объясненіемъ“ явленій (посредствомъ ихъ причинъ). Хотя такое различеніе или объясненіе и предполагаетъ разницу между причиною и слѣдствіемъ, которая доходитъ иногда до того, что причина и слѣдствіе представляются *) въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ, но отлеченіе причины отъ дѣйствія возможно только при существованіи ихъ связи по бытію, безъ которой причина не можетъ быть причиною вызываемаго ею къ бытію слѣдствія. Поэтому вторымъ моментомъ рефлексіи на объективное содержаніе понятій будетъ воспріятіе этой связи причины и слѣдствія по бытію или то, что называется „обоснованіемъ“. Въ обоснованіи слѣдствіе является какъ опредѣленіе причины, а причина какъ основаніе или принципъ слѣдствія, въ которомъ этотъ принципъ находитъ свое выраженіе и осуществленіе, ибо принципъ, какъ таковой, не отдѣлимъ отъ своего выраженія. Поэтому третьимъ моментомъ рефлексіи разума будетъ представленіе объективнаго содержанія понятій посредствомъ принциповъ, или что тоже, представленіе cadaго предмета посредствомъ его принципа **),

*) Слѣдствіями обыкновенно бываютъ различныя физическія явленія, а предметы не столько составляютъ причины одни другихъ, „сколько просто находятся во взаимодействіи“.

**) *Per sua principia res cognoscibilis est*, говорилъ схоластикъ. См. *Thomae Aquin. Disp. De scientia Dei 7—8.*

въ качествѣ выраженія этого принципа. Такъ какъ здѣсь принципъ находитъ свое выраженіе въ своихъ слѣдствіяхъ, подобно тому какъ, на примѣръ, мысль художественнаго произведенія находитъ свое выраженіе въ рядѣ различныхъ образовъ, то только посредствомъ представленія вещи чрезъ ея принципъ возможна „идея“ вещи, какъ единство вытекающихъ изъ принципа опредѣленій. Очевидно такимъ образомъ, что въ идеяхъ разума мы различаемъ вещи съ точки зрѣнія „условнаго и условія“ или „условнаго и безусловнаго“, и слѣдовательно, третья эпоха въ развитіи сознанія есть познаніе вещей по категоріямъ условнаго и безусловнаго. Подходя къ представленію безусловнаго, разумъ нашъ очевидно уже не можетъ идти въ постиженіи вещей дальше и глубже, а потому третья эпоха въ развитіи сознанія есть самая высшая.

28. Прежде чѣмъ идти далѣе, посмотримъ, какъ указанныя три ступени въ развитіи нашего сознанія выражаются въ различныхъ приемахъ нашего мышленія, служащихъ орудіемъ образованія различныхъ философскихъ системъ. Соответственно тремъ указаннымъ ступенямъ познанія мы можемъ признать столько-же ступеней мышленія, именно: воззрительное мышленіе „образами“, логическое мышленіе „понятіями“ и спекулятивное мышленіе „идеями“. Такъ какъ образъ (представленіе) служитъ выраженіемъ единства или реального тождества многообразнаго, понятіе выражаетъ подведеніе или подчиненіе частнаго общему, а идея представляетъ условность слѣдствій въ отношеніи къ основанію, то и формы сужденій выражаютъ тѣ-же самыя виды связи между подлежащимъ и сказуемымъ. На основаніи разнородности этой связи можно признать слѣдующіе три вида сужденій: воззрительныя сужденія тождества или равенства, логическія сужденія подведенія или подчиненія и спекулятивныя сужденія условности. Раздѣлительныя сужденія служатъ особою разновидностію, которая можетъ принять каждый изъ указанныхъ трехъ видовъ сужденій *). Такъ какъ сужденія, принадлежа-

*) Т. е. могутъ быть сужденія: раздѣлительныя тождества, раздѣлительныя подчиненія и раздѣлительныя условности.

ція къ какому-нибудь изъ этихъ видовъ, могутъ стать посылками силлогизма или основаніемъ вывода, то и самые выводы должны быть классифицированы на основаніи указаннаго дѣленія сужденій. Если вмѣстѣ съ профессоромъ Каринскимъ признать, что выводъ есть перенесеніе одного изъ основныхъ элементовъ установленнаго уже въ нашемъ знаніи сужденія (т. е. субъекта или предиката) на соотвѣтствующее мѣсто въ другомъ сужденіи, на основаніи нѣкотораго отношенія между остальными элементами обоихъ сужденій *), то мы, смотря по этому отношенію, можемъ раздѣлить выводы на три вида: если перенесеніе совершается на основаніи реального тождества или равенства остальныхъ элементовъ, мы получимъ умозаключеніе тождества или равенства; если перенесеніе совершается на основаніи логическаго подчиненія, получается умозаключеніе подчиненія или подведенія **); если, наконецъ, это перенесеніе происходитъ на основаніи условности, то мы получаемъ умозаключеніе условное. Раздѣлительный силлогизмъ въ такомъ случаѣ будетъ лишь разновид-

*) Каринскаго, „Классификація выводовъ“, стр. 79. Такъ какъ существенное въ выводѣ съ этой точки зрѣнія „есть вопросъ о правѣ перенести одинъ изъ элементовъ одного сужденія на соотвѣтствующее ему мѣсто въ другомъ“ (270), то классификацію выводовъ нужно сдѣлать съ точки зрѣнія основаній для такого перенесенія. По основаніемъ этимъ служатъ не просто „тождество или противорѣчіе“ (20). „Тождество“ можетъ служить основаніемъ лишь въ умозаключеніяхъ одного вида. Самъ проф. Каринскій принимаетъ рядомъ съ реальнымъ тождествомъ „логическое“ (86), въ противоположность Длевонсу, который все строитъ на основаніи реального тождества. Но логическое тождество есть „подчиненіе“ (слѣд. прим.). Слѣд. нужно признать умозаключеніе другаго вида. Но кромѣ подчиненія „отношеніе между остальными элементами“, на основаніи коего дѣлается „перенесеніе“, можетъ быть отношеніемъ „условности“, которая опять не есть простое тождество. Слѣдов. нужно признать еще видъ умозаключеній, въ слѣдующихъ формулахъ: при существованіи А есть В, при существованіи В есть С, слѣд. при существованіи А есть С, или непосредственно.

**) Логическое тождество именно есть подчиненіе, ибо логическое тождество есть подобіе, не уничтожающее различія. Оно есть общность, но общій признакъ, не есть таковой признакъ, который тождественъ во всѣхъ предметахъ, ибо въ каждомъ предметѣ онъ имѣетъ свои особенности. Напр. бѣлизна въ каждомъ предметѣ своя, ибо бѣлизна „снѣга“ не тождественна съ бѣлизною „бумаги“, бѣлизна бумаги не тождественна съ бѣлизною „извести“ и т. д. Даже бѣлизна „снѣга“ бываетъ различна, равно какъ и бѣлизна бумаги и др. Логическое тождество есть, слѣд., подобіе, которое въ самомъ понятіи своемъ заключаетъ различіе, и слѣд., предполагаетъ подчиненіе. Ср. Ulrici. Comp. d. Logik. § 64.

ностію, свойственною тремъ видамъ умозаключенія. Приемы перваго рода преобладаютъ въ наукахъ физико-математическихъ, втораго въ наукахъ біологическихъ, третьяго въ наукахъ о принципахъ или философскихъ, при чемъ біологическія науки принимаютъ въ себя элементы физико-математическихъ, и философскія—элементы тѣхъ и другихъ. На этомъ основаніи философскія системы могутъ быть построены или подъ исключительнымъ вліяніемъ приемовъ перваго рода, или подъ исключительнымъ вліяніемъ приемовъ втораго, или подъ исключительнымъ вліяніемъ третьяго. Такъ какъ третій родъ построения есть наиболѣе свойственный для философскихъ наукъ, то только въ этомъ послѣднемъ случаѣ онѣ достигаютъ полной независимости отъ другихъ наукъ и устанавливаютъ къ нимъ отношеніе съ своей собственной точки зрѣнія.

29. Итакъ существуетъ три главнѣйшихъ ступени въ развитіи нашего сознанія, которыя выражаются соотвѣтственнымъ образомъ въ приемахъ мышленія и чрезъ то естественно должны класть извѣстный отпечатокъ на всю систему нашего знанія во всѣхъ его сферахъ, не исключая и философской. Если мы теперь обратимъ вниманіе на взаимное отношеніе этихъ ступеней знанія другъ къ другу, то для насъ должно быть совершенно ясно, изъ самой предшествовавшей характеристики этихъ ступеней, что каждая предшествовавшая ступень есть предположеніе и объектъ послѣдующей, а каждая послѣдующая есть сознаніе предшествовавшей. Въ этомъ сознаніи обнаруживаются для насъ тѣ внутреннія условія предшествовавшей ступени, которыя хотя и содержались уже въ нашемъ предшествовавшемъ знаніи, были въ немъ несомнѣнно даны, но не были сознаны. При этомъ оказывается, что понятіе лежитъ въ глубинѣ представленія *), сознаваемого въ понятіи, идея лежитъ въ глубинѣ понятія **), сознаваемого въ идеѣ. Понятно, что каждая изъ указанныхъ трехъ степеней

*) Это, какъ извѣстно, доказалъ Кантъ въ „дедукціи чистыхъ понятій“. Ibid. II, S. 82—117.

**) Что идея лежитъ въ основѣ понятія—это признаютъ логики противоположныхъ даже направленій, напр. формалистъ Ульрихи (Comp. d. Log. § 92) и реалистъ Ибергеръ (Syst. d. Log. 5-е изд. § 57).

можетъ состоять изъ множества подобныхъ актовъ, въ которой предшествовавшее знаніе становится объектомъ послѣдующаго; ибо несомнѣнно у насъ есть множество представленій, множество понятій и множество идей, а каждое представленіе, каждое понятіе и каждая идея несомнѣнно представляютъ такой актъ. Но такъ какъ всѣ представленія, при всемъ своемъ множествѣ, суть по точкѣ зрѣнія, въ нихъ господствующей, акты однородные, ибо всѣ акты представленія рассматриваютъ предметы съ точки зрѣнія реального тождества или единства частей и цѣлаго: то всѣ они синтезируются въ одно сложное представленіе о всей совокупности представляемыхъ предметовъ, при чемъ и самое представляемое содержаніе, т. е. предметы представляются намъ въ связи, какъ одинъ объективный міръ. Поэтому признавая множество представленій о предметахъ, происхожденія которыхъ мы по большей части не помнимъ, мы можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что при всемъ множествѣ всѣ эти представленія составляютъ однако только одно сложное представленіе о мірѣ, или правильнѣе, о всей совокупности существующаго. Каждое отдѣльное представленіе есть поэтому лишь только часть этого цѣлаго. Тоже самое можно сказать и о понятіяхъ. Вслѣдствіе присущей имъ однородности, всѣ они соединяются въ одно понятіе о сущемъ, въ которомъ частныя понятія подчинены общему. Поэтому мы можемъ и относительно понятій утверждать, что всѣ они составляютъ одно сложное понятіе. Ясно, что такимъ-же образомъ и идеи мы можемъ представить въ видѣ одной сложной идеи, обуславливающей всѣ другія, въ ней содержащіяся. Такое взаимное отношеніе различныхъ актовъ познанія другъ къ другу показываетъ, слѣдовательно, что возможны три ступени въ самомъ человѣческомъ мировоззрѣніи, и что каждая ступень имѣетъ свой собственный типъ.

30. Изъ взаимнаго отношенія всѣхъ этихъ моментовъ нашего познанія явствуетъ, что каждая послѣдующая ступень его развитія глубже проникаетъ въ существо предмета, чѣмъ предшествующая, что предшествующая не исчерпываетъ предмета, но оставляетъ нѣчто непознаннымъ. Отсюда невольно является

вопросъ о томъ, далеко-ли проникаетъ въ предметъ самая послѣдняя ступень познанія, т. е. идея или разумъ? исчерпываетъ-ли идея объектъ совершенно и вполнѣ? Вопросъ этотъ возникаетъ самъ собою, какъ необходимый моментъ въ самой исторіи сознанія, а потому сознаніе не можетъ обойти его и должно на него такъ или иначе отвѣтить. Идея, какъ завершеніе познавательнаго процесса, повидимому, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ возможныя опредѣленія объекта и потому, какъ будто, исчерпываетъ все существо вещи въ себѣ. Какъ представленіе самаго принципа вещи въ его выраженіи оно соединяетъ въ себѣ, въ качествахъ своихъ моментовъ, представленіе и понятіе, а слѣдовательно, единичное и общее въ ихъ взаимномъ проникновеніи въ объектъ или индивидуумъ. Повидимому самое бытіе или существованіе предмета въ его предметной формѣ есть лишь моментъ въ содержаніи идеи этого предмета *). Но въ такомъ случаѣ предметъ потерялъ-бы всѣ свои предметныя опредѣленія, и представлялъ-бы лишь совокупность опредѣлений идеальныхъ. Это значитъ, что самъ предметъ превратился-бы въ идею. У насъ, слѣдовательно, получилась-бы идея о предметѣ безъ предмета, осталось-бы одно познаніе вещей безъ самыхъ вещей **). Однако это совершенно невозможное

*) Гегель дѣйствительное бытіе предмета именно считалъ моментомъ идеи предмета; но такъ какъ дѣйствительное бытіе предмета именно есть самъ предметъ, то у Гегеля получалась невозможная мысль, что предметъ есть свой собственный моментъ, т. е. если идея тождественна этому предмету.

***) Кантъ училъ, что предметность вещей, т. е. противоположеніе ихъ въ познанія самому познанію, есть пустая видимость, что, напротивъ, всѣ опредѣленія вещей субъективны, но объективируются въ трансцендентальной апперцепціи синтетическою дѣятельностію чистаго разума или объективнымъ единствомъ самосознанія. Здѣсь, однако, скрывается любопытное противорѣчіе этого ученія самому себѣ. Если предметность вещей со всѣми ихъ опредѣленіями лишь видимость, то и ученіе объ этой видимости не имѣетъ объективнаго значенія, но, какъ сужденіе объ объективности вещей, вмѣстѣ съ ними есть тоже только пустая видимость. Иными словами, если наше предметное знаніе имѣетъ лишь субъективное значеніе, то и это утвержденіе, какъ относящееся къ предметному знанію, имѣетъ лишь субъективное значеніе. Но если ученіе о видимости и субъективномъ значеніи объективнаго знанія само есть только видимость и субъективное предположеніе, то объективное знаніе является уже не пустою только видимостію. Утверждать видимость объективнаго знанія значитъ тоже, что отрицать истинность знанія вообще; но если знаніе наше не истинно, то не истинно и то, что оно не истинно. Поэтому скорѣе нужно предположить не то, что предметность вещей есть видимость, но скорѣе обратно, что непредметность ихъ есть лишь видимость.

противорѣчіе, ибо не только нельзя знать вещи безъ самой вещи, но нельзя также имѣть хотя какую-либо мысль ни о чемъ, такъ какъ „ничто“ и въ мысли ничто. Для мысли, слѣдовательно, необходимо что-либо, какой-либо предметъ, не вмѣщающійся въ ней всецѣло, но противостоящій ей какъ нѣчто отъ нея самой отличное, какъ нѣчто инородное по отношенію къ познанію. Значить не отождествленіе мысли съ предметомъ мысли, но противоположеніе ей этого предмета, въ качествѣ совершенно инороднаго, служить условіемъ нашего познанія. Такое противоположеніе вытекаетъ изъ самаго существа нашего познанія, какъ дѣятельности различающей. Если наше познаніе по самому существу своему есть различеніе, то, познавая вещь, оно должно отличать ее и отъ себя самого, т. е. противопоставлять себѣ какъ объектъ. Это значить, что наше познаніе по самой природѣ своей не есть нѣчто адекватное вещи, что оно не можетъ разрѣшить вещь въ ея познаваемыя опредѣленія. Въ вещи, слѣдовательно, должно всегда для насъ оставаться нѣчто непознаваемое, такъ что вещь именно потому и есть вещь, что въ ней есть нѣчто непознаваемое для ума. Но такое положеніе дѣла, что вещь, составляя объектъ познанія, все-таки является какъ-бы внѣ знанія, возможно только въ томъ случаѣ, если вещи даны намъ „непосредственно“, но не черезъ познаніе только. Эта ихъ непосредственная данность не зависитъ отъ познанія; познаніе только находитъ, что вещи даны, но не творитъ ихъ, не само ихъ себѣ даетъ. Потому эту непосредственную данность намъ вещи должно назвать откровеніемъ *). Это откровеніе и есть тотъ первый моментъ знанія, въ которомъ лежатъ всѣ условія его дальнѣйшаго развитія, ибо вся вышеизображенная исторія нашего сознанія есть лишь усвоеніе этого откровенія. Такимъ образомъ самая высшая ступень въ развитіи познанія необходимо возвращаетъ насъ къ началу его. Итакъ, исторія нашего со-

*) J a s o b i, Gesämtl. Werke, II, 165; David Hume: „У насъ вѣтъ ничего для опоры нашего сужденія, кромѣ самаго дѣла, кромѣ факта, что вещи дѣйствительно стоятъ передъ нами. Можно-ли найти для этого болѣе приличное выраженіе, какъ слово „откровеніе?“ Чувствомъ, вѣрою, разумомъ — онъ называетъ способность принять откровеніе.

званія показываетъ намъ, что начало и конецъ этого сознанія есть откровеніе, понимаемое въ обширномъ смыслѣ слова.

31. Въ чемъ состоитъ это откровеніе? Какъ можно его себѣ представить? Въ нашу задачу не входитъ подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ; поэтому мы можемъ дать здѣсь лишь краткія разъясненія относительно этого предмета. Откровеніе во всякомъ случаѣ есть нѣкоторое непосредственное живое отношеніе предмета къ познающему субъекту. Поэтому оно есть нѣкоторое переживаемое отношеніе субъекта къ объекту. Въ этомъ переживаніи предметнаго въ духѣ и состоитъ существо всякаго откровенія вообще. Чтобы нагляднѣе уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ это непосредственное переживаніе открывающагося, достаточно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что наши чувствованія, желанія и даже самая познавательная дѣятельность извѣстны намъ двоякимъ образомъ: во-первыхъ, чрезъ познаніе, во-вторыхъ непосредственно. Въ познаніи мы только различаемъ другъ отъ друга свои желанія, чувствованія и познанія, здѣсь мы только имѣемъ представленія о нихъ. Но различать или представлять свои чувствованія, желанія и мысли не то-же, что чувствовать, хотѣть или находиться въ процессѣ мыслительной дѣятельности: чувствовать, хотѣть, мыслить значить непосредственно находиться или „быть“ во всѣхъ этихъ актахъ, „переживать“ ихъ въ себѣ. Поэтому хотя желаніе, чувствованіе и познаніе не вмѣщаются всецѣло въ познаніи, не исчерпываются имъ адекватно, они адекватно исчерпываются и открываются намъ въ непосредственномъ переживаніи. Мы вѣдь потому только и познаемъ ихъ, что непосредственно переживаемъ ихъ въ своемъ духѣ. Безъ этого переживанія мы никогда-бы не могли даже и вообразить ихъ себѣ. Такимъ образомъ самое познаніе наше этихъ вещей возможно лишь при непосредственномъ переживаніи познаваемаго. „И въ этомъ собственно смыслѣ весь свѣтъ знаетъ искони, что такое бытіе или реальность, такъ какъ весь свѣтъ переживалъ внутреннее значеніе этихъ словъ“,—говоритъ Лотце. „Сущность вещей состоитъ не въ мысляхъ, и мысль бессильна постичь ее, но „цѣлый“ духъ все-таки переживаетъ, можетъ быть, въ другихъ формахъ своей дѣятельности и своей участ-

ливой возбудимости существенный смыслъ всякаго бытія и дѣйствія; тогда мысль служить ему средствомъ сопоставлять пережитое въ ту общую связь, какой требуетъ его природа, и переживать его тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ больше овладѣваетъ онъ этой связью“ *).

32. Такъ мы переживаемъ „ограничивающее“ насъ отношеніе къ намъ объективнаго міра и ближе всего въ нашемъ собственномъ, проникнутомъ нашимъ духомъ, тѣлесномъ организмѣ, который поэтому представляетъ для насъ самый ближайшій внѣшній предметъ. Здѣсь, въ этомъ переживаніи, внѣшній міръ открывается намъ, какъ совокупность дѣйствующихъ на насъ и сопротивляющихся намъ самостоятельныхъ „силъ“ или сущностей; причемъ дѣйствіе этихъ силъ мы сразу переживаемъ и во внѣшнемъ органическомъ ощущеніи, и во внутреннихъ чувствованіяхъ, и въ состояніяхъ воли,—словомъ, во всемъ существѣ духа. Въ этомъ переживаніи мы имѣемъ, слѣдовательно, источникъ идеи внѣшняго „объекта“, какъ самостоятельной внѣшней силы. Но внѣшняя сила есть противоположеніе внутренней и объектъ предполагаетъ противопоставляющійся ему субъектъ. Поэтому, переживая дѣйствіе внѣшнихъ объектовъ, духъ нашъ въ своемъ противоположеніи имъ переживаетъ и свое собственное существованіе, дѣйствіе и страданіе. Здѣсь онъ открывается себѣ, какъ дѣйствующая и страдающая сущность или реальность во всей полнотѣ своей развивающейся природы, которую чрезъ знаніе онъ узнаетъ уже гораздо позднѣе и никогда вполнѣ. Тутъ мы имѣемъ первоначальный источникъ идеи о нашемъ „я“, темные проблески которой свойственны всякому младенцу, сознательно и бессознательно противопоставляющему себя другимъ вещамъ. Но переживая въ себѣ собственную сущность во взаимодействіи ея съ внѣшними объектами, духъ нашъ въ то-же время переживаетъ внутреннее, „обуславливающее“ наше бытіе, отно-

*) Лотце. Микрокосмъ, III стр. 284, 289 — 290. Лотце во всякомъ случаѣ замѣчательный философъ послѣдняго времени, направленія противоположнаго Гартманову. Метафизика его недавно переведена на французскій и англійскій языки. См. о немъ въ русской литературѣ у проф. Баринскаго. Обзоръ послѣдн. періода германск. философіи. Стр. 163.

шеніе къ абсолютному существу, т. е. отношеніе къ Божеству. Такъ какъ абсолютное существо, будучи превыше міра конечныхъ вещей, въ тоже время по самой природѣ своей проникаетъ своею вседержительною силою все сущее, обуславливая всякое возникновеніе и продолженіе существованія; то какъ причина возникновенія и сохраненія жизни всякаго существа, оно въ каждый моментъ нашей жизни присуще нашему духу и въ его сокровенномъ источникѣ, и въ осуществленіи его развитія. Въ переживаніи этого живаго отношенія Божества къ нашему духу заключается внутренній источникъ идеи Божества и вообще религіи. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главнѣйшія наши идеи возникаютъ изъ откровенія чрезъ непосредственное переживаніе, вслѣдствіе отношенія къ этому откровенію нашего сознанія или ума. Къ этому-же источнику мы должны постоянно возвращаться и для провѣрки всѣхъ своихъ познаній, для ихъ сличенія съ фактической извѣстностію сущаго. Конечно въ этомъ непосредственномъ откровеніи намъ полнѣе всего открывается нашъ собственный духъ въ его непосредственномъ отношеніи къ тѣлу, какъ ближайшему внѣшнему объекту. Но и Божество, по мѣрѣ нашей приѣмливости и, по мѣрѣ своего благоволенія, можетъ открывать намъ себя въ большей и большей степени. Апостоль Павелъ говоритъ о себѣ: проповѣдуемъ премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначилъ Богъ прежде вѣковъ къ славѣ нашей, которой никто изъ властей вѣка сего не позналъ; ибо если-бы познали, то не распяли-бы Господа славы. А намъ Богъ открылъ (ἀπεκάλυψε) сіе Духомъ Своимъ; ибо Духъ все проникаетъ, и глубины Божіи. Ибо кто изъ человековъ знаетъ, (οἶδεν), что въ человекѣ, кромѣ духа человеческого, живущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ (οἶδεν), кромѣ Духа Божія (1 Коринѣ. II, 7, 8, 10, 11).

33. Откровеніемъ оканчивается поступательное движеніе нашего сознанія. Съ признаніемъ откровенія сознаніе возвращается снова къ той точкѣ, изъ которой оно вышло первоначально. Только первоначальное признаніе откровенія было совершенно непосредственное, не сознававшее себя; напротивъ завершительное возвращеніе къ откровенію есть сознательное,

опосредствованное всѣми средствами сознанія, развившагося до своей высшей точки. Между этими двумя точками, исходною и конечною, исторія сознанія, какъ мы видѣли, представляетъ нѣсколько моментовъ, изъ коихъ каждый представляетъ особья характеристическія черты. Здѣсь для нашей цѣли важно замѣтить, что переходъ отъ одного момента къ другому возможенъ лишь чрезъ нѣкоторый средній критическій моментъ, въ которомъ подвергается рефлексирующей критикѣ предшествовавшій моментъ и устанавливается точка зрѣнія послѣдующаго. Поскольку этотъ средній моментъ между двумя представляетъ рефлексирующую критику предшествовающаго, онъ носитъ характеръ отрицанія предшествовавшаго момента, и потому можетъ быть названъ скептическимъ моментомъ сознанія. Слѣдовательно, всѣ моменты въ развитіи сознанія отъ его исходной точки до завершительной связаны и вмѣстѣ отдѣлены одинъ отъ другаго нѣкоторыми критическими или скептическими промежутками. Поэтому всѣ моменты исторіи сознанія можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: первый моментъ составляетъ непосредственное знаніе, сопровождаемое критическимъ моментомъ, второй—представленіе, сопровождаемое подобнымъ-же моментомъ, третій—логическое мышленіе и тотъ-же критическій моментъ, наконецъ, четвертый—спекулятивное мышленіе и критическій моментъ, отсылающій къ откровенію. Первая ступень есть религіозная, вторая—эмпирическая, третья—идеалистическая, четвертая—спекулятивная, за которою снова слѣдуетъ религіозная. Всѣ ступени отдѣлены одна отъ другой эпохами скептицизма. Таковъ циклъ нашего знанія. Само собою разумѣется, что въ изображеніи этого цикла съ другихъ точекъ зрѣнія могутъ быть измѣнены нѣкоторыя подробности, могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя добавки, могутъ быть найдены другіе термины или выраженія, но существо этого цикла всегда приблизительно останется одно и то же, поскольку объ этомъ можно судить съ точки зрѣнія нашихъ настоящихъ познаній.

34. Совершивъ свой циклъ, знаніе наше можетъ снова начать свое поступательное движеніе и снова пройти тѣ же самыя ступени, которыя имъ пройдены. Оно можетъ снова по-

очередно становиться на каждую изъ свойственныхъ ему точекъ зрѣнія не только при пересмотрѣ стараго запаса свѣдѣній, но и при переходѣ отъ извѣстнаго уже къ неизвѣстному. Этотъ новый циклъ, въ прохожденіе коего знаніе можетъ вступить, не будетъ однако совпадать всецѣло съ предшествовавшимъ цикломъ, ибо самъ предшествовавшій циклъ будетъ составлять условіе, видоизмѣняющее образованіе послѣдующаго цикла. Однажды приобрѣтенное понятіе, представленіе или идея не составляются нами каждый разъ сегова при ихъ воспроизведеніи въ сознаніи, но воспроизводятся какъ готовый продуктъ безъ повторенія тѣхъ приемовъ и процессовъ, какіе употреблены были нами при ихъ образованіи. Поэтому однажды приобрѣтенныя нами свѣдѣнія всегда имѣютъ для насъ извѣстное уже ранѣе признанное значеніе, такъ что при расширеніи нашихъ познаній о тѣхъ-же предметахъ предшествовавшія знанія вліяютъ на образованіе этихъ новыхъ свѣдѣній въ качествѣ именно такого авторитета, который долженъ быть принятъ въ соображеніе при составленіи новыхъ представленій, понятій или идей. На этомъ основаніи новый циклъ знанія будетъ въ предшествовавшемъ имѣть подобный-же традиціонный авторитетъ, принимаемый въ соображеніе. Это значитъ, что новый циклъ, принимая въ соображеніе предшествовавшія знанія, будетъ разсматривать ихъ въ качествѣ своего объекта и, слѣдовательно, будетъ представлять рефлексію на этотъ предшествовавшій циклъ. Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ новый циклъ знанія хотя и будетъ повторять прежнія точки зрѣнія въ своемъ развитіи, не будетъ однако лишь повтореніемъ предшествовавшаго цикла, но будетъ представлять новую ступень въ поступательномъ движеніи сознанія. Къ тому-же выводу можно придти и съ другой стороны. Самое расширеніе нашихъ свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, какіе составляли содержаніе предшествовавшаго цикла, должно вести къ образованію нѣкоторыхъ новыхъ представленій, понятій и идей. Эти новыя свѣдѣнія будутъ относиться къ старымъ, какъ высшая ступень къ низшей и, слѣдовательно, включать старыя свѣдѣнія въ качествѣ предшествовавшаго момента. Мы опять, слѣдовательно, получаемъ новый циклъ развитія, отличный отъ

предшествовавшего и стоящій выше его. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно важно образованіе новыхъ представленій или коренное преобразование валичныхъ, потому что это ведетъ къ преобразованію понятій и идей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преобразованію всего прежняго міросозерцанія. Такимъ образомъ новый циклъ знанія, въ который оно можетъ вступить, не только можетъ не совпадать съ прежнимъ, но можетъ вести къ образованію новаго міровоззрѣнія.

35. Здѣсь мы можемъ окончить обзоръ исторіи нашего сознанія. Это обзоръ показало намъ главнѣйшіе моменты въ поступательномъ движеніи сознанія, которые, взятые вмѣстѣ, образуютъ циклъ или кругъ, завершительною точкой при-мыкающей къ исходной; оно показало намъ и возможность новыхъ цикловъ или подобныхъ круговъ, которые въ видѣ новыхъ образованій, подобно постепеннымъ наслоеніямъ земной коры, отлагаются одинъ на другой, послѣдующій на предыдущій. Исторія эта, очевидно, представляетъ общую схему развитія, которую наше сознаніе должно выполнить, если только оно будетъ продолжать свое поступательное движеніе и не станетъ останавливаться на полудорогѣ вслѣдствіе какихъ-бы то не было причинъ. Схема эта представляетъ, слѣдовательно, вѣкоторую норму, которой наше сознаніе подчиняется вообще,—норму, вытекающую изъ природы самаго сознанія, и потому служащую скорѣе выраженіемъ его внутренняго движенія, а не налагаемую на него извнѣ, въ видѣ вишняго предписанія. Какъ такое выраженіе, эта норма не насилуетъ сознанія въ его развитіи; но сознаніе какъ-бы добровольно или свободно избираетъ именно такой, а не иной путь, какъ болѣе соответствующій его природѣ. Само собою разумѣется, что эта схема или норма развитія въ опредѣленныхъ циклахъ, будучи выраженіемъ развитія сознанія вообще, должна выражаться и въ частныхъ проявленіяхъ сознательной дѣятельности. Поэтому она должна составлять условіе развитія всякой теоретической познавательной дѣятельности и преимущественно въ образованіи общаго міросозерцанія. Естественно, слѣдовательно, ожидать, что она особенное приложеніе должна имѣть къ философской наукѣ, которая имѣетъ цѣлю именно образованіе

общаго міросозерцанія въ научной формѣ системы, посредствомъ научныхъ методовъ и на научныхъ основаніяхъ. Дальнѣйшее изложеніе будетъ служить доказательствомъ этой истины. Оно покажетъ намъ, что философія въ своемъ историческомъ развитіи проходитъ тотъ-же циклъ, какъ и сознаніе, что въ ней также возможны повторенія этихъ цикловъ, что она, слѣдовательно, подчиняется той-же общей нормѣ или схемѣ развитія, какъ и сознаніе вообще. Было-бы, однако, слишкомъ смѣло утверждать, что начертанная нами схема повторяется въ исторіи философіи съ фотографическою точностію. Она не можетъ имѣть одинаковаго во всѣхъ подробностяхъ выраженія даже у двухъ или нѣсколькихъ лицъ, не говоря уже о цѣлыхъ поколѣніяхъ. Причиною этого служитъ то обстоятельство, что схема эта находитъ свое выраженіе какъ у отдѣльных лицъ, такъ и вообще въ исторіи, среди различныхъ условій. Смотря по различію этихъ условій, и выраженіе она должна получать различное, хотя общій ея типъ во всѣхъ случаяхъ долженъ оставаться тотъ-же. Поэтому, прежде чѣмъ слѣдить за выраженіемъ этой схемы въ исторіи философіи, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о тѣхъ вышнихъ историческихъ условіяхъ, среди которыхъ она можетъ находить свое такое, или иное выраженіе.

Л. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЦИЦЕРОНЪ

и его

„ТУСКУЛАНСКІЯ БЕСѢДЫ“.

Цицеронъ, родившійся 3-го января 106 года до Р. Х., происходилъ изъ почтенной семьи города Арпинума, передавшей ему по наслѣдству отъ предковъ права римскаго гражданства и почетное званіе римскаго всадника *). Послѣ строгаго воспитанія въ скромной провинціальной семьѣ, на глазахъ добродѣтельной матери и образованнаго отца, онъ былъ отвезенъ отцомъ въ Римъ, гдѣ для него открытъ былъ доступъ въ дома высшаго общества, благодаря родственнымъ и дружескимъ связямъ его семейства. Одинъ изъ многочисленныхъ друзей его отца, П. Л. Крассъ, извѣстный ораторъ, взялъ на себя высшій надзоръ за его воспитаніемъ. Живя въ домѣ послѣдняго **) и порученный ближайшимъ попеченіямъ учителя, грека, онъ могъ имѣть широкіе способы для развитія своего живаго ума, такъ какъ въ домѣ Красса собирались учепые Греціи и Рима и всѣ, озабоченные интересами высшаго знанія. Когда Плоцій, знаменитый риторъ, задумалъ открыть школу латинскую, Цицеронъ, не довольствуясь уроками грека, выразилъ желаніе посѣщать ее. Но Крассъ воспротивился этому,

*) Плутархъ, въ жизнеописаніи Цицерона, передаетъ два народныя преданія: по одному изъ нихъ, Цицеронъ былъ потомкомъ царя Вольсковъ Тузлія Аттія, по другому—сыномъ простаго сукопщика. Самъ Цицеронъ называетъ себя: *filius equitis romani. Pro Plane. XXIV.*

**) По другимъ свѣдѣніямъ, въ Римѣ онъ жилъ въ домѣ своего дяди по матери, Кая Акулея, почтеннаго законовѣда своего времени.

доказывая, что греки болѣе способны приготовить его къ поприщу оратора, къ которому назначали его родители. Ему позволено было только заниматься подъ руководствомъ поэта Архія, который предъ тѣмъ основался въ Римѣ.

16-ти лѣтъ Цицеронъ надѣлъ одежду мужа (*toga virilem*). Теперь онъ сталъ близко къ тому руслу, въ которомъ текла государственная и общественная жизнь Рима. Обычаемъ было установлено, чтобы молодые люди родовитыхъ фамилій состояли при комъ-либо изъ выдающихся членовъ сената: съ утра они не оставляли своего руководителя; они сопровождали его повсюду—въ общество и въ мѣста государственныхъ занятій, и изъ ихъ примѣра научались заниматься дѣлами какъ государственными, такъ и частными. Для Цицерона этимъ сенаторомъ-руководителемъ былъ опытный законовѣдъ—К. М. Сцевола, прозванный, въ отличіе отъ одного изъ своихъ родственниковъ, Авгуромъ. Изъ трактата „О дружбѣ“ мы можемъ видѣть, какъ хорошо Цицеронъ воспользовался примѣромъ мудрости и благоразумія, который воплощался въ этомъ почтенномъ человѣкѣ *).

Прежнія занятія Цицерона не шли дальше теоретическаго изученія краснорѣчія; теперь они приняли болѣе практической характеръ: ораторская кафедра, представлявшая тогда блестящіе образцы краснорѣчія въ лицѣ Красса, М. Антонія, К. Котты, Гортензія, неослабно привлекала его вниманіе; увлеченный слышанными ораторскими рѣчами, онъ возстановлялъ, ихъ дома, передѣлывалъ и исправлялъ; въ тоже время, сознавая важность изученія греческой литературы для ораторскаго образованія, онъ переводилъ лучшія рѣчи Демосѣна, Эскина и многія пѣсни Гомера. Между греками, которые въ это время преподавали греческую литературу въ Римѣ, былъ Федръ эпикуреецъ; отъ него Цицеронъ въ первый разъ познакомился съ греческой философіей въ міровоззрѣніи эпикурейцевъ.

Два поприща представлялись наиболѣе пригодными для юно-

*) При составленіи предлагаемаго очерка имѣлись между прочимъ въ виду жизнеописаніе Цицерона, помѣщенное въ „Oeuvres de Cicéron, publiées sous la direction de Nisard, t. 1. и разборъ его литературной дѣятельности, находящейся въ Histoire abrégée de la littérature romaine, par I. Schoell, t. 2, а также жизнеописаніе Цицерона у Плутарха.

ши изъ небогатой семьи, онъ благороднаго: военное дѣло и дѣятельность оратора. Первое столь-же быстро вело къ возвышенію, какъ и другая. Но политическій порядокъ страны былъ таковъ, что никто не могъ вступить на поприще гражданской дѣятельности раньше, чѣмъ заслужить это, сдѣлавши нѣсколько кампаній. Когда вспыхнула союзническая война, угрожавшая самому существованію Рима, Цицеронъ, 18-ти лѣтъ отъ роду, по примѣру оратора Гортензія, добровольно вступилъ въ армію вновь сформированную, подъ начальствомъ Кнея Помпея Страбона, отца извѣстнаго триумвира Помпея, и Суллы, впоследствии диктатора, и принималъ участіе въ побѣдѣ надъ Самнитянами, при Нолѣ, окончившей эту войну.

Въ послѣдующую затѣмъ эпоху войны съ Митридатомъ и гражданскихъ междоусобій Цицеронъ посвящалъ все время изученію ораторскаго искусства и философіи. Потерявши своего учителя К. М. Сцеволу (Авгура), сдѣлавшагося жертвой междоусобій, онъ нашель вознагражденіе въ урокахъ Сцево-лы, главнаго понтифика, о которомъ онъ самъ отозвался, какъ о „первомъ ораторѣ между законовѣдами и лучшимъ знатокѣ права между ораторами“ (Brut. с. 39). Война съ Митридатомъ принудила многихъ ученыхъ грековъ удалиться изъ отечества въ Римъ. Такимъ образомъ ему открылась возможность услышать уроки прибывшихъ сюда грековъ — Филона Ларискаго, представителя Аѳинской академіи, стойка Діодота, который жилъ и умеръ въ его домѣ, и Апполлонія Родосскаго, славнаго ритора, отправленнаго впоследствии въ качествѣ посла отъ своихъ соотечественниковъ въ Римъ и получившаго дозволеніе не въ примѣръ другимъ говорить предъ сенатомъ по-гречески. У Діодота Цицеронъ обучился искусству обращаться съ оружіемъ діалектики. Даже внѣшняя сторона краснорѣчія его занимала: ежедневно Цицеронъ упражнялся въ воспроизведеніи интересовавшихъ его отрывковъ изъ греческихъ или римскихъ писателей, но болѣе греческихъ, ибо—говорилъ онъ—послѣдніе снабжаютъ изучающаго ихъ большимъ разнообразіемъ слововыраженія.

Разсудительное вниманіе въ геній языка греческаго открыло ему способъ овладѣть богатствами языка латинскаго, на-

столько, чтобы быть полновластнымъ хозяиномъ въ пользова-
ніи родною рѣчью. Дѣло Секста Росція Амерійскаго дало Ци-
церону случай выступить со своими талантами и знаніями на
судъ общественный. Дѣло это таково: вольноотпущенный Сул-
лы, Хризогонъ, добился того, что присвоилъ за незначитель-
ную сумму 112 р. имѣніе гражданина, погибшаго во время
междоусобій. Росцій, сынъ и наслѣдникъ умершаго, доказы-
валъ, что оно стоитъ 250 талантовъ (337 т. р.) Сулла, убѣж-
денный въ несправедливости этой оцѣнки, воспылалъ гнѣвомъ
противъ Росція и, чрезъ Хризогона, обвинилъ самого Росція
въ посягательствѣ на жизнь своего отца. Такимъ образомъ,
видя опасность для своего имѣнія, своей чести и жизни, Рос-
цій долженъ былъ искать себѣ хорошаго защитника; но, боясь
гнѣва диктатора, всѣ отказывались: одинъ Цицеронъ осмѣлил-
ся защищать опальнаго, и счастливымъ сочетаніемъ силы убѣж-
денія съ мольбою спасъ несчастнаго. Боязнь преслѣдованія со
стороны Суллы, а также забота о возстановленіи разстроен-
наго усиленными занятіями здоровья, поправить которое, по
мѣнью врачей, могло только путешествіе, заставили его от-
правиться въ Грецію.

Шесть мѣсяцевъ Цицеронъ прожилъ въ Аѳинахъ, у Антіо-
ха Аскалонскаго, оратора, и сначала послѣдователя Академіи,
а затѣмъ стоическаго философа. Неизмѣнный другъ Цицерона
Титъ Помпоній, римскій всадникъ, названный за свою при-
верженность къ главному городу Аттики — Атиккомъ, очень
желалъ склонить его на сторону эпикурейской доктрины, ко-
торую онъ раздѣлялъ; но Цицеронъ, слушая уроки эпикурей-
цевъ, склонялся душой болѣе къ ученію академиковъ, и вни-
малъ имъ болѣе, чѣмъ другимъ философамъ.

Путешествіе въ Малую Азію, въ значительныхъ городахъ
которой процвѣтало тогда краснорѣчіе, поставило его въ близ-
кія сношенія съ ораторами: Ксенокломъ Адрамитскимъ, Діо-
нисіемъ Магнезійскимъ, Эскиломъ Книдскимъ и Мениппомъ
Стратоникскимъ. Въ Родосѣ онъ посѣщалъ Посидонія, слав-
наго стоика своего времени, и свидѣлся опять съ Аполлоніемъ
Родосскимъ, который позже сдѣлался учителемъ Цезаря, и ко-
торый, въ качествѣ наставника Цицерона, старался сдержи-

вать въ послѣднемъ необузданные порывы воображенія, сказывавшіеся въ излишествахъ языка. Однажды, по просьбѣ Аполлонія, Цицеронъ выступилъ съ рѣчью на мѣстномъ языкѣ въ многочисленномъ собраніи грековъ. Присутствующіе выразили свое одобреніе рукоплесканіями; одинъ Аполлоній былъ нѣмъ и озабоченъ думой. Встревоженный его молчаніемъ, Цицеронъ спросилъ о причинѣ: „и я удивляюсь тебѣ, сказалъ Аполлоній; но я печалюсь объ участи Греціи, когда представляю себѣ, что наука и краспорѣчіе, единственный славный удѣлъ, который остался у Греціи, въ лицѣ тебя дѣлается добычею римлянъ“ (Plut. 9).

Еще раньше узнавши о смерти Суллы, Цицеронъ, уступая увѣщаніямъ друзей, вызывавшихъ его въ Римъ, мимоѣздомъ туда, посѣтилъ Дельфы; та же любознательность, которая заставила его, въ Аѣинахъ, положить начало ознакомленію съ Элевзинскими мистеріями *), толкнула его и въ Дельфы: онъ пожелалъ обратиться съ нѣкоторыми вопросами къ оракулу, съ давняго времени впавшему въ справедливое забвеніе. Онъ спросилъ, какими средствами онъ можетъ снискать больше славы. „Слѣдуя вдохновенію, а не полагаясь на ходячія мнѣнія въ народѣ“,—былъ отвѣтъ (Plut. 10). Невѣрующій при входѣ въ храмъ, онъ вышелъ изъ него охваченнымъ думой о смыслѣ этого изреченія, не оставшагося безъ вліянія на послѣдующее направленіе его дѣятельности.

Съ возвращеніемъ въ Римъ послѣ двухъ лѣтъ отсутствія (77 г. до Р. Хр.), онъ не спѣшилъ вынести на свѣтъ сокровища, прибрѣтенныя въ Греціи, на ораторской кафедрѣ; круглый годъ онъ прожилъ въ крайнемъ уединеніи, не смотря на насмѣшки толпы, которая иногда кричала при его появленіи: „вотъ пегонный грекъ, вотъ лѣнивѣцъ“. Не женитьба его на Теренціи, сестрѣ весталки (что, кстати, указываетъ на благородство его происхожденія), бывшая въ этомъ году, побудила его къ удаленію отъ дѣлъ и наложила печать молчанія на

*) Элевзинскія мистеріи—религіозное служеніе Деметрѣ и Персефонѣ, въ символическихъ дѣйствіяхъ и обрядахъ вѣдрявшее въ лицахъ, посвященныхъ въ эти таинства,—сладкую увѣренность въ существованіи иного, свѣтлаго бытія за гробомъ.

его уста: вступивши сначала на ораторскую кафедру со столькими же недостатками въ произношеніи и тѣлодвиженіяхъ, какъ и у Демосѣена, Цицеронъ въ то время сильно привязался къ дѣлу объ ихъ исправленіи, и взялъ себѣ въ качествѣ учителей Эзопа и Росція, искусныхъ декламаторовъ. Изучая у послѣднихъ ораторскіе приемы въ отношеніи постановки голоса и тѣлодвиженій, онъ однако не давалъ преувеличеннаго значенія этимъ спутникамъ оратора; напряженная изысканность ораторовъ, кричащихъ во всю силу легкихъ, побуждала его говорить, что они, какъ хромыя, взлѣзаютъ на коня, потому что не могутъ ходить пѣшкомъ. Онъ не пощадилъ своей насмѣшкой даже Гортензія, котораго ораторскіе приемы, слишкомъ вычурныя и вмѣстѣ женственныя, приобрѣли для него у однихъ прозвище лицедѣя, у другихъ — прозвище „Діонисіи“ (разумѣется извѣстная танцовщица того времени). Но большее несчастіе было для противника, у котораго совсѣмъ недоставало ораторскихъ приемовъ. Это показалъ Цицеронъ по поводу дѣла Геллія, римскаго всадника, обвиненнаго въ отравленіи знатной, извѣстной тогда въ Римѣ, женщины. Клодій, даровитый ораторъ, но слишкомъ равнодушный, отправляя должность обвинителя, задумалъ доказать преступленіе Геллія массою свидѣтельскихъ показаній, хитрыми допросами, разоблаченіями частной жизни, клочками писемъ, и проч. Цицеронъ, раздѣлившій защиту Геллія вмѣстѣ съ Крассомъ, разрушилъ всю эту, съ трудомъ воздвигнутую, снѣжную гряду улыкъ, у которой недоставало духа жизни, такимъ обращеніемъ: „ну что же, Клодій? когда бы ты говорилъ истину, сталъ-ли бы ты такъ выражаться? Гдѣ болячка преступленія? гдѣ это пронизывающее чувство негодованія, которое выдавливаетъ пылкія рѣчи изъ устъ, совсѣмъ некраснорѣчивыхъ? Ни душа твоя не тронута, ни въ тѣлѣ твоемъ не отозвалось душевное волненіе; эта неподвижность головы, эти опущенныя въ расслабленіи руки, эта прикованность къ мѣсту — не показываютъ-ли они безнадежность дѣла?“ Демосѣенъ также признавалъ необходимыми для оратора извѣстныя дѣйствія, вышшіе приемы. Однажды явился къ нему аеннянинъ. „Меся оскорбили“, говоритъ опъ. — Неправда. „Но, я же говорю, что меня оскорбили“. — Неправда.

„Клянусь всѣмъ святымъ, что меня оскорбили“. Теперь я вѣрю: ты разгнѣвался *).

Это искусство выражать наглядно душевное движеніе никто, быть можетъ, не довелъ такъ далеко, какъ Цицеронъ. Когда по обычаю, принятому въ римскомъ судопроизводствѣ, онъ велъ судебныя дѣла вмѣстѣ съ другими защитниками, Цицерону неоднократно его товарищи, думая взвалить на его плечи непосильную тяжесть, поручали самую трудную—заключительную рѣчь, въ которой наиболѣе дѣйственны таланты оратора. И не одинъ разъ онъ выходилъ съ побѣдой изъ этого затрудненія. Однажды старый Куріонъ, ораторъ, поднялся было возразить Цицерону, но пораженный величіемъ его гевія, упалъ въ свое кресло, не могши промолвить ни слова въ отвѣтъ, повторяя только, что онъ сдѣлался игрушкой злаго умысла. Уроки Росція не пропали даромъ для Цицерона: онъ въ первый разъ сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе для защиты, обвиненнаго въ присвоеніи чужихъ денегъ, самого же Росція, который, по словамъ Квинтилиана, былъ „единственный человѣкъ, который по своимъ дарованіямъ достоинъ былъ явиться на сценѣ, а по своимъ добродѣтелямъ никогда не вступать туда“.

Въ возрастѣ тридцати лѣтъ (76 г. до Р. Хр.), Цицеронъ получилъ должность квестора (завѣдующаго финансовою частью въ провинціи), служившую первою ступенью къ консульству; должность эта открывала ему доступъ въ сенатъ. Жребій отдалъ ему въ завѣдываніе провинцію Лилибію, въ Сициліи, которая, какъ извѣстно, считалась житницею Рима. Цицеронъ отправился въ Сицилію, убѣжденный, что глаза всѣхъ римлянъ устремлены на него, и полный ревности оправдать всеобщее вниманіе. Онъ находился между двухъ огней: принужденъ былъ удовлетворять настоятельнымъ нуждамъ Рима въ продовольствіи хлѣбомъ, и въ то же время не желалъ слишкомъ истощать значительнымъ вывозомъ хлѣба обѣднѣвшую Сицилію. Изъ этихъ крайностей онъ вышелъ счастливо, какъ человѣкъ дальновидный и дѣятельный. Рѣдкое, въ этотъ вѣкъ распущенности, равнодушіе къ собственнымъ выгодамъ, какъ отраженіе живаго чувства любви къ справедливости, снискало

*) Vie de Cicéron, chez Nisard, p. IV et V.

ему у жителей призваніе лучшаго изъ квесторовъ. Въ упоеніи отъ успѣха своей дѣятельности Цицеронъ ласкалъ себя мечтой, что шумъ его славы далъ громкій отзвукъ въ Римѣ и Италиі. Возвращаясь по истеченіи года въ Римъ, онъ остановился мимоѣздомъ въ ПUTEОЛАХЪ, куда время купаній привлекло много людей праздныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ накупился на него со словами: „ну что, какія новости у васъ въ Римѣ?“— Но я возвращаюсь изъ провинціи. „Ахъ, да, ты возвращаешься изъ Африки“.— Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ Цицеронъ, разсерженный. Тогда третій собесѣдникъ вмѣшивается въ разговоръ: „развѣ ты не знаешь, говоритъ онъ первому, что Цицеронъ былъ квесторомъ въ Сиракузахъ“ (Pro Planc. XXVI) *). Современныя событія давали предметъ для разговора въ римскихъ гостинныхъ болѣе важный, чѣмъ возвращеніе въ Римъ какого-то, хотя и прославленнаго квестора. Царю Понта, Митридату, въ третій разъ была объявлена война (74 г. до Р. Хр.); въ самой Италиі спокойствіе было нарушено возстаніемъ рабовъ. Приключеніе въ ПUTEОЛАХЪ заставило Цицерона одуматься. Не отказываясь отъ славы, онъ далъ своему честолюбію болѣе жизненное направленіе, заставивши себя принимать въ расчетъ различныя вѣянія мѣстной и теченіе событій.

Спустя шесть лѣтъ послѣ квесторства, Цицеронъ, желавшій послужить римскому народу и удостоиться отличія отъ римскихъ гражданъ, и съ этою цѣлью открыто заявлявшій о своей готовности содѣйствовать общему благу, былъ избранъ эдиломъ. Санъ этотъ давалъ ему въ сенатѣ мѣсто послѣ консуловъ и преторовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ право изображеній, которое состояло въ томъ, что онъ могъ присоединить свой портретъ къ изображеніямъ предковъ, проходившихъ когда-либо высшія (ку-

*) Будучи въ Сиракузахъ, Цицеронъ обратился къ правителямъ города съ просьбой показать ему гробницу Архимеда, силою знаній защищавшаго свой городъ въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ противъ римскихъ войскъ подъ начальствомъ Марцелла. Его привели гадательно къ однимъ изъ городскихъ воротъ, гдѣ среди развалинъ, поросшихъ кустарникомъ, онъ нашелъ колонну съ фигурами цилиндра и сферы, и съ остатками надписи, дававшей право заключить, что здѣсь находится гробница Архимеда. „Вотъ какъ бываетъ на свѣтѣ, говорилъ впоследствии Цицеронъ: соотечественники даже не вѣдали бы, гдѣ прахъ ихъ великаго ученаго, если бы имъ не сообщилъ объ этомъ чужестранецъ изъ Арпинума“.

рульныя) должности. Это было признакомъ благородства семейства. Цицеронъ, не имѣвшій родословной, утѣпался мыслью, что съ него начинается облагороженіе семейства. Въ началѣ своего эдильства, Цицеронъ, по порученію жителей Сициліи, велъ дѣло противъ извѣстнаго своими преступленіями претора Сициліи, Верреса, и не смотря на то, что на сторонѣ послѣдняго стояла знать и защищала его „царь на ораторской каедрѣ“—Гортензій, Цицеронъ доставилъ побѣду сторонѣ истцовъ, достигнувши своимъ краснорѣчіемъ у сената обвиненія Верреса, который былъ осужденъ на изгнаніе. Впослѣдствіи Цицеронъ-же помогъ ему воротиться въ Римъ.

Спустя два года онъ былъ избранъ первымъ въ числѣ 8-ми преторовъ Рима. Онъ не ограничивался разборомъ дѣлъ, представляемыхъ на его разсмотрѣніе; но находилъ также время защищать и дѣла, разбиравшіяся у другихъ преторовъ. Въ то-же время Цицеронъ посѣщала школу ритора Гнифона: ученику тогда былъ 41-й годъ.

По истеченіи срока службы, преторамъ обыкновенно давалась въ управленіе одна изъ такъ называемыхъ преторскихъ провинцій, но Цицеронъ не заявлялъ своего права на это и оставался въ теченіи двухъ лѣтъ въ Римѣ, имѣя въ мысляхъ добиться консульства. Честность его, впрочемъ, отвращалась употреблять обычныя средства для полученія этого сана,—имѣть особыхъ лицъ (*interpretes*) для подговариванія голосующихъ, хранителей денежной суммы для подкупа (*sequestres*) и раздавателей (*divisores*) ея. Цицеронъ обнародовалъ только воззваніе (*de petitione consulatus*), въ которомъ онъ даетъ обѣщаніе „трудиться неусыпно и постоянно, всѣми силами благо-разумія и искусства“.

Сонскателемъ съ нимъ былъ Катиллина, пользовавшійся, не смотря на преступленія, большимъ довѣріемъ у знати и употреблявшій проски, подкупъ и клеветы, чтобы отодвинуть Цицерона. Но послѣдній, защищая изданный, предъ тѣмъ, сенатомъ строгій законъ, относительно возмутителей общественнаго спокойствія, противъ трибуна К. М. Орестина, разоблачилъ столь очевидно преступленія и планы своихъ противниковъ, что сенаторы, гордость которыхъ унижалась въ ихъ гла-

захъ выскочкой (homo novus), осмѣлившимся отвоевывать себѣ высшее достоинство въ государствѣ, стали смотрѣть на него, какъ на человѣка, могущаго быть полезнымъ государству,—и 43-хъ лѣтъ Цицеронъ былъ провозглашенъ консуломъ; въ товарищи ему былъ данъ К. Антоній (63-й г. до Р. Хр.).

Цицеронъ приступилъ къ исполненію обязанностей государственнаго человѣка въ трудное время. Въ Римѣ бродило глухое неудовольствіе. Многія знатныя семейства междоусобіями были разорены; недвижимыя имѣнія почти всѣ перемѣнили своихъ владѣльцевъ; продажность повсюду царилла широко; вмѣстѣ съ извращеніемъ прежнихъ простыхъ и строгихъ нравовъ угасла и любовь къ отечеству: шайка погибшихъ людей искала возмутить государство, движимая извращеннымъ честолюбіемъ.

Цицеронъ видѣлъ, съ какимъ врагомъ ему приходилось бороться. Его товарищъ Антоній по своей безхарактерности позволилъ Катилинѣ привлечь себя на свою сторону; но Цицеронъ вырвалъ его изъ рукъ Катилины обѣщаніемъ ему одной изъ самыхъ богатыхъ консульскихъ провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ провелъ законъ противъ мятежныхъ партій, въ которомъ указано было карать возмутителей общественнаго спокойствія десятью годами ссылки.

Катилина, видя грозу надъ собой, вмѣстѣ со своими сторонниками, рѣшился напасть на Цицерона во время консульскихъ выборовъ, чтобы причинить ему насиліе. Консулъ былъ увѣдомленъ объ умыслѣ, и потребовалъ виновнаго къ отвѣту въ сенатъ. „Какое мое преступленіе?“ спросилъ обвиняемый. „Изъ двухъ тѣлъ, изъ которыхъ одно, съ головой, слабо и вяло, а другое, сильное, не имѣетъ головы, я беру послѣднее, чтобы дать ему голову“. Выборы на слѣдующій годъ произошли спокойно; Катилина, во второй разъ искавшій консульства, потерпѣлъ пораженіе. Тогда онъ, при помощи своихъ сторонниковъ, которыхъ было не мало между ветеранами Суллы, задумалъ овладѣть Римомъ. Цицеронъ созываетъ сенатъ въ Капитоліѣ, и здѣсь начинаетъ говорить объ ужасахъ, угрожающихъ Риму отъ заговорщиковъ. Вдругъ входитъ Катилина; Цицеронъ, прерывая рѣчь, дѣлаетъ переходъ къ нему однимъ изъ самыхъ красивыхъ ораторскихъ приемовъ, какой

только можетъ дать краснорѣчію негодование (Contr. Catil. I). Катилина, смущенный, пробормоталъ нѣсколько словъ; но затѣмъ, уходя изъ сената, сдѣлалъ своимъ противникамъ грозное объявленіе войны. Послѣ совѣщанія со своими сторонниками, онъ удалился въ Этрурію и собралъ здѣсь армію, угрожая Риму. При этомъ извѣстіи сенатъ декретомъ объявилъ его врагомъ отечества. Противъ него отправленъ былъ съ войскомъ Антоній; но Антоній, старый другъ Катилины, преслѣдовалъ его вяло, можетъ быть, щадя его. Въ день рѣшительной битвы, когда консуль заболѣлъ подагрой, одинъ изъ легатовъ, Петрей, при Писторіи, разбилъ остатки его войска; и самъ Катилина нашелъ здѣсь смерть, бросившись въ свалку. За свою борьбу противъ Катилины Цицеронъ былъ почтенъ титуломъ отца отечества: почетное имя, котораго никто не удостоивался кромѣ Цицерона до временъ имперіи.

Преслѣдованіе сторонниковъ Катилины приобрѣло Цицерону много враговъ. Цезарь, Помпей и Крассъ, спустя три года послѣ консульства Цицерона вступившіе между собою въ союзъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ перваго триумvirата, втайнѣ покровительствовали врагамъ бывшаго консула. П. Клодій; противъ котораго Цицеронъ нѣкогда публично выступилъ, какъ обвиняемаго въ святотатствѣ, сдѣлавшись трибуномъ, провелъ законъ (58 г. до Р. Хр.), которымъ осуждался на изгнаніе тотъ, кто довелъ до смерти гражданина, не признаннаго виновнымъ предварительно со стороны суда. Этотъ законъ былъ направленъ противъ Цицерона, въ консульство котораго нѣкоторые заговорщики подверглись казни. Цицеронъ избралъ добровольное изгнаніе, намѣреваясь отправиться въ Сицилію; но Клодій, съ отъѣздомъ Цицерона, провелъ новый законъ, которымъ Цицеронъ осуждался на изгнаніе на разстояніе 400 миль отъ Рима и лишался имущества. Его дома въ деревнѣ были разграблены и сожжены, а домъ въ Римѣ разрушенъ.

Знаменитый изгнанникъ отправился въ Грецію и остановился въ Фессалоникахъ, предполагая двинуться далѣе въ Кизикъ; но друзья убѣждали его не заходить въ даль отъ Рима, предвѣщая переменъ обстоятельствъ. И дѣйствительно, по предложенію П. К. Лентула, сенатъ опредѣлилъ возвратить Цице-

рона изъ изгнанія и даже возобновить на государственнѣй счетъ его разрушенныя дома. Возвращеніе Цицерона въ Римъ было очень торжественно; отъ Брундузіума до Рима весь путь походилъ на сплошную улицу,—такъ онъ былъ усѣянъ зрителями, которые вышли къ нему на встрѣчу.

Послѣдующіе годы Цицеронъ посвятилъ на защиту своихъ кліентовъ. Закономъ, который успѣлъ провести Помпей, направляясь противъ замысловъ партій, опредѣлялось, что консулы и преторы могутъ заявлять притязанія на управленіе провинціями не ранѣе, какъ черезъ пять лѣтъ. Такимъ образомъ первыми кандидатами на правительственныя посты въ провинціяхъ должны были выступить сенаторы изъ консуловъ и преторовъ, отказавшіеся отъ провинцій въ послѣдніе годы. Цицеронъ былъ въ ихъ числѣ. По жребію ему досталась въ управленіе Киликія, въ область которой входила еще Писидія, Памфілія и о. Кипръ. Проконсулы въ провинціяхъ окружали себя блескомъ природныхъ властителей. Къ нимъ стекались сосѣдніе принцы, составляя около нихъ какъ-бы необходимую свиту. Накопленіе богатствъ въ этомъ положеніи было легко. Кромѣ большихъ суммъ, которыя они получали изъ казначейства,—для себя, для свиты, для роскошной обстановки,—они дѣлали еще огромный вычетъ изъ доходовъ, которые Римъ извлекалъ изъ покоренныхъ провинцій, и изъ жалованья солдатъ. Эти сборы для увеличенія средствъ были освящены обычаемъ; по положенію намѣстника провинціи, какъ оно было установлено римскими правителями, не согласовалось съ характеромъ Цицерона; и онъ писалъ друзьямъ въ Римъ не допускать, чтобы тамъ обманывались на счетъ его истиннаго желанія оставить этотъ постъ. Военная слава нѣсколько возвысила его вѣру въ свою миссію, какъ правителя провинціи. Во время своего проконсульства, Цицеронъ имѣлъ счастье одержать, во главѣ своихъ двухъ легионовъ (около 15-ти т.), побѣду надъ Парфами, задумавшими напасть на подвѣдомую ему Киликію. Онъ освободилъ осажденный ими городъ Антиохію и принудилъ ихъ къ отступленію. Но не желая долѣе оставаться въ Киликіи, онъ поручилъ управленіе провинціею своему квестору, и направилъ путь въ Римъ.

Приближалось время, когда жребій войны долженъ былъ рѣшить исходъ борьбы за власть между двумя честолюбцами, Цезаремъ и Помпеемъ. Тотъ и другой сильно желали имѣть на своей сторонѣ Цицерона, имѣвшаго большое вліяніе на народъ и войско. Цицеронъ сталъ на сторону Помпея, хозяина въ севатѣ, идола у народа, съ судьбою котораго Римъ связывалъ свое благо. Во время начавшейся войны между Цезаремъ и Помпеемъ, въ 49 г. до Р. Хр., онъ отправился вмѣстѣ съ своимъ сыномъ въ лагерь Помпея при Диррахіи, гдѣ былъ встрѣченъ насмѣпливымъ замѣчаніемъ Помпея, желавшаго отмѣтить его медлительность въ выборѣ между двумя временщиками: „ты прибылъ слишкомъ поздно“, сказалъ Помпей.— Напротивъ, еще слишкомъ рано, возразилъ Цицеронъ; ибо вижу, что для приготовленія къ войнѣ ничего не сдѣлано. Помпей предоставилъ право гражданства перебѣжчику Галлу. „Несчастный человѣкъ! замѣтилъ Цицеронъ; онъ Галламъ даетъ отечество и не можетъ возвратитъ намъ своего!“ Утомленный этими выходками, Помпей сказалъ ему: „уходи къ Цезарю, и ты увидишь, способенъ-ли я бояться“. Цицеронъ не присутствовалъ въ битвѣ при Фарсалѣ, въ которой потерпѣли полное пораженіе войска Помпея и его дѣло (48 г. до Р. Хр.), сказавшись больнымъ въ Диррахіи; залогомъ своей искренности онъ оставилъ въ войскѣ сына, который въ день битвы отличился, какъ начальникъ кавалерійскаго отряда. Когда сдѣлался извѣстнымъ несчастный исходъ битвы, М. П. Катонъ, прозванный послѣ своей смерти Утическимъ, одинъ изъ значительныхъ партизановъ Помпея, предложилъ Цицерону, какъ бывшему консулу, командованіе арміей. Но Цицеронъ не только отказался отъ этой чести, но даже совѣтовалъ примиреніе съ Цезаремъ. Это предложеніе разсорило его съ сыномъ Помпея и наиболѣе вліятельными членами республиканской партіи. Недовольный, онъ воротился въ Италію, куда Цезарь прислалъ ему охранительную грамоту, выраженія которой были очень лестны для Цицерона *). Цезарь былъ въ то время въ Египтѣ, гдѣ онъ основался послѣ пораженія Помпея.

*) М. Т. Ciceronem ob egregias ejus virtutes, singulares animi dotes, per totum orbem nostris armis virtuteque perdomitum, salvum et incolumem esse jubemus.

Возвращеніе Цезаря побѣдителя въ Римъ своимъ блескомъ превосходило все, что было видимо до сихъ поръ въ этомъ отношеніи. Для того, чтобы дать Цицерону ясное свидѣтельство своего довѣрія и дружбы, Цезарь приглашалъ его провести нѣкоторое время вмѣстѣ съ нимъ въ деревенскомъ уединеніи. Сопедшисъ съ Цезаремъ, Цицеронъ однако видѣлъ въ чрезмѣрныхъ притязаніяхъ Цезаря опасность для прочности его власти. Когда Аттикъ сообщилъ ему, что статуя Цезаря, воздвигнутая благодарнымъ народомъ за его заслуги, поставлена въ храмъ Квирина, рядомъ съ храмомъ богини Salus (благосостояніе), онъ отвѣтилъ: „я хотѣлъ-бы лучше, чтобы онъ находился рядомъ съ храмомъ какъ бога, такъ и богини“.

Послѣ смерти Цезаря (15 марта 710 г. до Р. Хр.), послѣдній вздохъ котораго Цицеронъ видѣлъ своими глазами, онъ замѣтилъ честолюбивыя попытки къ захвату власти въ лицѣ Марка Антонія, консула. 1-го сентября было назначено собраніе сената. Антоній пригласилъ его явиться туда. Цицеронъ оставался въ постели, ссылаясь на плохое состояніе здоровья. Намѣреніемъ Антонія было добиться у сената пазначенія какихъ-либо необыкновенныхъ почестей въ память Цезаря; и онъ льстилъ себя надеждою, что, согласившись на это пазначеніе, Цицеронъ уронитъ себя въ глазахъ лицъ протывнаго Цезарю лагеря, а отвергнуи предложеніе Антонія, сдѣлаетъ себя ненавистнымъ въ глазахъ ветерановъ. Въ отсутствіи Цицерона предложеніе прошло безъ возраженій. Когда сенатъ собрался на слѣдующій день, Антоній отсутствовалъ въ свою очередь, и Цицеронъ произнесъ здѣсь первую изъ своихъ знаменитыхъ рѣчей противъ Антонія, которымъ Цицеронъ усвоилъ названіе „филиппикъ“, въ подражаніе рѣчамъ Демосеена. Здѣсь онъ рѣшительно возсталъ противъ предложенія Антонія. Съ этой минуты Антоній сталъ питать къ Цицерону непримиримую ненависть. Въ рѣчахъ своихъ противъ этого временщика (которыхъ числомъ 14-ть) Цицеронъ раскрылъ честолюбивыя планы и отсутствіе патриотизма у Антонія, призналъ его врагомъ отечества, и требовалъ, чтобы сенатъ объявилъ ему войну. Дабы ослабить значеніе Антонія, онъ всѣмъ своимъ вліяніемъ покровительствовалъ молодому Октавіану, племяннику

Цезаря и наслѣднику, который обнаруживалъ большую привязанность къ Цицерону и руководствовался его совѣтами. Не смотря на это, когда Октавіанъ заключилъ съ Антоніемъ и Лепидомъ для раздѣла власти союзъ, извѣстный подъ именемъ 2-го триумvirата, онъ не отказался пожертвовать Цицерономъ въ угоду Антонію, который потребовалъ смерти Цицерона, какъ одного изъ условій союза, хотя и пытался сопротивляться этому предложенію въ теченіе 3-хъ дней. Въ списокѣ лицъ, присужденныхъ къ немедленной смерти, имя Цицерона стояло первымъ. Онъ былъ умерщвленъ подосланными Антоніемъ солдатами подъ начальствомъ трибуна Поппія Лены, нѣкогда имъ спасеннаго отъ осужденія,—умерщвленъ въ то время, когда предпринялъ бѣгство въ Грецію и уже былъ вблизи морскаго берега Италіи, 7-го Дек. 43-го года до Р. Хр.

С. Садовъ.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО LXI *).

НЕ ВЗИРАЯ НА ИСПОРЧЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ, ДОВОДЯЩУЮ ИХЪ ДО ЖЕСТОКОСТИ КЪ СЕБѢ ПОДОБНОМУ, ТЫ ВОСПИТЫВАЙ ВЪ СЕБѢ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ, НЕ ОТВЛЕЧЕННУЮ И ГОРДЕЛИВО ВЪ СЕБѢ ЗАМКНУТУЮ, А КРОТКУЮ, ЖИВО ОТКЛИКАЮЩУЮСЯ НА РАДОСТИ И СКОРБИ ЛЮДСКІЯ.

Зачѣмъ ты тревожно озираешься кругомъ, вглядываясь въ то, что случайно постигнуть тебя можетъ, а можетъ—и нѣтъ? Разумѣю пожаръ, ниспаденіе ветхаго дома, и прочее, что обрушивается на насъ, но не подстерегаетъ, *не высльзживаетъ насъ* нарочно: лучше взирай на то, берегись того, что караулитъ насъ, готовясь уловить. Не часто случается, хотя оно и тяжело, потерпѣть кораблекрушеніе, или быть опрокинутымъ вмѣстѣ съ повозкой: ежедневная опасность человѣку отъ человѣка-же **). Вотъ для чего окрыли себя, вотъ на что вперивнимательныя очи: нѣтъ бѣдствія, болѣе часто посѣщающаго насъ, болѣе упорнаго, болѣе ластящагося къ намъ. Буря грозно собирается съ силами, прежде чѣмъ разразится; трещать зданія, прежде чѣмъ обрушатся; дымъ предвѣщаетъ пожаръ: отъ человѣка гибель подкрадывается внезапно, и тѣмъ тщательнѣе закрывается отъ взоровъ, чѣмъ ближе подходитъ. Ошибаешься, если вѣришь выраженію лицъ тѣхъ людей, съ

*) Ер. 103.

***) Подобная мысль есть и у Плавта: homo homini lupus. Сюда-же подходитъ и выраженіе Анахарсиса Скиона, который на вопросъ: что для людей всего болѣе враждебно? отвѣчалъ: сами они для себя.

которыми встрѣчаешься: они имѣютъ обликъ людей, а души дикихъ звѣрей *), которыхъ развѣ что первый напоръ бываетъ вредоноснѣе сравнительно съ тѣми. Вѣдь кого эти миновали, того не разыскиваютъ болѣе; не иное что вселяетъ въ нихъ мысль повредить, какъ только настоятельная потребность. Они голодомъ или страхомъ вынуждаются къ битвѣ: только чело-вѣку одному любо губить чело-вѣка. Впрочемъ объ опасности, идущей со стороны людей, ты помышляй въ такомъ направле-ніи, чтобы черезъ это придти къ мысли объ обязанностяхъ чело-вѣка. Вводи въ кругъ зрѣнія и эту заботу, чтобы не потерпѣть обиды, и то, чтобы самому не обижать. Пусть благо-получіе другихъ поднимаетъ въ душѣ твоей радость; пусть невзгоды другихъ отражаются въ тебѣ печалію; и да не поки-нетъ тебя память о томъ, что ты долженъ выставлять на лицо съ своей стороны, и стѣ чего долженъ удерживаться. Что ты пріобрѣтешь такую жизнь? не то, чтобы тебѣ не вредили,— а хотя не обманывали. При всемъ томъ, сколько можешь, укрывайся въ пристанищѣ философіи, которая прикроетъ тебя въ своемъ лонѣ и оборонитъ; въ этомъ святилищѣ ты будешь или совсѣмъ въ безопасности, или гораздо. Сталкиваются ме-жду собою лбами только тѣ, которые совершаютъ прогулку по одной и той-же линіи. Какое-же заключеніе *мнѣ вывести изъ твоего письма? спросишь*. А то, что и самую философіей ты не въ правѣ хвастаться; воздѣлываемая въ со-путствіи высоко-мѣрія и презорства, она для многихъ уже послужила *не къ благополучію*, а опасности. Пусть она въ тебѣ видитъ пороки, а не въ другихъ позоритъ ихъ; пусть она не держитъ тебя въ презрительномъ отдаленіи отъ правилъ, предписанныхъ об-щественною нравственностію; пусть она не добивается пока-зать, что то достойно осужденія, чего она не дѣлаетъ. Ничто не мѣшаетъ намъ развивать свойства мудраго чело-вѣка безъ кичливости и недоброжелательства.

*) Эпиктетъ: quosdam hominum lupis similes esse, infidos, insidiatores, no- xios; alios leonibus, agrestes, feroces, immanes; plerosque vulpeculis, detractores et fraudulentos.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Апрѣля № 8. 1885 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Списокъ лицъ, кои Всемилостивѣйше удостоены, въ 24-й день марта 1885 года, наградъ, Высочайше жалуетныхъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Предписаніе епархіальнаго начальства.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 19-го февраля—8-го марта 1885 года за № 317, о выдачѣ свидѣтельствъ на расторженіе браковъ женамъ нижнихъ чиновъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: а) предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 31 января сего года за № 488, экземпляръ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 16 января сего года за № 2, по предмету выдачи удостовѣреній на расторженіе браковъ женамъ нижнихъ чиновъ, совершившихъ побѣгъ со службы, а также безъ вѣсти пропавшихъ на войнѣ, и б) справку изъ производившагося въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣла по сему предмету. П р и к а з а л и. Въ предложенномъ циркулярномъ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 16 января 1885 г. за № 2, изложено: Въ указѣ Правительствующаго Сената, отъ 4 января 1884 г. за № 26, опубликовано Высочайше утвержденное 22 ноября 1883 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, касающееся измѣненія ст. 56 законовъ гражданскихъ (св. зак. т. X, ч. I изд. 1857 г.). Согласно этого измѣненія, женамъ нижнихъ чиновъ, совершившихъ побѣгъ со службы, а также безъ вѣсти пропавшихъ на войнѣ и взятыхъ въ плѣнъ непріятелемъ, дозволяется просить о расторженіи брака по истеченіи пяти лѣтъ съ того времени, когда мужа ихъ бѣжали со службы, пропали безъ вѣсти, или взяты въ плѣнъ. При просьбахъ, подаваемыхъ духовному на-

чалъству о расторженіи брака, упомянутыя жены представляютъ свидѣтельства городскихъ и уѣздныхъ полицейскихъ управленій тѣхъ мѣстъ, откуда мужья ихъ поступили на службу, о времени—когда они совершили побѣгъ, пропали на войнѣ безъ вѣсти, или взяты непріятелемъ въ плѣнъ, а также о томъ, что эти лица остаются неразысканными. Свидѣтельства эти выдаются на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ полицейскимъ управленіямъ командирами отдѣльныхъ частей войскъ. Въ виду того, что свидѣтельства полицейскихъ управленій о безвѣстномъ отсутствіи нижнихъ чиновъ будутъ служить основаніемъ для расторженія браковъ и неполнота этихъ документовъ повела-бы къ затрудненіямъ семейства, остающагося безъ того долгое время въ неопредѣленномъ положеніи, министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ указать полицейскимъ управленіямъ особую для сихъ свидѣтельствъ форму. Святѣйшій Синодъ, въ который представлялось настоящее дѣло, призналъ, что въ свидѣтельства, выдаваемые полицейскими управленіями женамъ упомянутыхъ нижнихъ чиновъ, для представленія епархіальнымъ начальствамъ на предметъ расторженія браковъ, должны быть помѣщаемы всѣ тѣ свѣдѣнія, кои изложены въ формѣ списка, приложенной къ приказу по военному вѣдомству, отъ 4 декабря 1883 года № 307, съ тѣмъ, чтобы время, съ котораго нижній чинъ считается убитымъ, умершимъ, или безъ вѣсти пропавшимъ, было означено въ свидѣтельствахъ не цифрами, а прописью. Разсмотрѣвъ изложенное циркулярное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: о такомъ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ, чрезъ припечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ для свѣдѣнія и руководства.

II. Отъ 14 февраля—4 марта 1885 года за № 280, о выпискѣ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, съ журналомъ Учебнаго при Св. Синодѣ Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 23 ноября 1884 года за № 913, журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, № 433, съ заключеніемъ Комитета по прошенію редактора издаваемого при Кіевской духовной семинаріи журнала подъ названіемъ: „Руководство для сельскихъ пастырей“ — архимандрита Принея, о рекомендованіи этого пастырскаго журнала для выписки въ церковныя бібліотеки, въ виду того, что онъ, и по содержанію и по направленію своему,

вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру и цѣлямъ означенныхъ библіотекъ, Учебный Комитетъ полагаетъ полезнымъ рекомендовать означенный журналъ къ выискѣ не въ церковныя только, а и въ семинарскія библіотеки. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ по духовному вѣдомству, сообщить съ приложеніемъ копія съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

III. Отъ 2 ноября—4 марта 1884—85 года за № 2406, о воспрещеніи священнослужителямъ принимать званіе членовъ правленій и совѣтовъ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: дѣло объ одномъ священникѣ, состоявшемъ членомъ правленія сельскаго ссудо-сберегательнаго товарищества. Приказали: Находя, что участіе священнослужителей въ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, въ качествѣ членовъ правленій и совѣтовъ сихъ товариществъ, не можетъ не отвлекать ихъ отъ исполненія прямыхъ обязанностей пастырскаго служенія, Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ воспретить священнослужителямъ принимать на себя званіе членовъ правленій и совѣтовъ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, о чемъ, для объявленія по духовному вѣдомству къ должному исполненію, и напечатать въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

IV. Отъ 21 февраля—4 марта 1885 года за № 347, объ испытаніяхъ студентовъ духовныхъ семинарій, ищущихъ учительскихъ мѣстъ въ духовныхъ училищахъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 31 января сего года за № 80, журналъ Учебнаго Комитета № 38, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденнымъ правленіемъ одной духовной семинаріи вопросамъ о томъ: 1) какимъ способомъ въ настоящее время должны производиться испытанія студентовъ духовныхъ семинарій, ищущихъ учительскихъ мѣстъ въ духовныхъ училищахъ: посредствомъ-ли пробныхъ уроковъ, или другимъ какимъ-либо способомъ; 2) всѣхъ-ли студентовъ семинаріи, ищущихъ означенныхъ должностей, слѣдуетъ подвергать испытаніямъ, или только тѣхъ, которые неизвѣстны семинарскому правленію, и 3) если необходимо назначать испытанія, то можетъ-ли семинарское правленіе просить училищное правленіе о производствѣ испытанія тѣмъ лицамъ, которыя живутъ вблизи отъ сего училища, но далеко отъ мѣстной семинаріи? По разсмотрѣніи озна-

ченныхъ вопросовъ, Учебный Комитетъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: примѣчаніе къ § 61 Высочайше утвержденнаго 22 августа 1884 года устава духовныхъ училищъ предоставляетъ правленіямъ семинарій право рекомендовать на учительскія должности въ духовныхъ училищахъ только студентовъ духовныхъ семинарій, а § 103. п. 9 устава духовныхъ семинарій вмѣняетъ семинарскимъ правленіямъ въ обязанность назначать таковымъ лицамъ испытанія. Что-же касается того, могутъ-ли таковыя лица въ какихъ-либо случаяхъ подвергаться испытаніямъ въ правленіяхъ духовныхъ училищъ, а затѣмъ могутъ-ли училищныя правленія давать таковымъ лицамъ свои рекомендаціи, или представлять сихъ лицъ преосвященному для утвержденія въ должностяхъ, то о семъ въ уставахъ духовныхъ семинарій и училищъ не говорится. Отсюда слѣдуетъ заключить, что избраніе учителей не принадлежитъ къ дѣламъ училищныхъ правленій. Какія испытанія назначаются правленіями семинарій лицамъ, обращающимся къ нимъ съ просьбами объ опредѣленіи на преподавательскія должности въ духовныхъ училищахъ, въ уставѣ также не разъяснено. Между тѣмъ § 61-мъ устава духовныхъ училищъ не возбраняется правленіямъ духовныхъ семинарій и прямо, безъ особенныхъ испытаній, рекомендовать на учительскія должности въ духовныхъ училищахъ, при недостаткѣ лицъ съ академическимъ образованіемъ, студентовъ семинарій. Отсюда можно вывести то заключеніе, что испытаніе лицъ, ищущихъ преподавательскихъ должностей въ духовныхъ училищахъ, изъ студентовъ семинарій, не составляетъ непремѣннаго условія для рекомендаціи ихъ со стороны семинарскихъ правленій, но что правленія семинарій могутъ и прямо рекомендовать ихъ безъ испытаній, если таковыя лица вполне извѣстны имъ по своей способности къ дѣлу обученія дѣтей въ училищахъ и по своимъ добрымъ нравственнымъ качествамъ. Такое толкованіе вышеприведенныхъ параграфовъ оправдывается и существомъ дѣла. Шестилѣтнее пребываніе въ семинаріи воспитанника, конечно, представляетъ для бывшихъ его паставниковъ и начальства больше данныхъ для рекомендаціи его, чѣмъ испытаніе посредствомъ нѣсколькихъ пробныхъ уроковъ. На основаніи всего вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ, въ разрѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ правленіемъ одной семинаріи, полагаетъ разъяснить ему, что 1) испытанія ищущихъ преподавательскихъ должностей въ духовныхъ училищахъ могутъ быть назначаемы только тѣмъ изъ соискателей, которые неполнѣ извѣстны правленію семинаріи, или когда является нѣ-

сколько соискателей, равныхъ по достоинству, относительно которыхъ возникаетъ сомнѣніе, кому отдать преимущество; что-же касается лицъ, вполнѣ извѣстныхъ въ указанныхъ отношеніяхъ семинарскимъ правленіямъ, то таковыя могутъ быть рекомендуемыими послѣдними и безъ особыхъ испытаній, и 2) если-бы правленіе семинаріи признало нужнымъ подвергнуть кого-либо изъ ищущихъ учительской должности въ училищѣ испытанію, согласно § 103 п. 9 устава семинарій, то такое испытаніе должно производиться непременно въ правленіи семинаріи, отъ котораго зависитъ опредѣлить и самый способъ испытанія (напр. педагогическая бесѣда о предметѣ—colloquium, представленіе программы преподаванія предмета, письменное изложеніе урока, по назначенію правленія, пробныя уроки и т. п.). Такое заключеніе, въ случаѣ утвержденія онаго Святѣйшимъ Синодомъ, Учебный Комитетъ полагалъ-бы сообщить, для свѣдѣнія и руководства, правленіямъ всѣхъ духовныхъ семинарій и училищъ чрезъ напечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“. Приказали: Заключеніе учебнаго комитета утвердить и, для объявленія о семъ, къ руководству и исполненію правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

V. Отъ 6-го—22-го февраля 1885 года за № 38, о воспитанникахъ духовныхъ семинарій и училищъ изъ дѣтей армейскаго и гвардейскаго духовенства.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25-го января сего года за № 1317, съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, по возбужденному временно управляющимъ гвардейскимъ духовенствомъ, главнымъ священникомъ арміи и флотовъ, вопросу о томъ, могутъ-ли воспитанники духовныхъ семинарій и училищъ изъ дѣтей армейскаго и гвардейскаго духовенства получать на руки назначаемыя на ихъ содержаніе въ учебныхъ заведеніяхъ деньги, безъ поступленія въ общежитіе при тѣхъ заведеніяхъ? Принимая во вниманіе, что всѣ казеннокоштные воспитанники духовныхъ семинарій помѣщаются въ учреждаемыхъ при семинаріяхъ общежитіяхъ и Святѣйшимъ Синодомъ постановлено, чтобы назначаемыя на содержаніе сихъ воспитанниковъ суммы ни въ какомъ случаѣ не были выдаваемы имъ на руки, что въ настоящее время при многихъ духовныхъ училищахъ учреждены также общежитія для учениковъ и что воспитанники изъ дѣтей военнаго духовенства содержатся не только

на суммы, вносимыя отъ церквей военнаго вѣдомства, но и на средства Святѣйшаго Синода и потому, по опредѣленію Святѣйшаго Синода 11-го—20-го сентября 1874 года, на нихъ распространены всѣ, изложенныя въ уставѣ и относящихся къ нему постановленія Святѣйшаго Синода, требованія какъ при приѣмѣ сихъ воспитанниковъ въ общежитія, такъ и при лишеніи ихъ казеннаго содержанія, Хозяйственное Управленіе полагаетъ установить правиломъ, чтобы воспитанники изъ дѣтей военнаго духовенства, на содержаніе которыхъ ассигнуется сумма центральнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода, обязательно помѣщались въ учрежденныхъ при семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ общежитіяхъ и чтобы деньги, ассигнуемыя на ихъ содержаніе, ни въ какомъ случаѣ, не были выдаваемы имъ на руки, за исключеніемъ лишь тѣхъ духовныхъ училищъ, при которыхъ еще не устроены духовенствомъ общежитія для учениковъ, о чемъ и сообщить для руководства правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ. **П р и к а з а л и:** Заключение Хозяйственнаго Управленія утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

VI. Отъ 14 марта—2 апрѣля 1885 года за № 546, о способѣ избранія духовника семинаріи и нормальномъ возрастѣ, экзаменахъ и баллахъ для воспитанниковъ семинарій.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 28 февраля сего года за № 164, журналъ Учебнаго Комитета, № 65, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденнымъ правленіемъ одной духовной семинаріи вопросамъ: 1) какимъ способомъ должно производиться избраніе духовника семинаріи, — посредствомъ закрытой баллотировки, или же открытою подачею голосовъ? 2) имѣетъ-ли семинарское правленіе право принимать въ 1-й и послѣдующіе классы семинаріи воспитанниковъ на полгода старше или моложе установленнаго новымъ семинарскимъ уставомъ возраста? 3) нужно-ли лицъ, желающихъ поступить въ V классъ для изученія богословскихъ наукъ, подвергать экзамену по основному богословію, гомилетикѣ, литургикѣ и церковной исторіи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ эти науки будутъ проходиться въ IV-мъ классѣ? 4) должно-ли баллу по церковному пѣнію, которое вводится въ кругъ обязательныхъ семинарскихъ предметовъ, давать, при переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой, одинаковое

значеніе съ баллами по прочимъ предметамъ семинарскаго курса, или не распространять таковаго значенія на церковное пѣніе, къ которому многіе воспитанники могутъ быть неспособны по природѣ или по состоянію здоровья? и 5) такъ какъ по новому семинарскому уставу изученіе богословскихъ предметовъ—основнаго богословія, гомилетики, литургіи и церковной исторіи начинается съ IV класса, то нужно-ли баллы по означеннымъ предметамъ, полученные учениками въ IV классѣ, имѣть въ виду при удостоеніи ихъ званія студента, или слѣдуетъ по прежнему брать въ расчетъ только баллы, полученные учениками въ V-мъ и VI-мъ классахъ? Соображаясь съ общимъ направленіемъ и нѣкоторыми отдѣльными постановленіями Высочайше утвержденнаго въ 22 день августа минувшаго года устава духовныхъ семинарій, Учебный Комитетъ, въ разрѣшеніе возбужденныхъ вопросовъ, полагалъ-бы сообщить къ свѣдѣнію и руководству правленія всѣхъ духовныхъ семинарій: 1) такъ какъ никакія баллотировки, ни закрытыя, ни открытыя въ правленіяхъ духовныхъ семинарій не узаконяются новымъ уставомъ, напротивъ *„для въ правленіи разрѣшаются, по возможности, единодушнымъ соглашеніемъ“* (§ 102), то при избраніи лицъ на должность духовника семинаріи отнюдь не должна имѣть мѣста никакая баллотировка, а избраніе должно совершаться согласно точному смыслу вышеприведеннаго § 102 устава духовныхъ семинарій; 2) такъ какъ возрастъ поступающихъ въ I классъ воспитанниковъ возвышенъ новымъ уставомъ на два года сравнительно съ нормою, опредѣленною прежнимъ уставомъ, именно, по § 114-му новаго устава въ первый классъ поступаютъ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ, то никакихъ отступленій отъ сей послѣдней нормы впредь не должно быть допускаемо; 3) воспитанники свѣтскихъ учебныхъ заведеній, или другія лица, желающія поступить въ V классъ семинаріи для изученія предметовъ богословскаго образованія, необходимо должны подвергаться испытанію въ тѣхъ богословскихъ предметахъ, которыхъ они не проходили въ свѣтскихъ заведеніяхъ, на точномъ основаніи § 115 устава духовныхъ семинарій, и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и воспитанники духовныхъ семинарій; какія-бы то ни было изъятія изъ этого требованія въ пользу указанныхъ лицъ не имѣютъ основанія въ уставѣ; 4) такъ какъ церковное пѣніе относится по существу своему къ разряду искусствъ, а не наукъ, и способность къ изученію этого искусства находится въ тѣсной зависимости отъ состоянія здоровья и устройства физическихъ органовъ учащихся (груди, горла, слуха), то хотя обученіе этому искусству и обязательно для всѣхъ воспитанниковъ,

тѣмъ не менѣе баллу по церковному пѣнію, при переводѣ воспитанниковъ изъ класса въ классъ, и при окончаніи ими полного курса ученія, не слѣдуетъ придавать одинаковаго значенія съ баллами по наукамъ семинарскаго курса; при семъ нельзя опасаться того, что воспитанники, при данномъ порядкѣ, не будутъ съ должнымъ вниманіемъ относиться къ церковному пѣнію, независимо отъ значенія балловъ по церковному пѣнію сравнительно съ прочими баллами, семинарскія начальства имѣютъ въ рукахъ своихъ много средствъ къ предупрежденію лѣности и небрежности воспитанниковъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, и наконецъ, 5) такъ какъ по распредѣленію учебныхъ предметовъ семинарскаго курса, данному новымъ уставомъ, спеціально-богословское образованіе воспитанниковъ не ограничивается двумя высшими классами, какъ было прежде, но начинается ранѣе, а именно изученіе церковной исторіи, общей и исторіи Россійской Церкви, и обличенія раскола—съ III класса, а изученіе другихъ богословскихъ предметовъ: основнаго богословія, гомилетики, литургики—съ VI класса, то, при удостоеніи оканчивающихъ полный курсъ ученія воспитанниковъ духовныхъ семинарій званія студента семинаріи, несправедливо было-бы принимать во вниманіе только баллы двухъ послѣднихъ классовъ, напротивъ слѣдуетъ принимать во вниманіе и тѣ отмѣтки по предметамъ, собственно богословскимъ, которыя получены учениками въ низшихъ классахъ. **П р и к а з а л и:** Изложенное заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для руководства правленіемъ духовныхъ семинарій, сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

VII. Отъ 7 марта—5 апрѣля 1885 года за № 468, о порядкѣ назначенія учителей приготовительныхъ классовъ въ дух. училища и вообще объ устройствѣ и постановкѣ сихъ классовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 3 минувшаго марта за № 151, журналъ Учебнаго Комитета № 74, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденнымъ правленіемъ одной духовной семинаріи вопросамъ: а) о порядкѣ назначенія учителей приготовительныхъ классовъ въ духовныхъ училищахъ и б) должно-ли вообще въ устройствѣ и постановкѣ сихъ классовъ слѣдовать циркулярному указу Святѣйшаго Синода, отъ 21 мая 1873 года за № 19. **П р и к а з а л и:** Разсмотрѣвъ настоящій журналъ, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: въ разрѣшеніе возбужденныхъ

правленіемъ одной духовной семинаріи вопросовъ разъяснить правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, что на учительскія должности въ приготовительныхъ классахъ должны быть опредѣляемы окончившіе курсъ воспитанники семинарій порядкомъ, указаннымъ въ примѣчаніи къ § 61 устава духовныхъ училищъ, и что постановленія Святѣйшаго Синода относительно устройства и постановки приготовительныхъ классовъ при духовныхъ училищахъ, изложенныя въ циркулярномъ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 21 мая 1873 года за № 19, какъ не отмѣненныя послѣдующими узаконеніями, должны сохранять свою силу, о чемъ, для объявленія правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Описокъ лицъ, кои Всемилостивѣйше удостоены, въ 24-й день марта 1885 года, наградою Высочайше жалуемыхъ.

Орденомъ св. Владиміра 4-й степени г. Харькова, Воскресенской церкви, протоіерей *Гавріиль Ѳедоровскій*; орденомъ св. Анны 2-й степени: г. Харькова, церкви первой мужской гимназіи, протоіерей *Павель Солдатовъ*; Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Мерефы, протоіерей *Николай Соколовскій*; г. Харькова, Дмитріевской церкви, протоіерей *Іоаннъ Чижевскій*; орденомъ св. Анны 3-й степени: г. Харькова, Благовѣщенской церкви, священникъ *Аполлонъ Ильинскій*; Изюмскаго уѣзда, церкви села Грушевахи, протоіерей *Даніиль Лазаревскій*; г. Зміева, соборной Троицкой церкви, протоіерей *Іоаннъ Рудинскій*; г. Сумъ, Троицкой церкви, протоіерей *Іоаннъ Максимовичъ*; церкви Харьковскаго тюремнаго замка, священникъ *Стефанъ Любичскій* и Изюмскаго уѣзда, церкви слободы Гусаровки, протоіерей *Павель Ковалевскій*. Священнику церкви Харьковскаго земледѣльческаго училища *Андрею Григоренкову* преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Діаконъ Троицкой церкви слободы Ново-Глухова, Купянскаго уѣзда, *Варѳоломей Іосифовъ*, рукоположенъ во священника къ Николаевской церкви слободы Спѣваковки, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ діаконъ *Константинъ Фаворовъ* утвержденъ штатнымъ діакономъ къ Троицкой церкви города Славянска.

— Псаломщикъ діаконъ *Павель Стахевичъ* утвержденъ штатнымъ діакономъ къ Преображенской церкви г. Харькова.

— Псаломщикъ діаконъ *Федоръ Шикинъ* утвержденъ штатнымъ діаконемъ при Вознесенской церкви г. Харькова.

— Псаломщикъ діаконъ *Симеонъ Полтавцевъ* утвержденъ штатнымъ діаконемъ къ Архангело-Миханловской церкви г. Харькова.

— Псаломщикъ діаконъ *Димитрій Максимовъ* утвержденъ штатнымъ діаконемъ къ Воскресенской церкви г. Харькова.

— Псаломщикъ *Иванъ Твердохльбовъ* переименъ штатнымъ псаломщикомъ отъ Петро-Павловской церкви г. Харькова къ Вознесенской церкви г. Харькова.

— Псаломщикъ Константино-Еленовской церкви г. Харькова *Николай Стенурскій* переименъ штатнымъ псаломщикомъ къ Архангело-Миханловской церкви г. Харькова.

— И. д. псаломщика Тихоновской церкви села Борщеваго, Харьковскаго уѣзда, *Евграфъ Соколовскій* переименъ штатнымъ псаломщикомъ къ Воскресенской церкви г. Харькова.

— Личный почетный гражданинъ *Николай Туканевъ* опредѣленъ 18 сего апрѣля псаломщикомъ къ Вознесенской церкви села Вобрика, Сумскаго уѣзда.

— Діаконъ Троицкой церкви села Должика, Лебединскаго уѣзда, *Николай Степанскій* 12 сего апрѣля, согласно прошенію, уволенъ по болѣзни, на 6 мѣсяцевъ, отъ должности впредь до выздоровленія.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Псаломщикія: 1) *Въ Харьковъ* при Преображенской церкви; 2) *въ Харьковъ* при Петро-Павловской, на Журавлевкѣ, церкви; 3) *въ Краснокутскѣ*, Богодуховскаго уѣзда при Николаевской церкви; 4) *въ Нижней Дуванкѣ*, Купянскаго уѣзда при Осодоро-Стратилатовской церкви.

Предисаніе Епархіальнаго Начальства.

Епархіальное начальство предписываетъ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, настоятелю Харьковскаго кафедральнаго собора и благочиннымъ Харьковской епархіи—распорядиться, чтобы въ подвѣдомыхъ имъ церквахъ, послѣ литургіи въ праздничный день, было священниками прочитано ниже помѣщаемое воззваніе комитета, учрежденнаго въ г. Ригѣ для сбора пожертвованій на возстановленіе разрушеннаго Свято-Духовскаго храма въ г. Якобштадтѣ, Курляндской губерніи, и чтобы священники пригласили

присутствующихъ въ храмахъ къ посильнымъ пожертвованіямъ, которыя и доставили-бы въ консисторію, если таковыя послѣдуютъ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ЖЕРТВОВАТЕЛЯМЪ.

Православные люди!

Совершилось ужасное злодѣяніе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ благочестиваго русскаго народа!

Не въ бурную пору вражескаго нашествія, когда разрушительныя орудія войны не щадятъ и храмовъ Божіихъ; нѣтъ, среди глубокаго мира и тишины святотатственная рука безбожнаго нечестивца дерзнула, въ 16-й день января текущаго года, взорвать на воздухъ и истребить огнемъ древнѣйшій памятникъ православія на протяженіи всей Прибалтійской нашей окраины! Благолѣпно обновленный стараніями Прибалтійскаго братства на дарованныя Августѣйшею его покровительницею и другими благочестивыми дателями средства, храмъ Сочествія Святаго Духа въ городѣ Якобштадтѣ, Курляндской губерніи, только что освященный вновь, послѣ тридцатилѣтняго слишкомъ запустѣнія, въ 1-й день ноября минувшаго года торжественнымъ соборомъ трехъ святителей — высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и преосвященныхъ епископовъ, Доната Рижскаго и Митавскаго, и Сергія Ковенскаго, — разрушенъ и превращенъ въ груды пепла и развалинъ.

Невознаградима сія утрата для почитателей церковной древности, особенно-же въ краѣ, столь бѣдномъ таковою! Смирлемся предъ неисповѣдимыми путями Всевышняго Промысла, попустившаго за грѣхи наши такое страшное злодѣяніе, молимъ Создателя простить наши прегрѣшенія, но да не пребудемъ въ бездѣйствіи и бодренно да воспрянемъ на дѣланіе Божіе!

Благочестивые христіане! Честь и достоинство православія требуютъ неотложно сооруженія, взамѣнъ взорваннаго на воздухъ и преданнаго сожженію дома Божія, еще болѣе благолѣпнаго храма, да не останется въ пустѣ мѣсто исторической святыни, гдѣ приносилъ нѣкогда благодарственное Господу Богу молебствіе возвращавшій Россіи древнее ея достояніе знаменитый полководецъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, подарившій сему храму участокъ купленной имъ для него земли, и донинѣ находящійся въ пользованіи церковнаго причта, — той святыни, гдѣ въ теченіи двухъ вѣковъ возносились моленія православныхъ христіанъ о благѣ ихъ русскаго отечества и верховныхъ вождей его.

Якобштадскій Святодуховскій храмъ долгое время теплился единственнымъ свѣточемъ православія, изливавшимъ тихое блистаніе свое на окрестныя языки разноплеменнаго Придвинья и былъ общепочитаемымъ мѣстомъ селенія всечестныя иконы Богоматери, отъ первыхъ временъ существованія основаннаго бѣлорусскими выходцами города Якобштадта по нынѣ сіяющей благодатию чудодѣйственнаго исцѣленія болящихъ.

Неужели-же мы допустимъ померкнуть сему свѣтильнику православія? Да не будетъ этого! Напротивъ того на всѣхъ православныхъ русскихъ людяхъ лежитъ священный долгъ: по мѣрѣ своихъ средствъ и силъ содѣйствовать сооруженію вновь еще болѣе благолѣпнаго храма, для водворенія въ немъ чудотворныя иконы Якобштадскія Богоматери, во славу дорогаго намъ всѣмъ православія и въ посрамленіе нечестиваго злодѣя, посягнувшаго на истребленіе дома Божія и, въ слѣпой враждѣ своей, дерзнувшаго помыслить, что устрашится его вся Святая Русь.

Въ святомъ дѣлѣ сооруженія новаго храма да примутъ участіе всѣ русскіе люди: и высокій и смиренный, и богатый и убогій, да затеплится вновь неспровергнутый свѣтильникъ православія на прежнемъ-же мѣстѣ!

Порадѣйте, православные, на всемірную свѣщу!

Члены комитета по сбору пожертвованій на возстановленіе разрушеннаго православнаго Свято-Духовскаго храма въ городѣ Якобштадтѣ, Курляндской губерніи:

И. Ю. Вялошевъ, Л. Н. Витвицкій (дѣлопроизводитель), И. В. Гусевъ, И. М. Желтовъ, Е. А. Камкинъ, А. М. Курочкинъ, И. М. Мужинъ, И. К. Мужинъ, Н. Д. Меркульевъ, А. Н. Путиловъ, Ф. А. Рябининъ, Я. В. Степановъ, Е. В. Чешихинъ (товарищъ предсѣдателя), И. А. Шутовъ (предсѣдатель), С. Г. Шибасевъ.

Вышеозначенный комитетъ, учрежденный съ благословенія преосвященнаго Доната, епископа Рижскаго и Митавскаго, и съ разрѣшенія господина Лифляндскаго губернатора, имѣетъ честь покорнѣйше просить гг. иногородныхъ особъ, желающихъ своими пожертвованіями участвовать въ возстановленіи Свято-Духовскаго храма въ г. Якобштадтѣ, отправлять таковыя или въ канцелярію Лифляндскаго губернатора, или въ 3-е Рижское общество взаимнаго кредита, на имя предсѣдателя Комитета, Игнатія Александровича Шутова. Рижскіе-же городскіе жители благоволятъ свои пожертвованія доставлять или въ канцелярію губернатора, или членамъ комитета: гг. Е. А. Камкину, Н. Д. Меркулеву, А. Н. Путилову и И. В. Гусеву, коимъ порученъ сборъ пожертвованій въ г. Ригѣ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Значеніе празднества свв. просвѣтителей славянъ Меѳодія и Кирилла.— Настоятельная нужда просвѣщенія народа въ духѣ православной Церкви.— Изъ прошлаго Свято-Духовскаго монастыря и храма въ г. Якобштадтѣ. — Некрологъ.

— Празднество въ честь просвѣтителей славянъ Меѳодія и Кирилла немало дало нашему сознанию. И чѣмъ болѣе проходитъ времени, тѣмъ болѣе оказывается благихъ отъ него плодовъ. Сколько явилось изданій, знакомящихъ съ древнѣйшею исторіею славянства, жизнеописаній и другихъ книжекъ и брошюръ! Кстати замѣтить, что Святѣйшимъ Синодомъ изданы: древнѣйшія славянскія службы свв. Кириллу и Меѳодію (съ рукописей XII—XIII в., изслѣдованныхъ трудами ученыхъ—Горскаго, Григоровича и Срезневскаго и сличенныхъ между собою) и древнѣйшее, такъ называемое „паннонское“ житіе св. Меѳодія. Сколько затѣмъ выражено благихъ пожеланій, клонящихся къ улучшенію взаимныхъ отношеній славянъ и въ частности нашего народно-церковнаго быта! Значеніе церковно-славянскаго языка и церковно-приходской школы все болѣе и болѣе уясняется для нашего сознанія—подъ вліяніемъ именно воспоминаній о дѣятельности славянскихъ апостоловъ. Религіозная сторона народной жизни начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе образованнаго общества; даже съ этой стороны (а не отъ духовенства только) являются, напримѣръ, запросы на пособія для народа къ уразумѣнію Св. Писанія. Такъ, авторъ одной статьи въ „Прав. Вѣстн.“ проситъ для народа общепонятныхъ и дешевыхъ: 1) изданій Библии съ предисловіями, оглавленіями (съ изложеніемъ содержанія каждой главы), контекстами; 2) руководствъ къ чтенію Св. Писанія, 3) истолкованій на основаніи св. отцевъ. „Все это, вмѣстѣ съ прочими благими мѣропріятіями, замѣчаетъ авторъ, могло-бы послужить достойнымъ памятникомъ нашимъ святымъ первоучителямъ“.

— Просвѣщеніе народа въ духѣ православной Церкви дѣйствительно достойный предметъ для заботъ нашихъ многочисленныхъ народолюбцевъ изъ образованныхъ классовъ.

Этого просвѣщенія ждетъ прежде всего весь русскій православный народъ, который одинъ доселѣ пребываетъ въ большомъ религіозномъ невѣжествѣ. Всякій римскій католикъ (говоритъ преосв. епископъ Херсонскій Никаноръ, см. „Кіевлян.“ № 65), всякій протестантъ, даже увы! русскій татаринъ, еврейскій мальчикъ, штун-

дистъ обязаны знать грамотѣ и изучить свою вѣру. Католикъ и протестантъ, около 15-лѣтняго возраста, испытываются въ знаніи вѣры и если оказываются несвѣдущими, не удостоиваются конфирмаціи, т. е. таинства муропомазанія (у католиковъ) и перваго причастія (у протестантовъ). „Въ какой-же вѣрѣ и въ какой церкви вѣрующей можетъ родиться, жить и умереть, вовсе не изучая и не зная своей вѣры? Единственно у насъ. Горько, позорно, но истинно!“—замѣчаетъ преосвященный.

Этого просвѣщенія ждуть отъ православной Церкви и разные инородцы, на примѣръ эсты, во множествѣ (до $\frac{2}{3}$) склонные къ переходу въ православіе и привлекаемые, какъ пишутъ въ „Голосѣ Москвы“ (№ 74), именно жаждою просвѣщенія, жаждою обнаруживающеюся преимущественно въ молодомъ поколѣніи: „дѣти являются нынѣ главными двигателями движенія; нерѣдко помимо воли и безъ вѣдома родителей являются они къ священнику съ выраженіемъ желанія перейти въ православіе“. Нѣмцы-лютеране замѣтили это и стараются поднять уровень образованія въ своихъ школахъ, внушаютъ эстонцамъ, что „у православныхъ нѣтъ ни порядочной школы, ни порядочныхъ школьныхъ учебниковъ, ни книгъ релігіозно-нравственнаго содержанія“, и наконецъ разными способами препятствуютъ приобрѣтенію помѣщеній подъ православныя школы. „Горе православію, если замыслы балтійскихъ нѣмцевъ, относительно поднятія уровня образованія въ лютеранскихъ школахъ, осуществятся!“ Къ сожалѣнію, по извѣстіямъ той-же газеты (№ 84), „давно ожидаемая постройка церквей въ Остзейскомъ краѣ до сихъ поръ нигдѣ еще не началась; есть мѣста, гдѣ до сихъ поръ не удалось завести и сколько-нибудь правильнаго обученія дѣтей. Все это какъ нельзя болѣе на руку пасторамъ“, которые разглашаютъ, будто „вышнія власти не сочувствуютъ переходамъ въ православіе“. Въ результатѣ: „въ южныхъ новоучрежденныхъ приходахъ настроеніе умовъ нынѣшнею весною оказывается взволнованнымъ, есть случаи возвращенія одиночекъ въ лютеранство“. Трудно строить церкви тамъ, гдѣ ихъ взрываютъ! Кстати, объ Якобштадтской церкви „Гражданинъ“ извѣщаетъ: „доселѣ открытъ только жидокъ, заподозрѣнный въ совершеніи преступленія или въ участіи въ устройствѣ взрыва,—но только какъ слѣпой исполнитель чьей-то воли и чьего-то умысла; а затѣмъ ничего другаго не открыто“.

Не по вкусу пришлось это образованіе въ духѣ православной Церкви не однимъ только лютеранамъ, но и нашимъ либераламъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, желала-бы устроить церковно-приходскую школу „Недѣля“ (№ 11). „Мы знаемъ, что многіе готовы едва не всѣ учебныя часы въ приходской школѣ удѣлить воспитанію, которое они называютъ религіознымъ и которое теперь выражается въ этихъ школахъ безтолковымъ долбленіемъ псалтири и часослова, или буквальнымъ заучиваніемъ изъ книги догматовъ и т. п. Развѣ можетъ добросовѣстный человѣкъ, имѣющій здравыя понятія о религіи, назвать такое мученіе десятилѣтнихъ дѣтей религіознымъ воспитаніемъ? Оно способно воспитать изъ нихъ только будущихъ ханжей и лицемѣровъ. Не скупитесь поэтому дать больше времени наукѣ свѣтской; она—свѣтъ (?), и закрывать его отъ дѣтей—анти-религіозно (?). Если вамъ желательно, чтобы крестьянинъ болѣе обширно и подробно зналъ догматы и требованія религіи, учите его тогда, когда онъ уже можетъ это воспринять, когда у него есть для этого нужныя устои (?), а въ дѣтской школѣ этому не можетъ быть мѣста (?), если не хотите напраснымъ напряженіемъ силъ притупить умственные способности ребенка“.

Невольно припоминается извѣстное восклицаніе Дистервега: „vivat школа, pereat церковь!“ Справедливо замѣтилъ нѣкій „сомнѣвающийся земець“ въ прекрасныхъ статьяхъ „Южнаго Края“ (№№ 1446—7): „мы знаемъ, какой безпорядокъ, какой сумбуръ идей въ жизнь западнаго общества внесла новая школа. То, чего философія не въ силахъ была достигнуть (изгнанія закона Божія изъ школьнаго преподаванія, повсемѣстной въ 1848 г. революціи, и социализма и коммунизма нашихъ временъ) въ два столѣтія, того въ полстолѣтія добилаcь школьная педагогія по типу, излюбленному нашими доктринерами-педагогами. Нашего реальнаго учителя замѣняйте—и скорѣе—священникомъ“ („Церк. Вѣст.“).

— Въ виду помѣщаемаго выше воззванія къ жертвователямъ на возобновленіе Свято-Духовскаго храма въ городѣ Якобштадтѣ, считаемъ не лишнимъ заимствовать изъ „Рижскаго Вѣстника“ краткій историческій очеркъ этого храма.

„Не миновало и трехъ мѣсяцевъ послѣ торжественныхъ освященій православныхъ храмовъ, каѳедральнаго собора во имя Рождества Христа Спасителя въ Ригѣ (28-го октября) и Свято-Духовскаго въ Якобштадтѣ (1-го ноября), какъ въ Ригѣ была получена ужасающая вѣсть: 16 января Свято-Духовскій храмъ въ Якобштадтѣ рукою какого-то злобнаго нечестивца взорванъ и преданъ огню. Никто не хотѣлъ вѣрить этой вѣсти, до того она была невѣроятна и чудовищна; но, къ несчастію, она оправдалась во всей силѣ:

дѣйствительно храмъ, два столбѣтя группировавшій вокругъ себя борцовъ за православіе и русскую народность, исчезъ съ лица земли, разрушенный и сожженный; испровергнуты и уничтожены труды и заботы Спасскаго братства, и отъ вѣковой святыни остались лишь груды пепла, да воспоминанія о его прошломъ, поучительномъ для всѣхъ насъ, русско-православныхъ людей...

- Достоверная исторія нашего отечества застаётъ земли по верховьямъ и срединѣ Двины населенными славянскимъ племенемъ кривичей, составившимъ Полоцкое княженіе, а земли по нижнему теченію Двины занятыми литовскимъ племенемъ латышей, потѣснившимъ финновъ къ побережью Балтійскаго моря, но вмѣстѣ съ тѣмъ застаётъ литовскіе и финскіе народы, обитавшіе нынѣшнія Прибалтійскія губерніи, находящимися подъ вліяніемъ кривичей полоцкихъ и кривичей новгородскихъ, — застаётъ рѣку Западную Двину уже извѣстною скандинавскимъ мореходцамъ, какъ второй водный путь въ Византію. Эта рѣка искони служила торговымъ путемъ для всѣхъ земель ея обширнаго бассейна и когда островъ Готландъ, находящійся на Балтійскомъ морѣ между побережьемъ Швеціи и нынѣшней Курляндской губерніи, явился средоточіемъ торговли всѣхъ сѣверныхъ странъ, то полоцкіе и смоленскіе купцы хаживали на своихъ ладьяхъ на этотъ островъ, привозя Двиною и изъ нея моремъ въ главный городъ острова Висби мѣха, воскъ и др. русскіе товары, привозя оттуда въ Россію сукно, желѣзныя издѣлія и др. продукты странъ европейскихъ. Торговля обусловила появленіе на Двинѣ русскихъ поселковъ, изъ которыхъ Герсикъ и Кукейнось составили небольшія волости, удѣлы князей полоцкихъ; полочане, однако, не озаботились закрѣпленіемъ за собою естественной морской гавани всего Двинскаго бассейна устья Двины постройкою укрѣпленнаго городка. Скоро послѣ основанія Риги русскіе подвинскіе городки, Кукейнось и Герсикъ, были покорены нѣмецкими католиками и русскіе поселки въ ливонскихъ и латышскихъ земляхъ прекратили свое существованіе. Нѣмецкіе католики перестроили и укрѣпили Кукейнось (нынѣ Кокенгузенъ), но Герсикъ разорили и сожгли до-гла и затѣмъ не возобновляли, такъ что отъ этого поселка и слѣда не осталось. Католики, однако, позволили русскимъ жить въ Кукейнось, при разгромѣ-же Герсика не преслѣдовали тѣхъ русскихъ, которые бѣжали отъ нихъ изъ этого городка. Когда папскій легатъ, епископъ Моденскій Вильгельмъ, объѣзжалъ въ 1226 году Рижское и Дерптское католическія епископства, то былъ и въ Кокенгузенѣ, здѣсь поу-

чалъ жителей католической вѣрѣ и въ числѣ его слушателей находились, какъ свидѣтельствуеть древнѣйшій ливонскій лѣтописецъ, католическій священникъ Генрихъ, и русскіе. Полочане, впрочемъ, не скоро бросили Двинскія побережья. До насъ дошла папская булла, которою предписывалось епископу Альберту обратить особенное вниманіе на то, что изъ Полоцка приходятъ въ подвинскія земли русскіе (конечно, священники), которые расторгаютъ браки, заключенные съ католиками, научаютъ подвинскихъ жителей не соблюдать католическихъ праздниковъ и обрядовъ. Епископу предписывалось этою буллою употребить власть апостольскую противъ распространенія „греческой схизмы“ въ подвинскихъ мѣстахъ тогдашняго Рижскаго католическаго епископства.

Темное, отдаленное преданіе (прямыми историческими документами, однако-же, не подкрѣпляемое) гласитъ, что русскіе жители Герсика, при разореніи и сожженіи католиками его, бѣжали не въ Полоцкъ, а переправились на лѣвый берегъ Двины, гдѣ и поселились между Латышами-Селонами, давъ такимъ образомъ начало русскому поселку на лѣвомъ берегу Двины. Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ этомъ преданіи: бѣгство за Двину было обычнымъ дѣломъ и самъ Герсикскій князь Всеволодъ, при первомъ нападеніи католиковъ, бѣжалъ именно за Двину и съ лѣваго берега ея смотрѣлъ на пожаръ своего городка.

Шли годы, и съ ними измѣнялись обстоятельства. Вскорѣ послѣ смерти Владиміра (изъ Всеславичей), Полоцкимъ столомъ овладѣли литовскіе князья, которые со своими дружинами легко подчинились русской гражданственности: приняли православіе и русскій языкъ, вступили въ брачныя союзы съ коренными русскими князьями и поддерживали торговыя связи съ Ригою. Торговое судоходство по Двинѣ развивалось, появилась нѣмецкая торговая контора въ самомъ Полоцкѣ, а съ развитіемъ торга начали появляться и русскіе поселки на Двинѣ, но уже на лѣвомъ берегу Двины въ земляхъ, составившихъ съ 1561 г. Курляндское герцогство. Поселки эти начались отъ Друи и доходили почти до Зельбурга. Жители этихъ поселковъ, лоцманы и судорабочіе по преимуществу (не мало было, конечно, и латышей между ними), всѣ были православные, имѣли свои церкви и священниковъ, подчинявшихся Полоцкому владыкѣ, и когда съ 1582 г. папскій легатъ, Антоній Поссевинъ, проѣздомъ изъ Москвы въ Ригу, остановясь въ Илукштѣ, совершилъ литургію въ первый день Пасхи, то не нашелъ во всемъ этомъ городкѣ ни одного дома, ни одной души католической: всѣ жители были православные поголовно.

Во время кровопролитныхъ войнъ между шведами и поляками, происходившихъ въ первой половинѣ XVII ст., многіе русскіе поселки, ближайшіе къ театру войны, запустѣли: жители покинули ихъ и начали возвращаться на свои пепелища уже послѣ Оливскаго замиренія (1660 г.). Жители одной изъ такихъ русскихъ слободъ, находившихся въ Зельбургскомъ уѣздѣ, разбѣжавшіеся въ военное время, воротились на свои пепелища и поселились на лѣвомъ берегу Двины какъ-разъ противъ Крейдбурга, недалеко отъ герцогскаго имѣнія Гольмъ. Русский поселокъ быстро росъ и въ какіе-нибудь 10 лѣтъ, къ 1670 г., обратился въ цѣлый городъ, такъ что герцогъ Курляндскій Іаковъ (1642—1681 г., его правленіе было цвѣтущимъ временемъ герцогства), много заботившійся о благосостояніи своего края, счелъ необходимымъ и полезнымъ возвести русскую слободу на степень города. 12 февраля 1670 г. онъ даровалъ русской слободѣ грамоту (полицейскій уставъ), кою слобода возводилась на степень города и получила право во всѣхъ дѣлахъ руководствоваться правомъ Магдебургскимъ, причемъ разрѣшалось русскому населенію новаго города имѣть своихъ православныхъ священниковъ, строить церкви и училища съ отпускомъ для своо на первый разъ лѣсу изъ герцогскаго имѣнія.

Новый городъ, въ честь герцога, получилъ названіе Якобштадта.

Пользуясь полученными правами (и, конечно, герцогскимъ лѣсомъ), православные жители Якобштадта построили для себя приходскую церковь св. Николая и мужской монастырь Св. Духа. Работы, по всей вѣроятности производились въ 1670—1675 г. Монастырь былъ деревянный и при немъ были построены двѣ церкви: монастырская Св. Духа и кладбищенская св. Георгія. Впослѣдствіи, но уже гораздо позднѣе, при монастырѣ была построена маленькая, существующая и по-нынѣ, каменная церковь св. Николая. Отъ древней Николаевской и отъ кладбищенской Георгіевской въ настоящее время не осталось и слѣдовъ; монастырскія-же кельи сгорѣли во время пожара въ 1881 г.

Не слѣдуетъ забывать, что герцогство Курляндское въ тѣ времена составляло вассальное владѣніе Рѣчи Посполитой Польской и потому герцоги никакъ не могли черезъ-чуръ сильно становиться въ разрѣзъ съ желаніями польскаго правительства: олатынить и ополячить всѣхъ русскихъ, какіе только жили въ земляхъ Короны и Западной Россіи, посредствомъ уніи.

Извѣстно, что унія началась съ 8—10 октября 1596 г. измѣною 8 южно-русскихъ архіереевъ православію и русской народности.

Эти предатели, руководимые іезуитами, передались папѣ и съ 1596 г. начали распространять унію каждый въ своей епархіи. Многіе изъ православныхъ владыкъ; въ томъ числѣ и владыки полоцкіе, къ позору и посрамленію своему, послѣдовали примѣру восьмерыхъ основателей Врестской уніи и передались папѣ, отрекшись отъ православія и своей народности. Вслѣдствіе такихъ отреченій многія православныя епархіи въ Западной Россіи, находившейся въ то время подъ властію Польши; остались безъ архіереевъ.

Заручившись измѣною архіереевъ, правительство Рѣчи Посполитой начало принимать мѣры къ насильственному введенію уніи во всей Западной Россіи, какъ переходной вѣрѣ къ полному окатоличенію ея. Исторія свидѣтельствуетъ, что Польша прицѣпилась къ Западной Россіи въ концѣ XIV ст., и, искусственно прицѣпившись, отлично хорошо сознавала, что безъ олатыненія и ополяченія русскихъ княжествъ, составлявшихъ Западную Россію, всѣ акты, всѣ сеймовыя постановленія соединеній Короны съ Западною Россіею не имѣютъ ровно никакого значенія и силы, ибо бѣлоруссы и малороссы и слышать не хотѣли объ отреченіи отъ православія, своей народности, напротивъ, обнаруживали явныя стремленія отцѣпиться отъ своей олатынившейся прицѣпки, приставшей къ нимъ какъ нѣчто неотцѣлимое. Ополячить и олатынить русскихъ сдѣлалось главною задачею прицѣпившихся къ нимъ поляковъ и нельзя сказать, чтобъ стремленія къ такому ополяченію и олатыненію не имѣли ровно никакого успѣха; напротивъ имѣли, ибо верхніе слои населенія Западной Россіи, потомки Рюриковичей и Гедиминовичей, потомки княжескихъ дружинъ не выдержали напора напства, измѣнили православію и своей народности, передались латинству и польщизнѣ, но народныя массы остались непоколебимыми, остались православными и русскими. Вотъ для этихъ-то массъ и была придумана унія отцами іезуитами.

Врестское отступничество подало сигналъ къ дѣйствию: польское правительство и все, что олатынилось и ополячилось, и развратилось іезуитами въ Рѣчи Посполитой, яростно и бѣшено ринулось на православіе, на православныя церкви, на православное духовенство и православный народъ Западной Россіи. Ярость и бѣшенство были до того сильны, что затемнили здравый смыслъ латинянь, такъ что никто изъ нихъ не видѣлъ и не сознавалъ; куда влечетъ ихъ сдача православныхъ церквей въ аренду евреямъ, къ чему ведутъ ихъ іезуиты неслыханными и невиданными поруганіями „хлопской вѣры“. . Лѣтъ черезъ 50 послѣ Врестской измѣны, малороссы

показали латинянамъ, что „хлопская вѣра“ умѣетъ постоять за себя...

Основаніе Якобштадта и православной церкви въ немъ съ православнымъ монастыремъ послѣдовало, когда монашескій униатскій (въ сущности-же іезуитскій) орденъ Вассиліанъ, основанный въ 1607 г. изъ отступниковъ отъ православія и русской народности, широко уже раскинулся на Западной Россіи, когда въ Динабургѣ (съ 1630 г.) прочно сѣли іезуиты, когда униатская пропаганда охватила уже всѣ земли стариннаго Полоцкаго княжества, когда потомки полоцкихъ Всеславичей и Гедиминовичей уже олатынились и ополячились, когда полоцкіе владыки уже измѣнили православію, когда православіе въ бывшемъ Полоцкомъ княженіи, гонимое и искореняемое всячески, видимо угасало. Появленіе въ новооткрытомъ городѣ православной церкви и монастыря и учрежденіе при церкви св. Николая православнаго братства, послѣдовавшее вскорѣ послѣ постройки церкви, сильно не понравились динабургскимъ отцамъ іезуитамъ и они напрягли всѣ усилія, чтобъ русская слобода, т. е. городъ Якобштадтъ перешелъ если не въ латинство, то въ унию. Русскую Иллушту, въ которой въ 1582 г. не было ни одного католика. Они успѣли уже совратить въ унию, такъ что тамъ, ко времени основанія Якобштадта, не осталось уже ни одного православнаго, они задумали сдѣлать тоже самое и въ Якобштадтѣ; начали дѣйствовать на братчиковъ и успѣли разными обольщеніями, на которые іезуиты были мастера несравненные, нѣкоторыхъ совратили въ унию, но это было, конечно, мало, ибо городское управленіе состояло изъ коренныхъ русскихъ и православныхъ, настоятели Николаевской церкви не отступались отъ православія, и въ Свято-Духовскій монастырь нечего было напрасно и являться съ предложеніями объ отступничествѣ отъ православія. Но отцы іезуиты отнюдь не унывали: дѣйствуя всегда ловко и сманивая всегда искусно, они какими-то неизвѣстными путями совратили въ унию якобштадтскаго бурмистра Яна Зуркевича и самого настоятеля Николаевской церкви Михаила Боровскаго, и тѣ, 8 іюля 1721 г., именемъ всего города пригласили въ Якобштадтъ василіанъ. Отцамъ іезуитамъ только этого и нужно было. Василіане уже и прежде бывали въ Якобштадтѣ, втершись и въ братство, и въ самую Николаевскую церковь, но все не могли сѣсть прочно: „оное мѣсто подвержено опасностямъ отъ схизмы“ говорили, въ 1713 г. въ Виленской конгрегаціи, василіане, а Свято-Духовскій монастырь въ особенности явился опаснымъ для измѣнниковъ православію и русской

народности. Въ немъ, какъ писалъ провинціалъ василіанскихъ монастырей Литовской провинціи, Антонъ Завадскій, былъ такой случай: Настоятель Ушачскаго уніатскаго монастыря, Симеонъ Вишняржевскій, осенью 1719 г., бросилъ свой монастырь, уѣхалъ въ Ригу, отсюда пробрался въ Курляндію и Якобштадтъ и 11 ноября 1719 г. въ Свято-Духовскомъ монастырѣ торжественно отрекся отъ папы, іезуитовъ и всѣхъ латинянъ и возвратился въ православіе. Послѣ праздника Рождества Христова въ томъ-же 1719 г. онъ поѣхалъ въ Митаву, представлялся тамъ герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, воротился въ Якобштадтъ и 23 января 1720 г. уѣхалъ въ Петербургъ съ православнымъ іеромонахомъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Вилемъ. „Именемъ Божиимъ заклинаю, писалъ настоятель Илукштскаго уніатскаго монастыря къ Завадскому: пришлите въ Якобштадтъ надежнаго уніатскаго іеромонаха: тамъ всѣ льнуть къ „дизунитамъ“, т. е. православнымъ“.

Предложеніе названныхъ якобштадскихъ отступниковъ было, слѣдовательно, какъ нельзя болѣе кстати. Василіане явились, утвердились въ Николаевской церкви, которую имъ отдалъ Боровскій, а на средства ордена не замедлили построить свой деревянный монастырь Покрова Пресвятой Богородицы (монастырь этотъ въ 1773 году сгорѣлъ, на его мѣсто въ 1783 году былъ построенъ каменный, существующій нынѣ, съ воссоединеніемъ въ 1839 г. перешедшій въ вѣдѣніе православной епархіи). Только теперь они могли считать себя прочно сѣвшими въ городѣ и только теперь могли открыть настоящую кампанію на православныхъ якобштадцевъ. Кампанія была поведена искусно: тѣ изъ жителей Якобштадта, которые были побогаче и позначительнѣе другихъ, приняли унію (замѣчательно, что настоятель новопостроеннаго уніатскаго Покровскаго монастыря, Діонисій Смыковичъ, писалъ къ Завадскому отъ 3 апрѣля 1831 г.: „схизматики, т. е. православные и лютеране обращаются въ унію“). О какихъ это лютеранахъ говорилъ Смыковичъ неизвѣстно),—но всѣ, кто былъ побѣднѣе, остались православными. Ни василіанамъ, ни іезуитамъ все-таки не удалось изъ Якобштадта сдѣлать то, что они дѣлали изъ Илукшты: православіе не искоренили,—мѣшалъ Свято-Духовскій монастырь...

Какъ бы то ни было, но Якобштадтъ съ прибытіемъ василіанъ раздѣлился на два лагеря: въ одномъ сгруппировались уніаты и латиняне, въ другомъ, вокругъ Свято-Духовскаго монастыря, стали православные. Папство и отды іезуиты свое дѣло сдѣлали: вбили кливъ въ русскую слободу руками русскихъ-же предателей (ибо

пасиліане были русскіе по происхожденію) и раскололи слободу на двѣ части.

Но расколоть слободу было мало: все-же за православными, а не за уніатами, оставались права, данныя городу герцогомъ Іаковомъ 12 февраля 1670 г. Надобно было повести дѣло такъ, чтобъ измѣнить эти права, и это было не трудно сдѣлать въ Варшавѣ, гдѣ въ то время бѣшенство противъ православія достигло до крайней степени. Похлопотали, и вотъ, 3 ноября 1744 г., состоялось королевское Августа III подтвержденіе яacobштадтскихъ правъ, данныхъ герцогомъ Іаковомъ, но въ этомъ подтвержденіи включенъ явный подлогъ, ибо было сказано, что Іаковъ далъ преимущества уніатамъ-вассиліанамъ (*presbiteris ordinis divi Basilii Magni ritus Graeco-Uniti*), чего въ подлинной грамотѣ вовсе и не было. Тутъ-то обрушились всѣ бѣды на Свято-Духовскій монастырь. Прежде всего уніаты лишили монастырь всѣхъ угодій и отняли всѣ доходы (отняли и землю, которую купилъ и подарилъ монастырю фельдмаршалъ Шереметевъ, не упускавшій случая посѣщать этотъ монастырь, когда ему приходилось бывать въ Яcobштадтѣ во время шведской войны), начали прибывать по городу пасквили на монастырь, затѣмъ начали бить „смертнымъ боемъ“ монаховъ и настоятеля. Такъ 26 апрѣля 1753 г. іеромонахъ Свято-Духовскаго монастыря, Пахомій Бенкевичъ, не стерпѣвъ, что уніаты прибываютъ къ церквамъ ругательства на православныхъ, одинъ такой пасквиль представилъ бургомистру города Стефану Зуркевичу (уніату) и потребовалъ разсмотрѣнія дѣла. Тогда игумень уніатскаго монастыря (см. городскія ратушныя книги герцогскаго города Яcobштадта за 1753 г.) съ другими монахами и уніатами подкараулили на улицѣ Пахомія, сволокли въ свой монастырь, гдѣ и избили его жестоко, при чемъ самъ игумень рвалъ его за бороду, приговаривая: „вотъ тебѣ императрица! вотъ тебѣ Петербургъ и Москва! вотъ тебѣ генералы и оберъ-раты! Поди теперь, жалуйся!“

Но кому было жаловаться? Курляндскому правительству? Но это правительство, жалкое, безсильное, могло развѣ пойти противъ своего господина Польши, когда въ Польшѣ рукоплескали „смертному бою“ православныхъ и іезуиты сами устраивали эти бои.— Полоцкому владыкѣ? Но тотъ давно самъ сталъ уніатомъ. Владыкѣ моголевскому, къ которому Свято-Духовскій монастырь обращался послѣ измѣны полоцкихъ владыкъ? Но тотъ не только не могъ ничѣмъ помочь, но и самъ претерпѣвалъ отъ напистовъ неслыханныя оскорбленія и „смертный бой“.

Дѣло Пахомія, разумѣется, кончилось ни чѣмъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1760 г., настоятель Свято-Духовскаго монастыря, Кирилъ Козловскій, видя тщету жалобъ на униатовъ, обратился за заступничествомъ къ русскому посланнику въ Митавѣ, Симолину. Въ прошеніи о заступничествѣ было много пунктовъ жалобъ, всѣ они сводились къ одному: напали, ограбили, избили. Симолинъ настоялъ, чтобъ герцогское правительство нарядило судъ для разбора жалобъ православнаго настоятеля и серьезно требовалъ, чтобъ правительство оградило православныхъ яacobштадцевъ отъ униатскихъ и католическихъ разбоевъ. Вслѣдствіе требованія Симолина была наряжена коммисія, но она ровно ничего не сдѣлала. Члены коммисіи: Гейкинъ, Будбергъ, Гаудрыгъ и Витенбергъ подтвердили только, что всѣ жалобы справедливы и обнаружили, что всѣ пожертвованныя Свято-Духовскому монастырю земли и въ городѣ мѣста отняты униатами, что члены магистрата всѣ униаты, всѣ между собою родственники и всѣ дѣла съ православными рѣшаютъ пристрастно.

То, что происходило въ Яcobштадтѣ, въ обширныхъ размѣрахъ происходило по всей Западной Россіи: никакія представленія, ходатайства за православныхъ со стороны петербургскаго кабинета не помогали, никакія угрозы со стороны нашихъ посланниковъ въ Варшавѣ не смиряли иезуитовъ и католиковъ, напротивъ эти представленія и угрозы еще болѣе озлобляли папистовъ. Богъ вѣсть, до чего дошли бы дѣла въ Бѣлоруссіи (Малороссія успѣла отцѣпиться отъ Польши и католиковъ еще въ половинѣ XVI в.), если-бы съ 1772 г. не началось постепенное отцѣпленіе отъ Польши и остальныхъ земель Западной Россіи. Началось съ воссоединенія съ Восточною Россіею земель стариннаго Полоцкаго княжества, но въ какомъ ужасающемъ видѣ воротились потомки полочанъ къ своимъ землякамъ! Верхніе слои населенія поголовно ополячились и олатинились, полоцкіе владыки отреклись отъ православія, въ городахъ и селахъ вѣдрилась унія; православіе сохранилось только у простаго народа...

Какъ-бы то ни было, но все-же наступили новыя времена.

Въ возвращенныхъ Россіи бѣлорусскихъ земляхъ немедленно-же ввели общее учрежденіе о губерніяхъ; католики и униаты вынуждены были прекратить „смертный бой“ православія; и когда уѣзды Динабургскій, Рѣжицкій и Люцинскій (польскіе Инфлянты) были включены въ составъ Россіи, то и отцамъ иезуитамъ въ Динабургѣ пришлось какъ-то не по себѣ: приходилось сокращать пропаганду латинства и оставлять въ покоѣ Свято-Духовскій монастырь.

Дѣйствительно только съ 1772 г. Свято - Духовскій монастырь вздохнулъ отъ тѣсноты и только съ этого времени вздохнулъ свободнѣе. Не мало къ тому послужило и то обстоятельство, что русскій посланникъ въ Митавѣ явился распорядителемъ судебъ Курляндіи, а лифляндскій генераль-губернаторъ Броунъ, хоть и былъ ирландскимъ католикомъ, но всегда былъ готовъ прибѣгнуть къ „кратчайшимъ способамъ“, какъ онъ выражался въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ, по сдержкѣ курляндцевъ (кратчайшіе способы состояли въ военныхъ экзекуціяхъ). Самостоятельное существованіе Курляндіи являлось просто немыслимымъ дѣломъ, потому что, и въ самомъ дѣлѣ, какая-же это самостоятельность, когда не раты и оберъ-раты, не герцогъ и не его правительство, не польскій король и его формулы управленія были распорядителями въ Курляндіи, а русскіе служивые люди: Симолицъ въ Митавѣ и Броунъ въ Ригѣ.

Курляндское герцогство кончило свое существованіе въ 1795 г., превратившись въ Курляндскую губернію, а Свято-Духовскій монастырь вошелъ въ составъ Псковской епархіи и только съ того времени настоящимъ образомъ успокоился отъ бѣдъ и утѣсненій. Ему возвратили то, чѣмъ онъ безспорно владѣлъ въ прежнее время, и уже никто не отваживался „чинить бой“ настоятелямъ его.

О первыхъ настоятеляхъ Свято-Духовскаго монастыря почти ничего неизвѣстно... Свѣдѣнія о нихъ начинаются только съ отдѣленія Польши отъ земель Полоцкаго княжества. Вотъ списокъ монастырскихъ настоятелей:

Въ 1775 г. игуменомъ Свято-Духовскаго монастыря былъ назначенъ Германъ (изъ бѣлорусскихъ мѣщанъ, постриженъ въ монашество бѣлорусскимъ епископомъ Георгіемъ Конисскимъ, въ 1757 г.), который управлялъ до 1802 года; — умеръ въ 1-й половинѣ 1803 года—на 72 г. жизни. Въ 1802 году присланъ изъ Пскова для управленія монастыремъ и братією вдовый протоіерей Іоаннъ Горскій (сынъ священника, кончившій семинарскій курсъ въ Псковѣ въ 1789 г.), 30-го августа 1803 года онъ постриженъ въ монашество благочиннымъ монастырей Спасомирожскимъ архимандритомъ Іаковомъ, и нареченъ Іовомъ; онъ управлялъ до 1804 г. (въ 1805 году онъ переведенъ въ Псково-печерскій монастырь на іеромонашескую вакансію). Въ 1804 году управлялъ монастыремъ казначей, вдовый священникъ Аникита Яковлевъ (изъ эстонцевъ—учился и кончилъ курсъ въ Псковской семинаріи 1774 г. При немъ значится братіи: іеромонахъ Іосифъ, обратившійся изъ уніатства,—

вдовый священникъ Яковъ Димитріевъ; іеродіаконъ Каллистъ, монахъ Иона и послушникъ Петръ Димитріевъ). Въ 1805 г. управлялъ монастыремъ до 1808 г. іеромонахъ Іосифъ (изъ Молдавіи купеческій сынъ, — переведенъ сюда изъ строителей Крынецкаго монастыря и Псковскаго). Въ 1808 г. управлялъ іеромонахъ Павелъ (изъ Торопца — купеческій сынъ, — постриженъ въ монашество въ 1772 году. При немъ въ монастырѣ, кромѣ бѣльца — послушника Димитріева, не было братіи). Въ 1810 г. управлялъ до конца 1813 года строитель, іеромонахъ Никодимъ (изъ Гдова, дьяческій сынъ). Въ 1814 г. управлялъ монастыремъ строитель, іеромонахъ Серафимъ (священническій сынъ, — постриженъ въ Псково-печерскомъ монастырѣ изъ діаконовъ-бѣглецовъ 1812 г.); онъ управлялъ до упраздненія монастыря въ 1817 году.

По упраздненіи монастыря въ 1817 году его двѣ церкви: деревянная (лѣтняя, Свито-Духовская) и каменная (зимняя) были обращены въ приходскія. Первымъ приходскимъ священникомъ здѣсь былъ Алексѣй Сачковскій, сынъ протоіерея, воспитанникъ Петербургской семинаріи, рукоположенный въ Якобштадтѣ же 11 января 1817 года. Приходъ былъ сравнительно не великъ: 94 двора, въ нихъ мужчинъ 197 и женщинъ 174. Прочіе жители Якобштадта все были уніаты, отрекшіеся отъ православія и своей народности въ промежутокъ времени отъ основанія монастыря до прекращенія самостоятельнаго существованія Курляндіи.

Шли годы, отцовъ іезуитовъ изгнали изъ предѣловъ Россіи, отцы василіане начали приходить въ оскудѣніе, пришелъ наконецъ и 1839 годъ, знаменитый и важный для всей Западной Россіи: опомнились уніаты, загладили все свое мрачное прошлое отреченіемъ отъ папы и латинства и воссоединились съ православною Церковію, чадами которой они были до Брестскаго отступничества восьмерыхъ честолюбцевъ. Милліоны русскихъ снова сдѣлались тѣмъ, чѣмъ они были до уніи, снова вошли въ единеніе съ русско-православнымъ народомъ. Вся унія въ Западной Россіи отошла въ область преданій; всѣ уніаты подвинскихъ русскихъ слободъ отъ Друи до стариннаго Зельбурга, совращеніе коихъ въ унію съ папствомъ стоило столько трудовъ и хлопотъ отцамъ іезуитамъ и ихъ достойнымъ послѣдователямъ василіанамъ, сдѣлались православными, а уніатскіе монастыри и церкви обратились въ православныя. Кончилось несчастное раздѣленіе западно-русскаго народа уніею и клинъ, вогнанный въ Западную Россію прицѣпившеюся къ ней Польшею, съ отреченіемъ отъ уніи, уничтожился самъ собою.

Шли годы и Свято-Духовская церковь не избѣгла участи всѣхъ дѣлъ рукъ неловѣческихъ: она ветшала болѣе и болѣе и, наконецъ, въ пятидесятихъ годахъ, пришла въ положеніе, грозившее уже обрушеніемъ. Пришлось прекратить въ ней богослуженіе. Долго церковь эта, группировавшая во время оно вокругъ себя всѣхъ русскихъ лѣвобережнаго Подвинья, не желавшихъ отречься отъ православія и русской народности, стояла въ совершенномъ запустѣніи, обратилась наконецъ въ какой-то амбаръ. Крестъ на ней поникъ долу, казалось дни ея уже были сочтены, но вышло, однако, не такъ: Спасское братство возстановило и украсило разрушавшуюся было древность: Свято-Духовскій храмъ, сохранивъ все свое древнее очертаніе, явился къ 1 ноября 1884 года въ такомъ новомъ блистательномъ видѣ, въ какомъ и мечтать даже не могли его древніе строители, но вотъ православнымъ людямъ приходится снова начинать дѣло возстановленія истребленной чудовищнымъ преступленіемъ святыни.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

22-го марта сего 1885 года, въ исходѣ 3 часа по-полудни, скончался отъ горловой чахотки заштатный священникъ *Іаковъ Іосифовичъ Андреевковъ*, на 48 году отъ рожденія. Покойный о. Іаковъ, родомъ изъ села Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда, сынъ священника, воспитывался въ Харьковской духовной семинаріи, по увольненіи изъ которой, за болѣзнію, изъ высшаго отдѣленія, рукоположенъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви, села Пересѣчнаго, Харьковскаго уѣзда, 1859 года, декабря 24 дня. Съ 1871 по 1884 годъ состоялъ законоучителемъ Пересѣчанскаго народнаго училища. Въ 1868 году награжденъ набедренникомъ, а 1880 году сѣнодалною скуфьею. Въ 1884 г. мая 18 дня, за болѣзнію, по прошенію уволенъ за штатъ.

Покойный о. Іаковъ, болѣе двухъ лѣтъ страдалъ горломъ, въ послѣднее-же время болѣзнь эта до того усилась, что потерявъ голосъ, онъ могъ говорить только шопотомъ, такъ что едва можно было что-либо разобрать изъ его говора. Жизнь его видимо угасала, смерть быстрыми шагами приближалась, тѣмъ не менѣе онъ взиралъ на быстро приближавшійся къ нему послѣдній часъ смертный спокойно, съ полнымъ христіанскимъ упованіемъ на милосердіе Божіе къ нему въ будущей жизни. Незадолго до кончины своей, покойный сподобился Таинства Елеосвященія, а въ самый день ея, съ благоговѣніемъ приобщившись св. Таинъ, мирно скончался. Погребеніе совершено мѣстнымъ о. благочиннымъ, въ сослуженіи двухъ священниковъ и діакона.

Изъ семейства покойнаго осталась: жена его Анна Герасимова, дочь, сынъ—Павелъ (псаломщикъ) и дочь Евдокія въ замужествѣ за священникомъ. Изъ имущества-же—благоустроенный домъ съ надворными службами.

Благочинный Священникъ *Алексій Грековъ*.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.